

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Российская ассоциация международных исследований

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

V

материалы

КОНВЕНТА

Российской ассоциации международных исследований

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО

Том 18

Асимметрия мирового суверенитета:
зоны проблемной государственности

Москва, 2009

РАМИ

*mundum
cognoscendo*

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Мировая политика: взгляд из будущего

Материалы V Конвента РАМИ

Под общей редакцией ректора МГИМО (У) МИД России,
академика РАН А. В. Торкунова

Москва
МГИМО — Университет
2009

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России**

Российская ассоциация международных исследований

Том 18

**Асимметрия мирового
суверенитета: зоны проблемной
государственности**

Редактор тома:
к.п.н., доц. Кудряшова И. В.

Тексты публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов могут не совпадать с мнением редколлегии.

Москва
МГИМО — Университет
2009

В сборнике представлены доклады, сделанные на секции «Ассиметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности», в рамках V Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) «Мировая политика: взгляд из будущего» (МГИМО (У) МИД России, сентябрь 2008 г.)

В центре внимания авторов как теоретические вопросы (универсальные модели формирования наций и государств, влияние международных систем на возникновение и функционирование государств, конкурентоспособность различных форм политической организации), так и конкретные проблемы современной системы суверенитета (интеграционные политики западноевропейских государств в отношении иммигрантов, институциональный репертуар государственного строительства (Ирак, Косово, Палестина), результаты использования рамки государства в целях организации досовременных политических пространств, государственная состоятельность/несостоятельность непризнанных государств (ТРСК, постсоветское пространство), роль мировых держав в современных «кризисах суверенитета» и другие)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
А.В. Абрамов Косово и европейская перспектива Балкан	9
И.П. Алексеев Опыт проблемной государственности: Турецкая Республика Северного Кипра.....	15
Т.Ю. Бондаренко Ирак: есть ли альтернатива национальному суверенитету?	23
М.В. Ильин Международное признание как фактор государственного строительства.....	33
А.О. Колобов Палестино-израильский конфликт и перспективы палестинской государственности	45
Г.Г. Косач Палестинская власть: институциональное строительство и функциональная эффективность	51
И.В. Кудряшова Мировые стандарты суверенности и суверенитеты «факта» на Ближнем Востоке	65
Е.Ю. Мелешкина Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: непризнанные государства.....	79
Е.В. Пинюгина Экстерриториальность исламской идентичности и национальное государство.....	89
Е.Г. Пономарева Балканы как зона турбулентности капитализма	99
Т.С. Соколова Политика интеграции иммигрантов в принимающие общества: случаи Франции и Нидерландов	105

Предисловие

Современная мировая политическая система находится в процессе качественных трансформаций, которые до настоящего времени преимущественно описываются в терминах «глобализация», «размывание суверенитета», «кризис суверенитета», «отмирание государства», «развитие сетевых структур» и т.п. При всей амбивалентности и, отчасти, спорности этих понятий следует отметить, что они фиксируют как растущую взаимозависимость мира, так и появление новых акторов мировой политики, которые конкурируют с суверенным государством во многих областях: экономической, финансовой, политической, военной. Сама привычная политическая карта мира меняется на глазах: глобальная референтная сетка мировой политики «разрывается» там, где появляются непризнанные и частично признанные государства, и «уголщается» там, где функционируют «регионы-государства», «государства-движения», «государства-этноконфессиональные общины». Одновременно происходит перераспределение суверенных полномочий в рамках ЕС, существуют юридически легальные, но функционально беспомощные («несостоявшиеся») государства и т.д.

Нынешняя ситуация не уникальна в мировой истории. Предыдущий период множественности форм институциональной организации власти наблюдался до установления Вестфальской системы, когда существовали такие альтернативные формы институционального устройства, как городские лиги, города-государства и независимые коммуны, которые, в свою очередь, противостояли старым универсальным институтам — феодальной системе, империи и церкви. Становление нации-государства, таким образом, не является линейным процессом, который начался с распадом феодальных иерархий. Оно выиграло в жесткой конкурентной борьбе благодаря большей эффективности институционального устройства в экономической и военно-административной сферах. Наличие централизованной верховной власти и территориальность — вот что позволило нации-государству стать структурной единицей новой системы международных отношений.

Вопрос о формировании современных государств и их основных признаках имеет не только исторический аспект. Во-первых, очевидно, что с ростом взаимозависимости в государстве усиливается динамика изменений. Во-вторых, многие формально признанные государства не в состоянии выполнять своих функции, и анализ происходящих в них процессов показывает, что они в силу тех или иных эк-

зогенных и эндогенных факторов вряд ли смогут добиться этого и в будущем. Таким образом, встает вопрос об адекватной политической организации этого пространства. В-третьих, несмотря на принцип территориальной целостности, на территориях *de jure* государств появляются иные политические единицы, демонстрирующие в ряде случаев эффективность и жизнеспособность (кантоны, регионы, движения, «самопровозглашенные территории» и т.д.). В-четвертых, продолжается процесс политизации этничности, территориально «не совпадающей» с существующими границами. В этом контексте изучение различных типов «политических состояний» и политических изменений является актуальнейшим вопросом политической науки.

Обозначенная проблематика стала центральной в работе секции «Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности». Представленные доклады затрагивают как теоретические вопросы (универсальные модели формирования наций и государств, влияние международных систем на возникновение и функционирование государств, конкурентоспособность различных форм политической организации), так и конкретные проблемы современной системы суверенитета (интеграционные политики западноевропейских государств, институциональный репертуар государственного строительства (Ирак, Косово, Палестина), результаты использования рамки государства в целях организации досовременных политических пространств, государственная состоятельность/несостоятельность непризнанных государств (ТРСК, постсоветское пространство), роль мировых держав в современных «кризисах суверенитета» и другие).

Надеюсь, представленные материалы вызовут интерес у читателей.

И. В. Кудряшова

Косово и европейская перспектива Балкан

А. В. Абрамов

После одностороннего провозглашения независимости Косово временными органами самоуправления¹ в Приштине 17 февраля 2008 г. ситуация в крае характеризуется повышенной напряженностью в сербонаселенных² районах и усилением потенциала этнически ориентированного насилия. Сербские лидеры и подавляющее большинство неалбанского населения отказались признать законность действий Приштины и выступили с требованиями реинтеграции в конституционно-правовое поле Сербии.

Сразу после провозглашения независимости в северном Косово был зафиксирован целый ряд инцидентов. В результате серии мер по урегулированию конфликта между представителями Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНК) и лидерами косовских сербов были достигнуты договоренности о координации действий по стабилизации положения и предотвращению вспышек насилия. Однако это не спасло положения. Например, в северной части г. Косовска-Митровица постоянно проходят массовые акции протеста, блокируется работа косовских институтов власти, предпринимаются активные усилия по самоорганизации краевой сербской общины и устранению препятствий для свободного сообщения с основной территорией Сербии. Фактически в условиях гетто оказались сербы, проживающие в обособленных анклавах южнее р. Ибар. Сохраняется реальная опасность насильственных действий с албанской стороны, в том числе в качестве «возмездия» за сопротивление сербов.

Албанские власти Косово пытаются преуменьшить значение событий в сербских анклавах на севере края. Правительство Х. Тачи не принимает собственных

¹ Ассамблея (парламент) Косово была сформирована как временный орган самоуправления в соответствии с документом «Конституционные рамки временного самоуправления в Косово», утвержденном Миссией ООН по делам временной администрации в Косово в 2001 году.

² Вопрос о численности сербского населения края является спорным и крайне политизированным; по разным оценкам, он составляет от 7 до 10%. — Прим. авт.

мер по урегулированию сербо-албанского противостояния, переложив ответственность на институты международных присутствий. При самом непосредственном внешнем влиянии происходит и формирование законодательной базы самопровозглашенного государства. 15 июня 2008 г. вступила в силу так называемая «конституция» Косово. Албанцы Косово исходят из того, что она создает рамки для окончательной передачи полномочий от МООНК приштабным институтам, при этом сама миссия должна получить новый и существенно урезанный мандат, вследствие чего ее присутствие в крае будет носить чисто номинальный характер.

После вступления в силу косовской «конституции», разработанной без участия сербов, обострилось противостояние между вновь избранными членами муниципальных собраний сербских и смешанных общин, с одной стороны, и международными представителями и косовскими албанцами — с другой. В ряде мест сербы заняли здания муниципальных институтов, несмотря на то, что МООНК не признает легитимность выборов.

Официальный Белград в своих действиях исходит из того, что одностороннее провозглашение независимости (ОПН) Косово и прочие базирующиеся на этом акте решения являются противозаконными и не имеют юридической силы. Признаки ОПН другими странами, а также решение ЕС о направлении в край своей гражданской миссии (Миссия в области верховенства закона (МОВЗ)³)⁴ без соответствующего решения СБ ООН рассматриваются как нарушение положений международного права о суверенитете и территориальной целостности государств.

Остается в силе принципиальная позиция сербской стороны о неприемлемости раздела Косово, однако со стороны Белграда имели место вбросы информации насчет «функционального разделения» между косовскими сербами и албанцами (введения административного деления Косово по этническому признаку и передачи сербам некоторых контрольных функций, в т.ч. над полицией и судебными структурами, в тех районах, где они составляют большинство).

Сопrotивление нажиму ЕС и НАТО по Косово дается новому правительству Сербии все труднее. Так, в контексте обсуждений в СБ ООН вопросов реформирования международных присутствий в крае и в диалоге с Генеральным секретарем ООН позиция президента Сербии Б. Тадича выглядела вялой и ненаступательной. Такой подход позволил западным странам подтолкнуть Пан Ги Муна к принятию в обход СБ ООН решений, ведущих к фактической самостоятельности новой структуры — вышеупомянутой МОВЗ и сокращению полномочий МООНК (хотя центральная роль в мирном процессе согласно резолюции № 1244 СБ ООН от 10 июня 1999 г. закреплена за ООН и СБ⁵). Причина наметившейся двойственности сербской позиции — в нежелании прозападных белградских политиков продолжать конфронтацию с ЕС и США. Тем не менее, внутривластные соображения сегодня заставляют Белград официально придерживаться прежнего курса в косовском вопросе, тем более что этого требует национальное законодательство.

³ МОВЗ (EU Rule of Law Mission in Kosovo) — правоохранительная миссия ЕС, учрежденная в феврале 2008 г.

⁴ Режим доступа к официальному сайту МОВЗ: <http://www.eulex-kosovo.eu>

⁵ Режим доступа: <http://www.unmikonline.org/misc/N9917289.pdf>

Согласно сербской конституции, принятой на всенародном референдуме 29 октября 2006 г., «край Косово и Метохия является составной частью территории Сербии и имеет права существенной автономии в рамках суверенного государства Сербия, и из такого статуса края Косово и Метохия следуют конституционные обязанности всех государственных органов представлять и защищать государственные интересы Сербии в Косово и Метохии во всех внутренних и внешних политических делах» (преамбула)⁶. По действующему законодательству территория Республики Сербии едина и неделима; границы Сербии нерушимы и могут быть изменены только путем пересмотра конституции.

В качестве правового основания для развертывания присутствия ЕС в Косово брюссельские чиновники используют ссылки на отдельные пункты резолюции № 1244, игнорируя при этом ее ключевые элементы (в частности, «содействие установлению существенной автономии» и «содействие политическому процессу, призванному определить будущий статус Косово»⁷).

Внеше административное решение об учреждении МОВЗ имеет статусно-нейтральный характер: миссия должна сохранять нейтралитет по вопросу о статусе Косово. В тексте говорится о «будущей статусной развязке», а в пункте о статусе, иммунитетах и привилегиях миссии отмечается, что этот вопрос будет согласован «надлежащим образом» — без конкретного указания на вторую договаривающуюся сторону. Предусматривается, что полномочия от МООНК перейдут к МОВЗ.

Определены следующие цели МОВЗ: содействие косовским властям, судебным инстанциям и правоохранительным органам в продвижении к устойчивой и контролируемой обстановке, в развитии и укреплении независимой полиетнической судебной системы, полицейской и таможенной служб, в обеспечении условий для их свободного от политического вмешательства функционирования и соответствия международно-правовым стандартам и наилучшей европейской практике. На базе этих установок перед миссией поставлены задачи обеспечения принципов верховенства закона, общественного порядка и безопасности (борьба с коррупцией, организованной преступностью, терроризмом, финансовыми и уголовными преступлениями; развитие независимых судебной и пенитенциарной систем, содействие в налаживании таможенного и пограничного контроля и др.)⁸.

Отсчет времени до полного развертывания правоохранительной миссии ЕС в Косово начался 18 февраля 2008 г. В общей сложности этот процесс в соответствии с планом М. Ахтисаари по формированию «контролируемого суверенитета» края должен занять 120 дней и будет проходить в пять этапов, синхронизированных, среди прочего, с принятием косовским парламентом необходимой законодательной базы.

Пока нет ясности в отношении того, когда начнут свою деятельность международный гражданский представитель (МГП) и его аппарат (75 международных чи-

⁶ Режим доступа: http://www.srbija.gov.rs/cinjenice_o_srbiji/ustav.php

⁷ Режим доступа: <http://www.unmikonline.org/misc/N9917289.pdf>

⁸ См.: Council Joint Action 2008/124/CFSP of 4 February 2008 on the European Union Rule of Law Mission in Kosovo, EULEX Kosovo // Official Journal of the European Union, L 42/92. — 16.02.2008. — Mode of access: <http://www.eulex-kosovo.eu/?id=2>

новников и 200 человек местного персонала). Пост МГП, как предусмотрено планом Ахтисаари, должен занять спецпредставитель ЕС в Косово. Одобрение МГП должно осуществляться так называемой Международной руководящей группой (МРГ), в которую должны будут войти страны, признавшие независимость Косово и направившие свой контингент в МОВЗ.

МРГ сформирована на организационном заседании в Вене 28 февраля 2008 г. В ее состав первоначально вошли 15 стран⁹, признавших или заявивших о намерении признать независимость Косово. Перед группой поставлены следующие ключевые задачи: содействие Приштине в «создании стабильного, многонационального и демократического Косово, поддержании стабильности в регионе и улучшении социально-экономического положения всех этнических групп»¹⁰. Фактически речь идет об оказании помощи в становлении односторонне провозглашенной государственности в соответствии с планом Ахтисаари.

Одним из приоритетов МРГ должно стать наблюдение за обеспечением прав и свобод сербского меньшинства. Возможность раздела Косово по этническому признаку исключается. В то же время признается целесообразность установления привилегированных отношений между населенными неалбанцами (преимущественно сербами) муниципалитетами края и Белградом без создания параллельных структур власти в северном Косово.

Российское руководство исходит из того, что создание МРГ противоречит резолюции № 1244 СБ ООН и согласованным международным сообществом принципам косовского урегулирования. По сути при отсутствии правовых оснований Группа претендует на prerogatives ООН и Совета Безопасности, создавая тем самым предпосылки для осложнения косовского вопроса.

Ситуация в Косово и вокруг него, несмотря на относительную внешнюю стабильность, остается сложной, чреватой опасным развитием событий. Косовские албанцы, достигнув своих главных целей (провозглашение независимости, признание ведущими странами мира, размещение крупнейших в Европе военных баз НАТО, внешнее кредитование экономики, создание политических институтов), все меньше ощущают себя связанными какими-либо юридическими или моральными обязательствами в отношении сербов и международных представителей. Наивны расчеты на то, что новая структура — МОВЗ сумеет добиться их реальной подконтрольности¹¹.

Косовские сербы не приемлют их насильственной интеграции в новое квазигосударственное образование. Тенденция фактического отделения северной, населенной преимущественно сербами части Косово реальна и подтверждается изменением ситуации на местах. Проведение сербами муниципальных выборов и создание Скупщины сербских общин Косово и Метохии в июне 2008 г. стало естественной

⁹ На декабрь 2008 г. членами МРГ являются 25 стран, включая США. — Прим. ред.

¹⁰ Режим доступа: <http://www.ico-kos.org/?id=3>

¹¹ В ноябре 2008 г. СБ ООН после достижения соглашения с Сербией по ряду аспектов управления краем одобрил размещение в Косово миссии ЕС. Новый план по реформатированию международного присутствия предполагал, что управление в сербских районах будут осуществлять местные сербские власти под контролем МООНК при размещении МОВЗ в албанской части края, и был отвергнут Приштиной. — Прим. ред.

реакцией на действия Приштины. В докладе экспертов Международной кризисной группы (в целом выступающей в поддержку плана Ахтисаари) отмечается не только растущая разьединенность сербов и албанцев, но и последствия этого в масштабе Балкан: «Если де-факто раздел «отвердеет», то будущее двух третей косовских сербов, проживающих к югу от разделительной линии по р. Ибар, будет проблематичным, давление в сторону пересмотра границ по этническим основаниям усилится на постюгославском пространстве повсеместно и перспективы членства в ЕС для стран региона будут становиться все более туманными»¹².

Для реальной стабилизации ситуации и соблюдения прав человека, для предотвращения окончательного исхода неалбанцев из края и уничтожения исторического и культурного очага сербского народа важно, чтобы Совет Безопасности взял на себя ведущую роль в урегулировании, выступил гарантом соблюдения международного права, Устава ООН и решений самого Совета. Реализацию предложений руководства ООН по реконфигурации международных присутствий в Косово без предварительного одобрения СБ следует рассматривать не иначе как превышение Генсеком полномочий, как вторжение в сферу прерогатив этого органа. Сигналы Белграда о готовности принять участие в поиске решения проблемы реконфигурации, начать соответствующие переговоры с ООН, были, как и позиция России, полностью проигнорированы при принятии решения о создании и размещении в крае МОВЗ в начале 2008 г. В итоге гражданская миссия ООН (МООНК) по сути лишилась своих основных полномочий и, теряя персонал и имущество, превращалась в ширму для легализации МОВЗ. Претензии ЕС и НАТО к Белграду по поводу поддержки сербо-населенных районов края выглядят необоснованными и в очередной раз подтверждают действие принципа двойных стандартов в современной мировой политике.

Нужно трезво и ответственно подойти к оценке ситуации и воспользоваться сохраняющимися возможностями для выведения косовского процесса из опасного тупика при помощи диалога и механизмов истинно многосторонней дипломатии. Иначе Косово на десятилетия превратится в самое проблемное политическое образование в Европе.

Что касается «включения» Сербии в Европу, то с начала 1990-х годов Запад кормил сербов обещаниями, требуя от них все новых и новых уступок. То, что Косово является очагом массовой безработицы, наркоторговли, местом активного транзита наркотиков, отмыwania денег, торговли оружием и живым товаром, попросту игнорировалось при обсуждении вопроса о его будущем. Если бы ведущие европейские государства подошли к этому вопросу более ответственно, они никогда бы не поставили вопрос об отделении этой территории от Сербии. Как известно, некоторые страны (Словакия, Греция, Македония и др.) высказывались за то, чтобы не решать вопрос так быстро, причём априори в пользу одной из сторон.

В настоящий момент очевидно: провозглашение независимости Косово и его признание значительно осложнило ситуацию на Балканском полуострове. Например, ЕС по каким-то причинам не обратил внимание на легализацию террористической Армии освобождения Косова, которая не только в крае, но уже и в Македо-

¹² Kosovo's Fragile Transition. Europe Report N 196. — 25 September 2008. — Mode of access: <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5695&l=3>

нии патрулирует дороги и границы (ее разоружение предусмотрено резолюцией № 1244). Подобных вопросов и странностей, связанных с признанием Косово, немало. Представляется, что Косово мыслилось странами НАТО как территория, управляемая ангажированными группами в их интересах. Отсюда спонсирование террористических структур (АОК) в целях разрушения единого государственного организма Сербии, ставка на криминалитет в организации финансового и политического контроля. Косово стало главной зоной дислокации американской военной машины — там уже построены две военные базы НАТО. Похоже, это делается с двойным прицелом: с целью контроля над ситуацией в Европе и сдерживания России, не допущения ее в регион.

В целом формирование косовского государства напоминает процесс распада СФРЮ в 1991–1992 гг., когда новые государства возникали во многом благодаря селективной политике «международного признания». По мнению политолога-международника Р. Томаса, своим распадом Югославия обязана именно политическому «вторжению» западных держав, в первую очередь Германии и США, которые поддерживали определенные этнические группы для продвижения собственных целей, определявшихся на тот момент сложными комбинациями внешне- и внутривнутриполитических факторов. Ни сербского, ни хорватского национализма при всей их значимости не было достаточно для развала страны, насилие вспыхнуло при обретении надежды на сецессию и признание¹³.

¹³ См.: Yugoslavia Unraveled: Sovereignty, Self-determination, Intervention / Ed.by Raju G. C. Thomas. — Lanham, Lexington Books, 2003, p. 4–5.

Опыт проблемной государственности: Турецкая Республика Северного Кипра

И.П. Алексеев

Феномен «проблемного» суверенитета непосредственным образом связан с трансформацией Вестфальской системы мироустройства, процессами глобализации, появлением новых акторов, если не полностью заменяющих государство по версии *nation-state*, то, по крайней мере, серьезно перераспределяющих его управленческие функции и полномочия в свою пользу. Среди таких акторов обычно упоминают международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные корпорации, внутригосударственные регионы, новые движения и партии (например, экологические), террористические группы. Эпитет «новые» многие из них, появившиеся еще в XIX в., получили потому, что стали действовать в иных количественных и качественных масштабах¹⁴. Изменение государствоцентричной парадигмы связано и с появлением различного рода политий с проблемным политическим статусом.

В современной политической науке известны различные трактовки суверенитета. Для настоящего доклада наиболее значимыми стали подходы американского политолога С. Краснера и датских исследователей Х.-Х. Хольма и Г. Соренсена. Первый выделяет четыре понятия суверенитета: суверенитет взаимозависимости (способность государств контролировать движения через свои границы), внутренний суверенитет (способность к эффективному управлению и контролю), вестфальский суверенитет (исключение внешних источников власти и принцип невмешательства во внутренние дела других государств), международный юридический суверенитет. Датские ученые рассматривают суверенитет в трех измерениях: как «негативный» (формально-правовое признание какого-либо государства как суверенного со стороны международного сообщества), «позитивный» (реальная способность государства осуществлять контроль над своей территорией при условии внутренней легитимации) и «операциональный» (возникает при необходимости уступать часть сво-

¹⁴ См.: Лебедева М. М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира. — «Космополис», 2003, № 1; Пономарева Е. Г. Суверенитет в условиях глобализации — «Свободная мысль», 2007, № 11.

его права на свободу действий в обмен на участие в принятии решений другими государствами, то есть на определенные выгоды)¹⁵.

Для изучения казуса Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) ключевыми представляются внешнее (негативное) и внутреннее (позитивное) измерения суверенитета. В политической практике достаточно часто встречаются государства, обладающие преимущественно либо только внешним суверенитетом, то есть формально независимые, но с ослабленной государственной состоятельностью (квазигосударства) или неспособные поддерживать минимальный порядок на своей территории (несостоявшиеся, или *failed states*)¹⁶. Но бывает и наоборот. Государства с проблематизированными внешними аспектами суверенности и неопределенной статусностью, но внутренне состоятельные относят к группе *de facto* государств¹⁷. Российский политолог А. Цуциев выделяют следующие их характеристики:

- фактический суверенитет: политико-территориальные образования обладают ключевыми атрибутами государства и, прежде всего, способностью к эффективному и обычно «внутренне легитимированному» контролю над [хотя бы основной] территорией;
- отсутствие внешней легитимации суверенитета: нет признания независимого государственного статуса и права/возможностей вступать в соответствующие сношения с другими государствами;
- наличие признанного международным сообществом права некоего государства-претендента на поглощение или «реинтеграцию» соответствующей территории (неявно это легитимация претензии на уничтожение непризнанного государства)¹⁸.

Применительно к ТРСК «проблемный суверенитет» означает, что республика способна осуществлять контроль над территорией и населением (этот контроль, как правило, легитимируется на разного рода референдумах), однако *de jure* не имеет признания со стороны международного сообщества. Правда, не следует забывать факт отсутствия стандартной формулы выражения признания. Как справедливо заметил Президент РФ Д.А. Медведев, «признание осуществляется каждым государством в индивидуальном порядке. Никаких коллективных действий здесь быть не может... Международное право основывается на том, что... правосубъектность нового государства возникает в момент его признания хотя бы одним другим государством»¹⁹.

Международное право не устанавливает обязанности предоставлять признание. Обычно это является актом доброй воли со стороны признающего государства:

¹⁵ См.: Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик. — Ред. Ильин М.В., Кудряшова И.В. М., МГИМО — Университет, 2008, с. 34–37.

¹⁶ См.: Ильин М.В. Возможна ли универсальная типология государств? — «Политическая наука», 2008, № 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Цуциев А.А. Территории проблемного суверенитета. — Режим доступа: <http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1120>

¹⁹ Интервью Д. А. Медведева телеканалам «Россия», Первому, НТВ 31 августа 2008 г. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/31/1917_type63374type63379_205991.shtml

признающее государство руководствуется своими собственными соображениями, прежде всего политическими. Прием государства в члены ООН является очевидным подтверждением международной правосубъектности государства, однако не означает ни его коллективного признания, ни индивидуального признания со стороны государств — членов ООН. Однако нельзя не отметить, что вне ООН суверенных, признанных всеми или абсолютным большинством стран мира государств сейчас не существует. Так, хотя теократическое государство Ватикан в настоящее время не состоит в ООН, тем не менее, оно имеет статус наблюдателя в этой и многих других организациях.

Корни кипрской проблемы имеют давнюю историко-культурную подоплеку. Остров был периферией различных империй. В средние века он принадлежал Византийской империи, Арабскому халифату, крестоносцам, Венецианской республике. В 1571 г. был завоеван Османской империей, в составе которой оставался до 1878 г., когда господство над ним перешло к Великобритании. Официально Кипр был аннексирован в 1914 г., а в 1925 г. Британская империя включила его в состав своих заморских доминионов. Именно в колониальную эпоху были заложены основы того противостояния, которое привело к последующему конфликту и разделению острова. На протяжении всего периода британского правления греки-киприоты требовали независимости и воссоединения с Грецией. Колониальные власти рассматривали турок-киприотов как естественных союзников против национально-освободительного движения и всячески их поощряли, проводя таким образом политику по принципу «разделяй и властвуй» (аналогично той, что использовалась в то же самое время в Палестине)²⁰.

После Второй мировой войны греко-киприотское движение за независимость вступило в новую фазу. 19 февраля 1960 г. в Лондоне было подписано соглашение между Грецией, Турцией, Великобританией, архиепископом Макариосом и доктором Фазилем Кучуком, лидерами общин греческих и турецких киприотов. Договор определял базовые принципы будущего государственного устройства Республики Кипр: независимость, территориальную целостность, нейтральный статус. Он предоставлял Греции, Турции и Великобритании «право принимать меры» в случае нарушения условий договора, то есть осуществлять вмешательство во внутренние дела. Греция и Турция получили возможность держать на острове военные контингенты численностью 950 и 650 человек, Великобритания сохранила две военные базы. Государственное устройство предполагалось сформировать по принципу консоциации, т.е. распределения власти между общинами на пропорциональной основе. Так, должность президента закреплялась за представителем греческой общины, а вице-президента — за турком-киприотом. 16 апреля 1960 г. была провозглашена независимость Кипра, и в том же году он был принят в ООН. Президентом Кипра был избран Макариос. После провозглашения независимости противоречия между двумя общинами серьезно обострились. В 1963 г. президент Макариос в целях «централизации управления» предложил внести односторонние изменения в конститу-

²⁰ См.: Рытов А. Г. Кипр: на пути к объединению. М., ИКАР, 2005, с. 7; Точки Н., Ковзиридзе Т. Кипр.

Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. М., Весь мир, 2005, с. 74–75.

цию в виде тринадцати поправок²¹, которые некоторые наблюдатели сочли неконституционной попыткой нарушить равновесие сил (их суть заключалась в фактическом лишении турецко-киприотской общины статуса одного из соучредителей государства и низведении ее до положения меньшинства). В республике разгорелся вооруженный межобщинный конфликт. Вице-президент Кучук, турко-киприотские министры, члены Палаты представителей и чиновники перебрались в турецкую часть Никосии и отказались участвовать в управлении страной.

Помимо упомянутого выше имперско-колониального фактора свою роль в обострении кипрской проблемы сыграл также «откат демократии» 1958–1974 гг., когда к власти во многих странах (прежде всего, «третьего мира») пришли военные диктатуры. Эта «волна» не обошла и Грецию, где в 1967 г. власть перешла к военной хунте «черных полковников», которые обещали осуществить энosis, то есть присоединение Кипра. 15 июля 1974 г. хунта поддержала греко-киприотский военный переворот. Турция, ссылаясь на Соглашения о гарантиях 1960 г., начала 20 июля 1974 г. военную интервенцию. Переговоры в Женеве по урегулированию ситуации провалились. В августе Турция развернула новые военные операции, завершившиеся оккупацией северных районов (37% общей площади острова). Около 200 тыс. греков-киприотов бежали в южную зону, а 40 тыс. турок-киприотов — в северную²².

В 1975 г. было провозглашено образование Турецкого Кипрского Федеративного государства (президент — Рауф Денкташ) в качестве первого шага к созданию в будущем объединенного кипрского государства, однако этот акт не был признан ООН и международным сообществом. После восьми лет неудачных переговоров с лидерами греков-киприотов 15 ноября 1983 г. Север объявил о независимой Турецкой Республике Северного Кипра. Эта односторонняя декларация независимости была отклонена ООН и Республикой Кипр.

Конституция ТРСК²³ была подготовлена Учредительным собранием, сформированным после провозглашения независимости, и одобрена турко-киприотскими избирателями 5 мая 1985 г. большинством в 70 %²⁴. Основной закон определяет государственное устройство как парламентскую демократию. Фактически это разновидность президентской республики. Президент Республики, избираемый на пять лет, является главой государства и исполнительной власти. Он должен быть киприотского происхождения и как минимум пять лет проживать на Кипре. Президент назначает премьер-министра (из числа членов Законодательного Собрания) и министров по представлению премьера. Законодательная власть в республике осуществляется Законодательным Собранием из 50 депутатов, избираемых сроком на пять лет. Президент может распустить Собрание и назначить проведение новых выборов в период 60 дней. Если в течение одного года Совет Министров не утверждает

²¹ Подробнее см.: Uslu N. The Cyprus Question as an Issue of Turkish Foreign Policy and Turkish-American Relations, 1959–2003. N.-Y., Nova Science Publishers, 2003, p. 20.

²² Режим доступа: http://millitera.lib.ru/common/show/05_23.html

²³ Constitution of the Turkish Republic of Northern Cyprus. — Mode of access: <http://www.cypnet.co.uk/ncyprus/main/polsyst/constitution/>

²⁴ The Europa World Year Book 2004. L., Taylor & Francis, 2004, p. 1379.

ся Собранием или Собрание трижды выносит ему вотум недоверия, Президент может распустить Собрание и объявить новые выборы, а также вынести вопрос о его роспуске на референдум.

Вооруженные силы официально называются «Турецко-киприотские силы безопасности» и совмещают функции вооруженных сил и полиции (4000 человек). Турецко-киприотскими силами безопасности командует генерал турецкой армии, который несет ответственность перед премьер-министром ТРСК. Хотя формально силы безопасности являются самостоятельными, они находятся под полным контролем турецкой армии и фактически являются ее подразделением.

В экономике ТРСК преобладает сектор услуг: торговля, туризм и образование, незначительное место занимают сельское хозяйство и легкая промышленность. Значительную долю финансирования берет на себя Турция. Из-за сложного международного положения и эмбарго ТРСК непосредственно зависит от турецкой военной и экономической помощи. В качестве валюты используется турецкая лира.

В настоящее время только Турция официально признает Северный Кипр и поддерживает с ним дипломатические отношения на уровне посольств. Сама республика также имеет ряд консульств в Турции. В некоторых странах у ТРСК есть неофициальные представительства, которые де-факто являются посольствами и консульствами. Турция представляет интересы ТРСК в странах, где нет таких представительств. Несколько государств имеют официальные или неофициальные представительства в Северной Никосии (США, Германия, Австралия, Великобритания, Франция и ЕС в целом). Таким образом, Северный Кипр имеет частичное внешнее признание.

О готовности официального признания ТРСК заявляли Азербайджан и Гамбия, что, однако, до сих пор не сделано. Последним государством, заявившем о таком намерении, был Парагвай²⁵.

Признанное международным сообществом в качестве единственно легитимного правительство Республики Кипр отказывается в какой-либо форме предоставлять официальный статус правительству ТРСК и активно противодействует таким попыткам со стороны других стран. Оно характеризует ТРСК как «незаконное образование», «оккупированную территорию» и «марионеточное государство Турции». Кроме того, в отношении должностных лиц и институтов ТРСК Кипр использует такие характеристики, как «псевдо» или «так называемые». В свою очередь, ТРСК не признает само правительство Кипра, называя его «греко-киприотской администрацией Южного Кипра», а кипрского президента — «греко-киприотским лидером».

Положение вокруг статуса Северного Кипра еще более осложнилось после вступления Кипра в ЕС в 2004 г. ТРСК считает это незаконным, поскольку Республика Кипр не представляет турецко-киприотское население. Северный Кипр рассматривается как территория ЕС, находящаяся под иностранной военной оккупацией, вследствие чего в этой части острова временно (вплоть до урегулирования проблемы) не действует законодательство ЕС. Количество мест (шесть), закрепленных за Кипром в Европейском парламенте, формально представляет население всего

²⁵ Режим доступа: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Foreign-relations-of-the-Turkish-Republic-of-Northern-Cyprus>

острова, несмотря на то, что жители Северного Кипра в настоящее время не могут участвовать в выборах.

В 1983 г. СБ ООН принял две резолюции, объявляющие незаконным одностороннее провозглашение независимости ТРСК и призывающие другие страны-члены ООН не признавать ее. В свою очередь ТРСК считает такую позицию ООН лицемерной, ссылаясь на прецедент признания Бангладеш в 1972 г. после ее выхода из состава Пакистана. ТРСК имеет статус наблюдателя в Организации Исламская Конференция, где именуется «Турецкое Киприотское Государство».

История переговоров о решении кипрской проблемы сложна. Непосредственно после разделения острова СБ ООН принял резолюцию № 367, предусматривающую создание федерации на основе равноправия двух общин. На базе этой резолюции в 1977 г. было подписано соглашение между лидерами общин — Р. Денкташем и архиепископом Макариосом, а затем дополнительное соглашение между Денкташем и С. Киприану²⁶ в 1979 г. В 1980–1990-е гг. при посредничестве ООН неоднократно проводились переговоры между общинами, заканчивавшиеся безрезультатно. Наиболее комплексной и серьезной попыткой урегулирования стал так называемый «План Аннана» (2004 г.). Он содержал следующие пункты:

- источник суверенитета — две равноправные общины;
- единое гражданство с сохранением внутреннего гражданского статуса;
- создание Президентского совета из 9 человек (вместо поста президента), в котором каждые 20 месяцев проводится плановая ротация, а решения принимаются на основе единогласия;
- создание двухпалатного парламента, состоящего из Сената (48 мест), где в равной степени представлены греки-киприоты и турки-киприоты, и Палаты депутатов (также 48 мест), где общины представлены в зависимости от процентного состава; решения принимаются простым большинством голосов, но требуется согласие не менее $\frac{1}{4}$ сенаторов от каждой общины; в особых случаях требуется большинство в $\frac{2}{3}$;
- равное представительство обеих общин в Верховном суде;
- отведение туркам-киприотам 28,5 % территории;
- возвращение примерно 90 тыс. греков-киприотов на Север с частичным возвращением их имущества (или получением компенсации в случае невозможности возврата имущества);
- сокращение греческого и турецкого военных контингентов до 6 тыс. человек к 2011 г.; сокращение армии до 3 тыс. к 2018 г. или до момента вхождения Турции в ЕС, после чего — сокращение греческого и турецкого контингента соответственно до 950 и 650 человек;
- эмбарго на поставку вооружений;
- вступление объединенного Кипра в ЕС²⁷.

План был активно поддержан международным сообществом, прежде всего США и ЕС, которые обратились с призывом к обеим сторонам проголосовать за него на предстоящем референдуме. 1 апреля 2004 г. план был передан на рассмо-

²⁶ Президент Республики Кипр в 1977–1988 гг.

²⁷ Режим доступа: http://www.hri.org/docs/annan/Annan_Plan_Text.html

трение лидерам общин — Р. Денкташу и Т. Пападопулосу. Камнем преткновения стало положение о сохранении на острове 650 турецких военных. Это дало повод грекам-киприотам говорить о фактической легализации оккупации Турцией северной части острова, а также о легитимации незаконного, с их точки зрения, турецко-кипрского государства путем предоставления ему права стать равноценным субъектом гипотетической федерации и наделения представителей турецко-кипрской общины равными возможностями в управлении единым Кипром в рамках Президентского совета. Раздражающим фактором стало и то, что экономически более развитый Юг по сути должен был взять на себя заботу о развитии Севера. В итоге греческая община во главе с президентом Пападопулосом отказалась поддержать план Аннана. На состоявшемся 24 апреля 2004 г. референдуме голоса распределились следующим образом: на греческой части острова — 75,83% — «против», 24,17% — «за»; на турецкой — 64,9% — «за», 35,1% — «против»²⁸. Таким образом, референдум был провален из-за несогласия греков-киприотов²⁹. Вследствие этого Республика Кипр была подвергнута критике со стороны международного сообщества, а ЕС ослабил экономические санкции против Северного Кипра.

На сегодняшний день ситуация на Кипре является патовой. Все планы по урегулированию проблемы, предлагавшиеся международным сообществом с момента ее возникновения, последовательно отвергались, причем, как правило, греческой стороной, считавшей их излишне «протурецкими». Как заявил в интервью президент ТРСК Мехмет Али Талат, «у греков-киприотов нет серьезной мотивации спешить с урегулированием — их признает весь мир, они члены ООН, Евросоюза... Они не потеряют ничего, если мы не найдем решения. От урегулирования они также немного выиграют»³⁰.

Очевидны глубинные разногласия между двумя сторонами по принципам объединения острова, причем разногласия эти по существу те же, что в свое время привели к разделению Кипра. С одной стороны, турки-киприоты настаивают на «двуобщинном» характере суверенитета, претендуя, таким образом, на роль равноправного «соучредителя» будущего федеративного государства, а также на очень серьезное представительство в органах власти. С другой стороны, греки считают такие требования явно завышенными, соглашаясь предоставить туркам лишь статус меньшинства. Свою роль также играет экономический фактор: более развитый греческий Юг, во-первых, не хочет становиться донором для Севера, во-вторых, настаивает на решении вопроса о восстановлении прав на собственность греков-киприотов, лишившихся ее в 1975 г. (что, в свою очередь, неприемлемо для турок-киприотов). Наконец, еще одним важным обстоятельством, препятствующим воссоединению острова, является неясная политика ЕС в отношении самой Турции как потенциальному

²⁸ Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3656753.stm>

²⁹ Хотя лидер турок-киприотов Р. Денкташ также был настроен против плана Аннана, Турция выступила в его поддержку и способствовала формированию благоприятного общественного мнения по отношению к нему в самой ТРСК.

³⁰ «Независимая газета», 25.07.2008.

кандидату в члены: очевидно, что при наличии благоприятного сигнала для Анкары по этому вопросу у ТРСК было бы больше стимулов для продолжения переговоров об урегулировании.

Все это дает основание полагать, что в обозримой перспективе ТРСК продолжит свое существование как *de facto* государство с «проблемным суверенитетом». Вряд ли стоит ожидать изменения ее международного статуса, однако, как показывает опыт Тайваня, «непризнанность» сама по себе вовсе не есть препятствие для благополучного экономического развития. ТРСК существует уже почти 50 лет, и если предположить, что поддержка Турции будет продолжаться, а международное сообщество (прежде всего ООН и ЕС) смягчит или же вовсе ликвидирует экономическую изоляцию непризнанной республики (первые шаги к этому уже были сделаны после провала референдума по плану Аннана), то она имеет шансы превратиться в некое подобие «средиземноморского Тайваня».

Ирак: есть ли альтернатива национальному суверенитету?

Т.Ю. Бондаренко

Одной из характерных черт современного мира является значительное усиление его гетерогенности, которая проявляется как в мировом, так и в национальном масштабах. В глобализирующемся мире обостряются старые и образуются новые размежевания — национальные, этнические, религиозные, регионалистские, социальные — которые требуют новых управленческих подходов для поддержания равновесия и стабильности как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Это особенно актуально для так называемых «переходных обществ», которые переживают период трансформации политической системы. Современный Ирак относится к числу стран, где вопрос о политическом управлении стоит наиболее остро. В результате контртеррористической операции и свержения режима Саддама Хусейна произошел распад единого государства, который не могут «преодолеть» предложенные США меры по демократизации. Поскольку успех строительства современных государственных институтов во многом обусловлен историческим опытом и внешнеполитическими условиями, основной задачей доклада является анализ особенностей политического развития Ирака и оценка вариантов организации территории страны в современных условиях.

Иракское общество имеет очень сложную и неоднородную структуру. В период мандата Великобритания «собирала» страну из разнородных этнических, религиозных, племенных и локальных сообществ. Даже распространенное трехчленное деление Ирака на шиитский юг, суннитский центр и курдский север не отражает всей сложности картины — внутри этих локусов проходят свои не менее сложные и глубокие границы.

Этноконфессиональная структура Ирака заслуживает подробного рассмотрения, поскольку ее специфика выступает важнейшим фактором нынешней раздробленности. Со времен халифата, когда Багдад в течение пяти веков был ведущим центром арабского и мусульманского мира, арабский элемент был определяющим в процессе формирования местной идентичности. Второй по величине этнической группой являлись курды, чьи исторические территории оказались пери-

ферией мощных имперских влияний — греческого и персидского, римского и парфянского, византийского и арабского, османского и иранского. Будучи разделенными между различными государствами Востока, они сохраняли свою идентичность и стремились к созданию собственной государственности, о чем свидетельствуют многочисленные восстания против завоевателей. Помимо арабов и курдов к началу XX века на территории современного Ирака проживали также туркмены, турки, черкесы, персы, индийцы, евреи, армяне и др. В настоящий момент этноконфессиональная структура Ирака выглядит следующим образом: арабы составляют примерно 75–80% населения, курды — 15–20%, туркмены, ассирийцы и прочие меньшинства — 5%. Мусульманами являются 97% населения страны (60–65% — шииты; 32–37% — сунниты), 3% жителей исповедуют христианство и другие религии³¹.

Источником гетерогенности иракского общества выступают также устойчивые родоплеменные и клановые структуры внутри каждого из этносов. Сообщества, объединенные традиционными связями, зачастую враждуют друг с другом. Партикуляризм всегда мешал формированию национальной идентичности и государственности. Ситуация осложнялась тем, что этнические меньшинства, прежде всего курды, выдвигали требования территориальной и политической автономии. По мнению ряда исследователей, такая сложная структура иракского общества исключала и исключает возможность формирования демократической системы государственного устройства³².

Создание консолидированного политического образования всегда было одним из важнейших приоритетов иракских правительств. Монархический режим, установленный в Ираке во времена британского мандата, шел к этой цели эволюционно-реформистским путем, пытаясь найти баланс между традиционным и современным. Однако иракское общество не было готово к подобной консолидации и эволюции. Монарх в Ираке был хоть и уважаемым (о чем свидетельствуют, например, данные референдума по «избранию» в 1921 г. королем Фейсала ибн Хусейна («за» — 96%)³³, командовавшего арабскими частями в Первую мировую войну), но чужеродным элементом. Поэтому правление монарха не смогло привести к политической консолидации и эволюционной модернизации иракского общества³⁴.

Революционный режим, пришедший к власти в 1958 г., окончательно похоронил идею эволюционного развития Ирака. Основным средством сохранения власти, а также поддержания единства общества в условиях раздробленного государства стало насилие. Основу политической элиты страны этого периода составили левые силы, включая коммунистов. Они взяли курс на построение социализма, однако противоречивые мероприятия правительства и раскол внутри Социалистиче-

³¹ CIA. The World Factbook 2008. Mode of access: <http://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/iz.html>

³² См., например: Львов В.В. Ирак: реалии власти и санкции. Ближний Восток и современность. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1997, вып. 4.

³³ Keller H.R. The Dictionary of Dates: The Old World. N.-Y., Hafner Pub. Co., 1971, p. 850.

³⁴ Львов В.В. Современная политическая элита Ирака: а есть ли будущее? Политическая элита Ближнего Востока. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.

ского блока привели к воцарению хаоса. После серии государственных переворотов в 1968 г. власть вновь оказалась у партии Баас³⁵ (первый раз — в 1963 г.), которая попыталась консолидировать иракское общество, опираясь на лозунги панарабизма, социализма и единства. В 1979 г. власть монополизировал Саддам Хусейн, который стал одновременно президентом республики, премьер-министром, главой Совета революционного командования (СРК) и генеральным секретарем партии. Основу политической элиты страны составили ближайшие родственники и соратники Хусейна, в основном сунниты. Оппозиция шиитов и курдов жестко подавлялась. Несмотря на негативные стороны авторитаризма, этот этап развития политической системы Ирака отличался сильной централизацией политической системы и консолидацией иракского общества. Поскольку по Конституции 1970 г. и Хартии национального действия 1971 г. СРК во главе с президентом был высшим органом власти, обладающим даже правом вносить поправки в конституцию путем издания декретов, именно Хусейн стал фактическим сувереном Ирака — высшим авторитетом, относительно которого осуществлялось распределение власти на данной территории³⁶. Если пользоваться типологией суверенитета, предложенной датскими политологами Х.-Х. Хольмом и Г. Соренсеном³⁷, Ирак в этот период обладал не только негативным (формально-правовым), но и позитивным суверенитетом, то есть способностью полностью распоряжаться собой, будучи не только полностью независимым от внешнего окружения, но и имея возможности снабжать своих граждан достаточным для их благосостояния количеством жизненных средств.

С момента проведения в Ираке контртеррористической операции «Шок и трепет» (2003 г.) начался новый этап развития страны. США помимо борьбы с терроризмом ставили своей целью создание нового политического режима.

После передачи власти от Временной коалиционной администрации национальному правительству, которая произошла 28 июня 2004 г., в Ираке были окончательно сформированы исполнительные органы власти, в которых оказались задействованы представители основных этнических групп страны. Официально процесс их формирования происходил при содействии ООН в лице миссии специального посланника Л. Брахиими. При выборе модели управления выбор был сделан в пользу консоциативного устройства по примеру уже реализованной на практике ливанской модели. Предполагалось, что система распределения постов в соответствии с интересами основных этноконфессиональных групп, опробованная в другой ближневосточной стране, может оказаться наиболее эффективной в сложившейся ситуации.

Модель консоциативной (сообщественной) демократии была разработана по-

³⁵ Баас — Партия арабского социалистического возрождения, основанная в 1947 г. как общепарабская; в 1954 г. открыто ее региональное отделение в Ираке.

³⁶ Подробнее о понятиях *суверен*, *суверенность*, *суверенитет* см.: Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация концепций и практик / Ред. Ильин М.В., Кудряшова И.В. М., МГИМО-Университет, 2008, с. 20.

³⁷ Holm H.-H. & Sorensen G. (eds.) *Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold War*. Boulder, Westview Press, 1995, p. 196. Цит. по: Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории, с. 35–36.

литологом А. Лейпхартом³⁸ для многосоставных обществ. Согласно его концепции, консоциативность позволяет соблюдать баланс интересов различных сегментов таких обществ, благодаря чему устанавливается фрагментированная, но стабильная демократия. Ее принципы:

1. Управление осуществляется в рамках большой коалиции, в которой представлены все основные сегменты многосоставного общества;
2. Пропорциональность как основной принцип политического представительства и влияния на процесс принятия решений;
3. Право вето меньшинств, участвующих в коалиции, которое позволяет каждому сегменту блокировать заведомо неблагоприятные для него решения;
4. Автономность сегментов и федерализм. Означает, что решения, затрагивающие интересы всех сегментов общества, принимаются ими совместно, однако каждый из них имеет право самостоятельно решать вопросы, находящиеся в сфере его исключительных интересов.

По прошествии нескольких лет представляется возможным оценить, насколько эффективной оказалась модель консоциативного устройства в Ираке.

После долгих консультаций и политического торга в июне 2004 г. в стране была одобрена следующая структура временных высших органов исполнительной власти: президент (суннит), два вице-президента (шиит и курд), правительство во главе с премьер-министром (шиитом) в составе 33 человек³⁹. Таким образом, Ирак обрел новую власть: президент Аль-Явер (суннит), вице-президенты — Ибрагим Джаафари (шиит) и Рож Шавес (курд), премьер-министр Айд ад-Джаури — также (в противовес президенту) представитель шиитской общины. Таким образом, было соблюдено одно из основных условий консоциативной демократии — пропорциональность при назначении на ведущие государственные посты.

Однако Временное правительство Ирака немногим отличалось от своего предшественника — самораспустившейся Временной коалиционной администрации. У него не было ни легитимного статуса, ни эффективных рычагов воздействия на положение дел в стране, и, по сути, оно имело марионеточный характер. Новый орган не контролировал местные силовые структуры, а также не имел возможности оказывать какое-либо влияние на деятельность коалиционных сил, что вызывало неодоление населения.

После передачи американцами власти новое правительство столкнулось с множеством проблем, среди которых основными стали обеспечение безопасности и поиск этноконфессионального «компромисса». По прошествии года с момента свержения режима Хусейна возникла реальная угроза секторального раскола страны.

Первый из секторов представляли сунниты, утратившие все свои привилегии после смены режима (в первую очередь это коснулось баасистов — работников госучреждений и военнослужащих). Несмотря на то, что президентом страны был представитель суннитской общины, обстановка в районах проживания суннитов не

³⁸ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., Аспект Пресс, 1997.

³⁹ Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (май 2004 г.). Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2004/11-06-04.htm>

утратила напряженности. Для этих людей реализация американского плана грозила немалыми бедами, поскольку было совершенно очевидно, что в результате свободных выборов к власти неизбежно придет шиитское большинство, которое не будет учитывать мнение дискредитированного бывшей близостью к власти меньшинства при принятии ключевых политических решений.

Второй сектор — радикальное крыло шиитской общины, возглавляемое Муктадой ас-Садром. Сторонники ас-Садра противостояли не только «иностранным оккупантам», но и более умеренно настроенным представителям шиитов во главе с великим аятоллой Али ас-Систани, намереваясь создать в Ираке теократическое государство.

Необходимо также отметить, что для Вашингтона приход к власти и доминирование шиитов в правительственных структурах было нежелательным, поскольку не давало гарантий проведения «демократической» проамериканской политики. Кроме того, американцы опасались, что сложившейся в Ираке ситуацией воспользуется Иран, который в лице шиитского руководства получит себе мощного союзника в регионе.

И, наконец, наиболее сложной представлялась ситуация с иракскими курдами, которые составляют 15% населения страны. Курды, как отмечалось выше, никогда не оставляли попыток создания своего государства (которое, кстати, было обещано им на конференции в Сан-Ремо в 1920 г.) После операции по освобождению Кувейта США обеспечили фактическую независимость Иракского Курдистана. В постсаддамовском Ираке курды начали борьбу за закрепление своих прав на широкую автономию, включая собственные вооруженные формирования и право на природные ресурсы.

Кульминацией попыток США внедрить демократию в Ираке стали выборы в Национальную ассамблею (парламент), состоявшиеся 30 января 2005 г. Однако сами по себе выборы нельзя назвать демократическими. Во-первых, они проводились в условиях фактически продолжающейся оккупации Ирака силами коалиции, с многочисленными нарушениями и при отсутствии международных наблюдателей. Во-вторых, в Ираке перед выборами сложилась уникальная ситуация, когда граждане до дня голосования не знали имен кандидатов из соображений безопасности (открытая избирательная кампания не велась). В-третьих, ни одна из основных этнических группировок не смогла создать прочной предвыборной коалиции. Кроме того, несмотря на усиленные меры безопасности, в результате взрывов и обстрелов избирательных участков в день проведения выборов погибло около 30 иракцев.

По результатам выборов победу одержал блок «Объединенный иракский альянс», возглавляемый Али ас-Систани, который получил 48% голосов избирателей. На втором месте оказался блок ведущих курдских партий — Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК) — 25,7%. И лишь третье место занял блок «Иракский список» премьер-министра Алауи, которого поддерживали американцы — 13,8%⁴⁰. Арабы-сунниты бойкотировали выборы, что было обусловлено, во-первых, политическими соображениями, а во-вторых, страхом за свою жизнь. По всей стране их проголосовало около 6%.

⁴⁰ Independent Electoral Commission of Iraq. Mode of access: <http://psephos.adam-carr.net/countries/i/iraq/iraq2005.txt>

6 апреля 2005 г. Национальная ассамблея Ирака подавляющим большинством голосов избрала президентом страны Джаляля Талабани — лидера ПСК. Он занимал эту должность до декабря 2005 г., когда в стране прошли новые парламентские выборы.

Следующим этапом становления новой иракской государственности должно было стать принятие новой Конституции и создание на ее основе легитимных органов власти. Однако в процессе разработки текста основного закона выявились глубокие противоречия между представителями основных иракских общин — в основном по поводу роли ислама в новом государстве и федеративного устройства Ирака. Шииты активно выступали за создание автономного района на юге, что не устраивало суннитов, опасавшихся, что они будут лишены нефтяных доходов. Кроме того, децентрализованный федерализм мог способствовать распаду государства, учитывая стремления курдов к независимости. Национальные меньшинства (ассирийцы, туркмены и т.д.) также выступили против федерации.

Несмотря на разногласия, 15 октября 2005 г. в Ираке была принята постоянная Конституция, закрепившая правовые основы нового государства. Ирак был провозглашен «независимым, суверенным, демократическим федеративным государством с парламентской республиканской формой правления» (ст. 1), ислам — официальной государственной религией и основным источником законодательства (ст.2). Ирак — мультиэтническое, многонациональное государство, которое является частью исламского мира (ст. 3). Официальными языками в республике являются арабский и курдский. В Конституции закреплено разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 45). Парламент страны является двухпалатным и состоит из Палаты Представителей (формируется по одномандатным округам) (ст. 47) и Совета Федерации (включает представителей регионов и провинций) (ст. 62). Полномочия нового парламента включают в себя законодательную, бюджетную, внешнеполитическую деятельность. Кроме того, нижняя палата осуществляет контроль над исполнительной властью и назначает высших должностных лиц.

Президент Ирака избирается $\frac{2}{3}$ членов Палаты Представителей на четыре года. Он является символом национального единства, гарантом Конституции и независимости Ирака, единства и безопасности его территории (ст. 64). Президент Ирака наделяется в основном представительными полномочиями; его права в законодательной сфере ограничены. Он выбирает кандидата на пост премьер-министра из числа депутатов Палаты Представителей, который после своего утверждения формирует правительство. Кабинет министров разрабатывает общую политику государства, бюджет, представляет для одобрения в парламент кандидатуры послов, заместителей министров, глав государственных органов безопасности, а также проводит переговоры по международным договорам и соглашениям (ст. 77).

Основным законом в Ираке закреплено федеративное устройство, а регионы наделяются широкими правами в области самоуправления. Отдельно выделен регион Курдистана: официально признано его существование, а также легитимность законодательных и исполнительных органов власти (ст. 113)⁴¹.

⁴¹ Full text of Iraqi Constitution. October 15, 2005. Mode of access: <http://www.globalpolicy.org/security/issues/iraq/document/2005/1015text.htm>

15 декабря 2005 г. в Ираке были проведены парламентские выборы, которые по сравнению с выборами в начале 2005 г. в большей степени заслуживают эпитета «демократические». Они определили окончательный расклад политических сил в стране. Шиитский «Объединенный иракский альянс» получил наибольшее число мест (128 из 275, ранее — 140), но не большинство. Суннитские силы, напротив, увеличили свое представительство, завоевав 55 мест (по сравнению с предыдущими 17). Представительство блока ДПК и ПСК сократилось с 75 до 53 депутатов, в то время как Исламская партия Курдистана получила 5 мандатов. Блоку бывшего премьер-министра А. Аллави достались всего 25 мест (по сравнению с 40 ранее)⁴². Таким образом, расстановка политических сил в новом иракском парламенте практически соответствует второму принципу модели Лейпхарта — пропорциональности политического представительства основных групп.

Однако при формировании нового коалиционного правительства начались серьезные проблемы. В шиитском блоке развернулась борьба за пост главы правительства. Сунниты выступали против назначения на пост министра обороны представителя шиитов, а те, в свою очередь, не были согласны на кандидатуру суннитов.

На протяжении нескольких месяцев после выборов процесс формирования национального правительства пробуксовывал ввиду отсутствия консенсуса по кандидатурам министров между представителями основных группировок. Тем временем общее положение дел в стране ухудшалось.

Только в апреле 2006 г. политический процесс удалось вернуть в нормальное русло. Иракский парламент вторично избрал президентом республики Дж. Талабани. Были избраны два вице-президента — шиит и суннит и спикер Национальной ассамблеи (суннит). Президент Ирака выдвинул на пост премьер-министра представителя шиитской общины Нури аль-Малики, с кандидатурой которого согласились и сунниты, и курды. Из 33 постов в правительстве 18 получили шииты, по 7 — сунниты и курды, одно место — представитель христианской общины⁴³.

Первым важным шагом нового правительства стало представление парламенту программы национального примирения, основными целями которой были заявлены: прекращение насилия на этнической и религиозной почве, нормализация обстановки в сфере безопасности страны, разоружение неправительственных вооруженных формирований, передача контроля над всей территорией Ирака от войск коалиции местной полиции.

Однако дальнейшее развитие событий продемонстрировало неспособность национального правительства выполнить положения сформулированной им программы. Непрерывающиеся теракты и разрастающийся межобщинный конфликт подрывают авторитет правительства, которое не предпринимает активных действий по нормализации обстановки в стране.

Что касается еще одного принципа консоциативной демократии, сформулированного Лейпхартом, — права вето меньшинств, участвующих в коалиции, — то

⁴² Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2006 г.). Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/09-02-06c.htm>

⁴³ Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (май 2006 г.). Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/08-06-06a.htm>

здесь можно сказать следующее. В Ираке подобный принцип отсутствует и на данном этапе его применение невозможно, поскольку стороны не могут прийти к консенсусу по основным вопросам политического устройства и управления страной. Если бы право вето на данном этапе существовало, его реализация приводила бы к блокированию большинства решений, поскольку при отсутствии универсальных национальных интересов практически любое решение правительства идет вразрез с интересами того или иного сектора. Наличие права вето меньшинств, по мнению критиков модели консоциативной демократии, в принципе значительно усложняет процесс принятия политических решений, не говоря уже о таких сложных случаях, как Ирак.

И, наконец, обратимся к последнему принципу модели консоциативной демократии — автономности сегментов и федерализму. В современном Ираке вопрос о будущем государственном устройстве страны является одним из наиболее острых. 11 октября 2006 г. иракский парламент утвердил законопроект о федеративном устройстве страны, который легализовал процесс создания в Ираке автономных регионов. Как уже отмечалось, курдская автономия реально существует. В январе 2006 г. ДПК и ПСК согласовали вопросы создания единой администрации Курдского автономного района. Президентом автономии остался лидер ДПК М. Барзани, его партия получила пост главы объединенного правительства, а спикером курдского парламента стал представитель ПСК⁴⁴. В дальнейшем курды продолжили укрепление своей политической и экономической самостоятельности. В частности, курдский парламент рассмотрел законопроект по управлению нефтяными и газовыми месторождениями на севере страны. Кроме того, курды планируют объединить основные силовые структуры двух партий, создать совместные органы безопасности и собственное министерство внешних сношений. В проектах конституции Курдистана говорится о приоритете его законов над общеиракскими и о праве на самоопределение.

Что касается шиитского сегмента, то он поддерживает идею федерализации и выступает за автономно шийтских районов на юге Ирака по образцу Иракского Курдистана, то есть с *de facto* независимыми от центральной власти парламентом, министрами и силовыми структурами. Более того, на юге при активном содействии влиятельных политических сил уже началось создание подобного образования.

Сунниты против проекта федерации. Федерирование означает для них окончательную потерю контроля над основными экономическими ресурсами.

Таким образом, полностью принципы консоциативной демократии на данном этапе к Ираку не применимы, хотя, в целом, система разделения власти является оптимальным вариантом политической организации такой фрагментированной страны. В настоящий момент отсутствует платформа, на основе которой возможно построение такой системы, — заинтересованность в сохранении национального единства и отсутствие явного политического «перевеса» одной из сторон. Взаимная враждебность обусловлена не только историческими обидами, но и вмешательством в процесс политического обустройства страны региональных и внереги-

⁴⁴ Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке (январь 2006 г.). Институт Ближнего Востока. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/09-02-06c.htm>

ональных акторов.

Если задуматься над ценностным обеспечением данной модели, то встанет вопрос о том, уместно ли вообще рассуждать о демократии в Ираке и других подобных странах, перенасыщенных этническими и религиозными противоречиями и парохильными лояльностями. Можно просто констатировать, что для восточного социума характерен культ государства и что община при всем ее патриархальном демократизме консервирует патронажно-клиентелистские связи, личную зависимость и конформизм, а консенсус не предполагает борьбы мнений.

Однако такой подход исключал бы возможность не только политического развития, но и развития личности и входил бы в противоречие с ростом взаимозависимости и взаимовлияния в современном мире. Ирак прошел немалый путь в том, что касается формирования современной государственности и социально-экономического развития. Не собственная «ущербность» страны, а деградация жесткого авторитарного режима и внешнее вмешательство сделали «войну всех против всех» и феодальный сепаратизм нормой политической жизни. Как представляется, укрепление демократической консоциации, пусть ограниченное институциональными процедурами, остается единственным выходом из национального кризиса. Конечно, форсировать подобную систему в сложившейся ситуации невозможно, а тем более опасно предоставлять широкую автономию отдельным сегментам общества. Возможно, в процессе трансформации политического режима необходим некий переходный этап и образование управляющего центра с широкими полномочиями, чтобы заново, отчасти «сверху», сформировать консенсус основных этноконфессиональных групп в отношении будущего страны. Важно, чтобы подобный центр формировался местными силами и был построен по принципу большой коалиции.

Только в случае достижения согласия по вопросу о сохранении Ирака как единого государства, возможен и провозглашенный в Конституции «суверенитет народа» как новое политическое качество целостной организации власти. Тогда можно будет говорить и о распространении консоциативной системы на другие сферы жизни. Демократию, как показывает исторический опыт, надо скорее «воспитывать», чем устанавливать.

Международное признание как фактор государственного строительства*

М.В. Ильин

Формирование и развитие государств или государственное строительство (*state-making*) в нормативной и даже в эмпирической политологии привычно сводится к созданию законодателем тех или иных институтов, а затем к их закреплению в практике государственного управления. Данный подход заметно ограничивает и тем самым обедняет как само понятие государства⁴⁵, так и фактическое функционирование политий, образующих категорию государств⁴⁶. Самодовлеющее значение приобретает воля законодателя, которая фактически отождествляется с волей государства. Государство как будто бы возникает и развивается в чистых лабораторных условиях полной изоляции от помех, привносимых средой.

Подобное аналитическое изолирование допустимо, конечно, в науке. Оно плодотворно для выделения ряда существенных черт, которые по своей природе непосредственно не связаны со средой. Однако в случае с государствами такой ход исследования заведомо даст далеко не полные результаты, поскольку само предназначение государства заключается в эффективном взаимодействии со своими внутри- и внешнеполитическими партнерами. Более того — само возникновение государства предполагает в качестве базового нормативного и эмпирического условия его признание сувереном, с одной стороны, другими суверенными государствами, а с другой — собственными гражданами или подданными.

* Доклад подготовлен в рамках грантов РГНФ «Суверенитет в условиях глобализации» проект № 07-03-00363а и «Факторы международного признания и внутренней легитимации в формировании новых государств» проект № 09-03-00672

⁴⁵ Концептуально государство оказывается аналитической конструкцией, изолированной от своей внутренней и внешней среды.

⁴⁶ За скобки невольно выносятся многие важные характеристики эмпирически сравниваемых политий, касающихся, например, их взаимодействия с гражданским обществом и, шире, со своими внутриполитическими партнерами, а также с международным сообществом и с образующими его суверенными государствами-партнерами.

В настоящем докладе рассматриваются исторические и современные казусы государственного строительства при неполном или ограниченном признании соответствующих политий их суверенными внешнеполитическими партнерами. На материале смены поколений международных систем выделяются различные сочетания фактического и формального признания, а также соответствующие типовые ситуации. Прослеживается, как международное признание или отказ в таком признании воздействует на формирование или трансформацию основных политических институтов отдельных политий, как это влияет на политическую повестку дня соответствующих политий, на масштабы и темпы государственного строительства.

Исходные посылки

Государства и возникают, и функционируют лишь в составе объединяющих их международных систем. Условием возникновения и функционирования суверенных государств является не только монополизация власти в рамках отчетливо очерченной территории, но и признание права на подобную монополию со стороны аналогичных монополистов за пределами их территории и со стороны различных политических акторов внутри их территории.

Уже один из создателей традиции изучения государственного строительства Чарльз Тилли прямо отмечал, что международные системы выступают в качестве фактора формирования и развития государств: «Возможно, Вестфальский мир (1648) в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные (*distinct*) и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями. В последующие три столетия европейцы и их потомки смогли распространить подобную систему государств на весь мир. Недавняя волна деколонизации почти завершила территориальное размежевание (*mapping*) планеты в виде подобной системы»⁴⁷. По его мнению, недостатком исследований государственного строительства является дефицит внимания к международным факторам: «Большинство существующих объяснений не срабатывают (*fail*), поскольку игнорируют тот факт, что различные типы государств стали действительными на различных этапах европейской истории, а также поскольку они связывают (*locate*) объяснение разнообразия государств (*state-to-state variation*) скорее с индивидуальными характеристиками государств, чем с отношениями между ними»⁴⁸.

Тилли обращает внимание на то, что присоединение политий к международным системам не просто оборачивается их признанием другими суверенами, но воздействует на процессы государственного строительства в новых членах международных систем и на трансформацию старых, поскольку «заполнение (*filling-in*) системы государств существенно ограничивало более поздних участников государственного строительства»⁴⁹. Иными словами то, когда и как та или иная полития вступила в

⁴⁷ Tilly Ch. Reflections on the History of European State-Making. Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, Princeton University Press, 1975, p. 45.

⁴⁸ Ibid., p. 11.

⁴⁹ Ibid., p. 46.

сообщество государств, какое место в нем заняла, какие образцы были предложены или даже навязаны международной системой, все это существенным образом сказывается на государственном строительстве.

Намеченная Чарльзом Тилли проблематика не привлекла пока должного внимания. Все еще остается неисследованной связь между созданием и укреплением государственных институтов и динамикой международных систем. Данный доклад претендует на то, чтобы дать обзор основной фактуры включения политий в международные системы с учетом смены поколений⁵⁰ последних. При этом выделяются три большие эпохи — Ранний (с середины XV до рубежа XVIII и XIX веков), Средний (примерно XIX век) и Зрелый Модерн (с Первой мировой войны до нашего времени). В рамках этих эпох выделяются фазы консолидации международного политического порядка и контрфазы его кризисов. Разумеется, недопустимо сводить смену поколений политической организации вообще, а государств в международных системах в частности к описанию и интерпретации простой череды эпизодов и фаз исторического развития, что характерно и для политической истории отдельных стран, и для истории международных отношений. Подобный подход мешает увидеть за деревьями лес, за фактами и деталями — качественные изменения политической организации.

Равным образом недостаточно лишь нормативное обоснование последовательности институциональных схем внешней или внутренней политики, чем грешат теоретики международных отношений вкуче с теоретиками государства. Тут редукция грозит появлением умозрительных схем, где международные отношения образуются некими «бильярдными шарами» без свойств и собственной жизни, а суверенитет государства оборачивается полным произволом верховного властителя или, в лучшем случае, иных выразителей «воли народа», «интересов страны» и т.п.

Необходим эмпирический поход, позволяющий выявить и обобщить данные, касающиеся функционирования институтов взаимодействующих и взаимно влияющих друг на друга государств, а также установить корреляции между этими данными. На этой основе возможно проведение сравнительных исследований, позволяющих установить как место отдельных государств в их сообщениях, так и специфику сопоставимых друг с другом институтов отдельных государств. Фактически

⁵⁰ Использование метафорического образа *смены поколений*, предполагающего наследование, отнюдь не равнозначно метафоре *полной замены*, предполагающей уничтожение одного другим. В эволюционной морфологии политики или в хронополитике действует принцип «вместе, а не вместо» (подробнее см.: Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М., МГИМО, 1995, ч. II. Хронополитическая перспектива, ч. III. Тенденции и перспективы российской хронополитики, с. 5 и далее). Иными словам, новации не заменяют уже утвердившиеся формы, а надстраиваются над ними, частично их оттесняя, а частично вбирая в себя путем *снятия (Aufheben)*. Гегель писал: «Aufheben имеет в немецком языке двоякий смысл: оно означает сохранить, удержать и в то же время прекратить, положить конец. Само сохранение уже заключает в себе отрицательное в том смысле, что для того, чтобы удержать нечто, его лишают непосредственности и тем самым наличного бытия, открытого для внешних воздействий. Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено». (Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., Мысль, 1970, т. 1, с. 168). Точно таким же образом можно сказать, что метафорическая категория смены поколений предполагает уход одного поколения, но при этом следующее поколение получает и сохраняет все то, что ему оставлено предыдущим.

речь идет о необходимости междисциплинарного синтеза сравнительной политологии и международных отношений.

Сама конфигурация международных систем вкуче со структурно-функциональной дифференциацией внутри них, геополитическими условиями отдельных стран и регионов и другими факторами интеграции политий в процессы международного взаимодействия способна существенно повлиять на темпоральные характеристики отдельных государств. Внутри международных систем или в их отдельных частях возможны как синхронизация, так и диссинхронизация, как сближение ритмов и темпоральных характеристик развития отдельных стран, так и расхождение этих параметров, нарастание асинхронности развития.

Отдельные поколения международных систем и составляющих их политий консолидируются благодаря распространению и признанию определенных принципов политической организации. Эти принципы, разумеется, реализуются на практике далеко не всеми государствами и далеко не в полной мере. Наряду с ними существуют также альтернативные принципы, которые либо сохранились с прошлых времен, либо остаются новациями, спецификами, а то и патологиями отдельных стран или даже более мелких политических образований. Фактически можно говорить лишь об относительном преобладании неких моделей и модальностей политического поведения и взаимодействия. Вместе с тем и относительного преобладания порою бывает довольно, чтобы сделать тот или иной набор принципов интегратором определенного поколения политической организации. Зачастую возникают альтернативные наборы принципов, противоречивое столкновение которых позволяет образовать конфликтные системы — международные, национальные и даже локальные.

Смена поколений международных систем и образующих их государств сопряжена с рассогласованностью или — в терминах Стэнфордского проекта⁵¹ — диссинхронизацией принципов взаимодействия, а также эскалаций нереалистических требований и ожиданий. Кумуляция, накопление подобных явлений ведет к нарушению порядка и нарастанию кризиса. Лишь только образование победной коалиции и осуществленный ею прорыв открывают путь к формированию следующего поколения международных систем и составляющих их государств.

Общие ритмы смены поколений политической организации достаточно отчетливо проявляются в большинстве стран, синхронизирующих международную систему. В то же время отдельные страны, группы стран и даже некоторые части самой системы далеко не полностью затрагиваются общей синхронизацией и могут следовать альтернативной логике политической организации. Однако подобного рода отклонениями, важными для систематического анализа, можно пренебречь в данном докладе, претендующем всего лишь на то, чтобы представить лишь основную фактуру смены поколений международных систем и государственного строительства.

Поколения Раннего Модерна

В ходе первоначальной модернизации начиная со второй половины XV века осуществляется несколько взаимосвязанных процессов на международном, страно-

⁵¹ Almond G.A., Flanagan S. and Mundt R. (eds.) *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. Boston, Little, Brown and Co, 1973.

вом и локальном уровнях. Все они, так или иначе, связаны с общим трендом распространения «модерных», современных по характеру практик из первоначально ядра внутренней двойной европейской периферии в виде так называемого «пояса городов»⁵² сначала в прилегающие, а затем более удаленные регионы прежней *Respublica Christiana*. Постепенно зона модернизации охватывает все европейское пространство.

По мере развертывания модернизации возникшие еще в период позднего средневековья разномасштабные и разноплановые политико-статусы консолидируются внутри себя, а также вовне, образуя системы синергетического институционального строительства в региональных, а затем европейских масштабах. Эти разноплановые политико-статусы (территориальные и династические государства, городские и территориальные республики, сословия и т.п.) сближает использование принципа устойчивой интеграции властных полномочий по модели состояния-статуса. Та же модель используется и для консолидации микромасштабных состояний-статусов в виде поместий, коммерческих начинаний и т.п. Характерно широкое использование латинского слова *status* (*status*), а также его новоевропейских версий (*state*, *estate* — англ.; *Staat*, *Stand* — нем. и т.п.) для обозначений устойчивых политических состояний. Да и сами международные системы исходно концептуализируются как устойчивые мирные состояния.

Уже на этом этапе процессы строительства политических-статусов и более масштабных наций подкрепляются созданием международных систем. Новые статусы возникают коллективно, во многом за счет своего взаимодействия друг с другом. Это связано с характерными для Раннего Модерна процессами мультипликации и приватизации общеевропейской сакральной вертикали. В своих отношениях друг с другом они создают сообщества пэров, выступая в качестве суверенов.

Собственно современными можно считать политико-статусы, создавшие во второй половине XV столетия прообраз международной системы, так называемую Итальянскую лигу (*Lega Italica*) или, по выражению современного исследователя Гэррета Мэттингли, «итальянский концерт»⁵³. Само создание итальянской Лиги было построено на механизме признания результатов мира между основными протагонистами так называемых Ломбардских войн (1423–1454) Венецией и Миланом другими участниками этой малой «тридцатилетней войны», а также прочими властителями итальянских «состояний». Одновременно это признание дополнялось симметричным ему признанием основными державами остальных центров силы как своих партнеров по поддержанию мира.

Эта логика прослеживается в динамике становления Итальянской лиги. Мир между Венецией и Миланом был заключен 9 апреля 1454 г. Двустороннее мирное соглашение было превращено в трехстороннее после присоединения к нему Флорен-

⁵² См.: Rokkan S. *Cities, States, and Nations. Building States and Nations*. Eisenstadt S.N. & Rokkan S. (eds.). Beverly Hills (CA), L., Sage, 1973, vol. 1; Rokkan S. *Dimensions of State Formation and Nation-Building: A Possible Paradigm for Research, on Variations within Europe. The Formation of National States in Western Europe*. Tilly Ch. (ed.) Princeton, Princeton University Press, 1975; Rokkan S. *Territories, Centres, and Peripheries: Toward a Geoethnic-Geoeconomic-Geopolitical Model of Differentiation within Western Europe. Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics*. Gottmann J. (ed.). Beverly Hills (CA), L., Sage, 1980.

⁵³ Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. N.Y., Dover, 1988, p. 78–86.

ции и подписания 30 августа 1454 г. в Венеции соответствующего договора. К концу года окончательно сформировалась своего рода «пентархия» основных центров силы — Венеции, Флоренции, Милана, «Состояний Церкви» (*Stati della Chiesa*), обычно именуемых у нас Папской областью, и Неаполитанского королевства. Они действовали от имени своих союзников, которые также могли и формально вступить в договор. Тем самым создавалась общетальянская система мирного политического порядка, основанного на балансе сил. Формально создание лиги была провозглашено 2 марта 1455 г. в Риме.

Система была лишь поверхностно разрушена в ходе кризиса, связанного с так называемыми Итальянскими войнами (1494–1559 гг.). По сути, найденные на итальянской почве принципы были перенесены в более широкие европейские пространства. Это особенно проявилось на последнем этапе Итальянских войн, который был связан с соперничеством Франции и Священной Римской империи за контроль над всем протяжением пояса городов от Падунии до Нидерландов. Десятки мирных договоров и перемирий от Камбрейского мира 1517 г. до Като-Камбрейского мира 1559 г. создавали все более плотную сеть взаимных признаний и территориальных размежеваний. При этом способность суверена заключить мир или перемирие, то есть признать соперника и самому оказаться признанным, стала важным критерием отбора в состав договороспособных суверенов.

Последовавшая вслед за кризисом конфессиональная эпоха отмечена взаимным признанием соперничающих христианских конфессий, утверждением принципа «чья земля, того и вера», попытками поддержания хрупкого баланса, который постоянно нарушался вспышками религиозных войн. Сложившаяся система, которую можно назвать Аугсбургской по заключенному в 1555 г. религиозному миру, оказалась весьма неустойчивой в силу расплывчатости и зыбкости взаимных признаний. Постепенно нарастал кризис. Сначала во Франции. Затем нидерландская религиозная война — фактически война в нижнерейнском сегменте «пояса городов» перерастает в общеимперскую религиозную войну, а та еще спустя десятилетие становится западноевропейской. Обе войны — и Семидесятилетняя, и Тридцатилетняя завершились одновременно в 1648 г. Именно тогда возникают контуры европейского политического порядка. Он очерчен сложной системой договоров: двух мюнстерских, снабрюкского и несколько отсроченного — на десятилетие — пиренейского. При этом число участников каждого из них было велико, их статусы весьма различны, а условия сохранения мира еще более разнообразны. И все же было сделано главное. Господствовавший до сих пор алгоритм фактических признаний начал дополняться признаниями формальными. Тем самым критерий признания был положен в основу европейского политического порядка. Одновременно этот критерий стал также отправным моментом выстраивания суверенной власти внутри территориальных состояний.

Поколения Среднего Модерна

Принцип признания постепенно закрепляется в дипломатической практике и в международном праве. Признание формализуется, начинает отделяться от признания фактического. Своего рода поворотным моментом можно считать Венский конгресс 1815 г. и, шире, посленаполеоновскую реконструкцию. Они характеризовались острым конфликтом между принципами легитимизма и самоопределения, за

которыми угадываются формальное и фактическое признание. Впервые такой конфликт проявился уже в 1814 г., когда свободное самоопределение Норвегии было пресечено великими державами, настоявшими на ее унии со Швецией.

Сам по себе принцип самоопределения был далеко не нов. Вестфальский мир стал прецедентом признания самоконституировавшихся государств — Соединенных провинций Нидерландов и Швейцарского клятвенного сотоварищества — суверенными и полноправными участниками международной системы. Последующие прецеденты самоконституирования (самоопределения) государств в рамках международных систем дали США, республике Латинской Америки, Бразильская империя.

Для распространения данного принципа в Европе важны два особых примера отступления от принципа легитимизма — Бельгия и Греция.

Прототипический характер бельгийского казуса проявился в сложном переплетении внешних и внутренних факторов формирования государства. Начало освободительной борьбы связано с событиями 25 августа 1830 г., когда после оперного представления сотни брюссельцев вышли на улицы. За этим последовал серьезный политический кризис, вехами которого стали предложения 1 сентября об административном разделении Соединенного королевства Нидерландов, а затем бои на улицах Брюсселя 23–26 сентября 1830 г.

Новый этап открыл созыв 26 сентября Национального конгресса, который принял Декларацию независимости 4 октября 1830 г. На данном этапе существенную роль сыграла позиция Франции и Великобритании, которые повлияли на принятие многих «внутренних» решений. Важнейшим событием стала Лондонская конференция 1830 г., которая объявила Соединенное королевство Нидерландов распущенным 20 декабря, а через месяц признала независимость Бельгии.

Это открывает путь институциональному и конституционному строительству нового государства. 7 февраля 1831 г. принята конституция, в которой конституционная монархия закрепляется как форма правления Бельгии. Король избран 4 июня и 26 июня вступил на трон. В этих условиях Нидерланды начали 2 августа 1831 г. военную операцию против Бельгии. Последовавшая десятидневная война была остановлена вмешательством Франции. Великие державы и прежде всего Великобритания принуждают Нидерланды к фактическому примирению с Бельгией. 14 октября 1831 г. заключается Договор восьмидесяти статей между Бельгией и Нидерландами, который регулирует практические отношения между ними, хотя Бельгия остается не признанной Нидерландами. Лондонская конвенция 21 мая 1833 г. и новый двусторонний договор, заключенный 18 ноября 1833 г. в Зонхове, становятся этапами фактического признания Бельгии при формальном отказе Нидерландов признавать ее независимость.

Лондонская конференция и подписание Лондонского договора 19 апреля 1839 г. завершают процесс. Нидерланды признают Бельгию.

Не менее прототипическим оказался и греческий пример. Хотя освободительная экспедиция Александра Ипсиланти весной 1821 г. и последовавшее восстание в Греции вызвали негативную реакцию Священного Союза и лично Александра I, новое греческое государство смогло закрепиться на Пелопоннесе. В январе 1822 г. в Эпидавре созывается национальное собрание, которое принимает «орга-

нический статут», то есть конституцию. В условиях противодействия летицистского Священного Союза греки вынуждены провозгласить создание президентской республики.

Признание Великобританией в 1823 г. Греции в качестве воюющей державы способствует успехам освободительной борьбы греков. В 1824 г. освобождаются Афины и Наварин. Серьезный удар греческой республике наносит экспедиция Мухаммеда Али. В этих условиях важную роль сыграл англо-русский протокол 1826 г., трехсторонняя конвенция России, Великобритании и Франции, а также «протокол о бескорыстии». Наваринская битва 1827 г. и последовавшие военные экспедиции России, Великобритании и Франции привели к заключению в 1829 г. Андрианопольского мира. Окончательное признание независимости Греции произошло на Лондонской конференции 1830 г.

Международная система после Венского конгресса качественно повышает уровень своей организованности. Начинает проводиться принцип мультирализма⁵⁴. Создаются подобию постоянных режимов в виде Европейского концерта или даже зародыши международных организаций — Священный Союз с его системой конгрессов, постоянных консультаций и гарантий великих держав, например, нейтралитета Швейцарии, последнего прямого продолжения средневекового пояса городов. Тем самым усиливается роль международного права, что способствует укреплению правовых порядков во внутренней политике стран.

Усиливается суверенность отдельных государств. Она не только формально признается международным правом и сообществом суверенов, но и гарантируется великими державами. Однако эти гарантии носят отпечаток прежних порядков. Зачастую они выливаются в прямое вмешательство великих держав и силовое восстановление суверенности власти, как это было в случае с Неаполитанским королевством.

Главным достижением промежуточного периода модернизации стало быстрое и уверенное распространение принципов представительства. Во внутренней политике это привело к появлению систем представительного правления, кабинетной системы, ответственного правительства и т.п. Во внешней политике развитие дипломатической службы, а также повышение регулярности дипломатических и консульских отношений, их полноты также укрепляет на свой лад принципы представительности вообще и, что особенно показательно, представления государствами и их органами как общих, так и частных интересов.

В конечном счете, XIX столетие становится периодом появления целого поколения политик развития, которое можно охарактеризовать как политики освобождения (*liberation policies*) в его различных аспектах. Это и деколонизация Запада в сочетании, однако, с колонизацией не-Запада Западом, в том числе и неевропейским. Такая деколонизация осуществлялась не только за пределами Европы, но также и в Европе. При этом в качестве «колонизаторов» выступали осколки «старых режимов», а также старые империи⁵⁵. Это и прочие формы эмансипации, включая пре-

⁵⁴ Wight M. *Systems of States*. Leicester, Leicester University Press, 1977.

⁵⁵ Любопытно, что своеобразную деколонизацию осуществили Германия и Италия с весьма парадоксальными результатами — создали имперские по сути дела структуры, которые оказались уже в следующем столетии склонны к тоталитарным дисфункциям и ввергли весь мир в череду катастроф.

доставление избирательных и разных прочих прав все большему числу представителей «непросвещенных классов». Это, наконец, расширение пространства духовной и культурной свободы (прежде всего, современной науки с ее требованиями независимой критики и проверки, соответствующих форм образования и т.п.) вкуче с ее углублением, что превратилось в важнейший фактор развития всего западного мира, а с ним и человечества.

В целом, следует признать, что на протяжении целого столетия достаточно успешно функционировала международная система, оформленная на Венском конгрессе 1815 года. Благодаря этой системе удалось более или менее согласовать по принципу «европейского концерта» политики развития как европейских держав, так и «деколонизовавшихся» акторов за пределами Европы или на ее дальней периферии. Вместо прежней топорной «подгонки» суверенитета с помощью разного рода «войн за чье-то наследство» Священный союз вводит практику вмешательства в целях консолидации суверенитета — дальний предшественник нынешних «развивающих» политик гуманитарной интервенции.

Корпоративные политики интегрируются «внутри» национальных политик, ост-индские кампании национализируются, межкорпоративное соревнование переносится в плоскость рыночных отношений, коллективно патронированных государствами.

На исходе XIX века империалистическая модель экстенсивной модернизации за счет колонизации государствами своих «сред» — заморских ли «дикарей», собственных ли социальных периферий — и сосуществования с этими «средами» по большей части в принципе исчерпала свои возможности. Внешние и внутренние колонии перестали быть простым привеском для импорта ресурсов и экспорта проблем компактных наций-государств. Старые государства-попечители оказываются перед необходимостью интенсивно освоить уже экстенсивно включенные в государственные рамки немодернизованные периферии, переделать их из «колоний» в свои интегральные составляющие.

Поколения Зрелого Модерна

Ведущей тенденцией периода Зрелого Модерна в XX веке является демократизация политического порядка как внутри отдельных государств, так и в международных отношениях. Этот процесс разворачивается, однако, весьма противоречивым образом. XX столетие — это не только страшные бедствия, разрушенные иллюзии и лихорадочные метания, но и ценнейшие достижения. Достаточно указать на замечательный опыт включения в политику огромных масс людей. Это и четыре волны демократизации на основе распространения западных институтов и стандартов, с одной стороны, и героический эксперимент с демократией Советов, с прыжком из царства необходимости в царство свободы — с другой. И там, и тут выявились ошибки и просчеты, ограниченность функциональности и дисфункциональность тех или иных институциональных решений. В первом случае это разнообразные, но относительно частные решения, во втором решения с претензией на их всемирно-историческую значимость. Соответственно разнятся и масштаб выявившихся дисфункций. Эти и другие эволюционные проблемы становятся яснее в контексте динамики XX столетия.

Основное противоречие данного этапа развития (примерно первая половина XX века) составляет проблема участия, в первую очередь участия немодерных и нередко неготовых к восприятию стандартов Модерна масс населения (неполитических классов), образованных экстенсивным освоением немодернизованных периферий уже на предыдущей стадии развития. Во внутривнутриполитическом отношении решение проблемы заключалось в институциональном утверждении современной демократии как формы массового политического участия и как способа формирования из политических и неполитических классов единой политической нации, а тем самым преодоления — хотя бы в принципе — жесткого раскола на управляемых и управляющих. Во внешнеполитическом отношении решение проблемы связано с развитием равноуровневого и разномасштабного включения в мировую политику ушедших под сень государств альтернативных форм политической организации (корпорации, сообщества и т.п.), а также новых политических акторов.

В грубых идеологизированных терминах ведущая тенденция XX столетия может быть охарактеризована как демократизация внутривнутриполитических и международных сфер. Более точной трактовкой этой тенденции был бы поиск институциональных, процедурных и идейных возможностей эффективного политического участия. В международном плане данная тенденция выражается в переходе к все более широкому и инклюзивному международным системам. Соответственно сменяются и стоящие за этими системами организации: Лига Наций, ООН разных поколений, СБСЕ, ОБСЕ. Во внутривнутриполитическом плане соответствующая тенденция проявляется в форме четырех волн демократизации отдельных стран.

Показательно, что и внешнеполитические и внутривнутриполитические процессы синхронизованы. Фактически приходится иметь дело с четырьмя отчетливыми историческими периодами, которые могут быть с большей или меньшей точностью помещены на хронологическую шкалу. Данные периоды аналитически могут быть очерчены соединением фаз относительного политического порядка и контр-фаз кризиса, связанных с переходом к новому периоду.

Первый период охватывает два с половиной десятилетия — условно от 1920 до 1945 г., то есть время от начала послевоенной реконструкции до конца Второй мировой войны. Его составляют фаза относительно успешного функционирования Лиги Наций и первой волны демократизации (1920-е годы с отклонениями для ряда стран), а также контр-фазой краха системы коллективной безопасности и усиления тоталитарных и авторитарных тенденций (1930-е годы с соответствующими отклонениями), что завершается катастрофой Второй мировой войны (самый конец 1930-х и первая половина 1940-х годов). Аналитическая логика фаз более отчетлива для системы в целом и ее ядра, тогда как на перифериях отклонения и по соотношению фаз, и по их рубежам, и по темпам и интенсивности проявления восходящих и нисходящих тенденций проявляются весьма сильно.

В этот период основным механизмом признания новых политий государствами было их включение в систему послевоенных договоров, а затем и в Лигу Наций. Существенно, что проблемные с точки зрения победителей страны от Германии до СССР получали неполное или запоздалое признание. Некоторые государства, например США, отказались от вступления или вышли из Лиги Наций. Это свидетельствовало о разрыве между фактическим и формальным признанием.

Второй период условно приходится на 1945–1975 гг. Эти три десятилетия охватывают фазу консолидации системы ООН и второй волны демократизации с контр-фазой кризиса 1960-х гг., вызванного деколонизацией, нагнетанием противоречий биполярной системы и внутривнутриполитического развития в ядрах этой системы. Происходит поляризация признания. Оно превращается в средство политической борьбы. Тем самым основания фактического признания и критерии формального признания все более проблематизируются. Появляется больше число так называемых квази-государств, формально признанных, обладающих лишь ограниченной государственной состоятельностью⁵⁶. Одновременно появляется множество непризнанных или полупризнанных претендентов на создание государств, как правило, различных освободительных движений.

Третий период условно охватывает 1975–1989 гг. Этот период заметно короче. Развитие более интенсивное, но одновременно более противоречивое и в основном не доведенное до логических и отчетливых результатов. Аналитически этот период формируется фазой так называемого хельсинкского процесса и третьей волны демократизации с короткой контр-фазой кризиса рубежа 1980-х и 1990-х годов.

В международных делах существенно усиливается принцип суверенного равенства и ослабляется иерархический принцип великодержавия. Это ведет к формированию СБСЕ, трансформации институтов и практик ООН, включая снижение роли и изменения функциональности Совета Безопасности. При этом одновременно возникает группа шести, а затем семи ведущих стран — так называемая G7. Тем самым пара сверхдержав заменяется отчасти демократизируемым клубом великих держав за вычетом СССР, который фактически остается теньвым партнерским центром.

На данный период падает третья волна демократизации. Ее функциональный смысл в значительной степени связан с развитием практик пактирования и с созданием соответствующих институтов, например, картельных партийных систем.

С точки зрения признания происходит некоторое сокращение разрывов между фактическим и формальным признанием.

Четвертый период начинается с 90-х годов прошлого века и продолжается до настоящего времени. Аналитически он включает фазу спонтанного формирования униполярной системы гегемонии США и четвертой волны режимных трансформаций с контр-фазой кризиса американской гегемонии и проблематизацией режимов национальной гегемонии во многих странах мира.

В международных делах формируется структура так называемого «униполю», построенная на принципах гегемонии. Это развитие сопровождается кризисом ООН, ОБСЕ и других международных структур, акцентирующих принципы суверенного равенства государств.

Данный период охватывают миросистемные, региональные и национальные преобразования, вызванные советской перестройкой, ликвидацией «социалистического лагеря» и распадом СССР. На этот период приходится «четвертая волна демократизации» (К. фон Бойме, М. Шмидт). Хотя стремление этого движения остаются постсоветские и посткоммунистические трансформации, данная волна охватывает

⁵⁶ См.: Jackson R.H. Quasi-states: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, Cambridge University Press, 1990.

различные регионы мира. Импульс преобразований охватывает также Юг Африки, Ближний Восток и другие зоны прежнего противоборства двух сверхдержав. Сохранение внутривнутриполитических преобразований связано со становлением институционально демократических режимов, то есть предполагающих политическую ответственность властных авторитетов и их легитимацию, которые при этом субстанционально осуществляют внутринациональную гегемонию.

На этот период падает возникновение нового поколения альтернативных стратегий развития. Они включают антиглобализм и альтерглобализм, сетевые проекты развития.

Как реакция на политику обеспечения глобального и регионального развития за счет сбрасывания проблем и издержек в «заповедники неразвитости» получает развитие глобальный терроризм, а также сходные явления регионального и даже локального характера. Их активизация в первое десятилетие XXI столетия становится симптомом контр-фазы кризиса американской гегемонии. Происходит создание новых международных и региональных организаций, включая, например, Шанхайскую организацию сотрудничества, а также преобразование уже существующих.

Во внутривнутриполитическом развитии контр-фаза развития связана с кризисом демократических институтов подотчетности и легитимации с одновременной проблематизацией внутринациональной гегемонии.

Общие тенденции развития на протяжении большого XX века демонстрируют системную логику. Происходит нарастание политического участия в его разных формах и на разных уровнях: от индивидуального до глобального. Накапливаются и получают применение институты контроля над политическими процессами, включая процессы развития — также в разных формах и на разных уровнях. При этом проявляется также и общая логика чередования основных периодов развития. Как отмечалось уже во введении к докладу, акцентирование суверенного равенства во времена Лиги Наций сменилось упором на гегемонию сверхдержав в Ялтинско-Потсдамскую эпоху, а Хельсинкский процесс с новым акцентом на суверенное равенство сменила система гегемонии США.

Палестино-израильский конфликт и перспективы палестинской государственности

А.О. Колобов

Ближневосточный конфликт, ядро которого составляет неразрешенная палестинская проблема, как никакой другой нуждается в прогностических оценках. Последние становятся гораздо более точными, если в основу их положен существенный (по объему и времени охвата событий) фактологический материал, раскрывающий особенности историко-политической конъюнктуры, четко определяющий «поле сил» (общественно-политические организации, социальные группы и слои, внешние акторы, имеющие возможность оказывать влияние на принятие решения), фиксирующий тенденции (выделение предпочтительных вариантов развития события с точки зрения заинтересованных групп), уточняющий «правила поведения» (нормативно-правовые акты, законы, решения, постановления, этические нормы и т.п., в рамках которых развивается политический процесс).

Неслучайно в настоящее время получили признание и достаточно значительное распространение такие интересные теоретические ответвления политологической науки, которые важны для прогнозирования международных отношений, как альтернативистика (вероятные и/или возможные реально использованные варианты прошлого). С точки зрения ценности и практической отдачи лучше всего зарекомендовали себя сценарийный метод (построение сценариев гипотетического хода развития событий и выдача принципиальных рекомендаций на случай материализации каждого из сценариев) и метод экспертного анализа (мозговая атака, метод «дельфи» и другие)⁵⁷.

Все инструменты прогнозирования играют особую роль применительно к современной палестино-израильской конфронтации, которая может анализироваться в различных плоскостях: теоретической, военно-стратегической, эсхатологиче-

⁵⁷ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., Эдиториал УРСС, 1999, с. 4.

ской и даже геолого-географической в целях выработки технологии оперативного предупреждения отрицательных последствий еще не свершившегося⁵⁸.

«Главным конституирующим моментом прогнозирования, — справедливо отмечает известный российский политолог А.С. Панарин, — как раз и является понятие не прибранного к рукам другого — кого мы еще не знаем и рецептами овладения которым не располагаем. Если мы понимаем будущее как экстраполяцию уже состоявшихся «прогрессивных тенденций», значит мы отказываем ему в статусе другого, в праве не укладываться в наши предположения»⁵⁹.

Для прогнозных оценок ближневосточного конфликтогенеза, вызывающего опасные рецидивы разнообразных палестино-израильских коллизий, принципиально важна диалектика вызова и ответа⁶⁰. Последняя, в свою очередь, апеллирует к теории рационального выбора⁶¹.

В термин «рациональный выбор» вкладывается различный смысл, а соответствующие модели рационального выбора имеют хождение порой под разнообразными наименованиями (например: теория общественного выбора; теория социального выбора; теория игр; модели рационального актора; положительная политэкономия, а также экономический подход к политике и др.) Теоретики рационального выбора в целом сходятся на инструментальном понимании рациональности, с которой (рациональностью), как это мыслится (в данной концепции), индивиды соотносят свои ожидаемые выгоды, максимизируя их формально предсказуемыми способами⁶².

Современная ситуация на Ближнем Востоке в связи с неразрешенностью проблемы Палестины предельно взрывоопасна. Данное обстоятельство не дает никаких оснований для оптимизма в оценках мирного процесса в целом и в особенности палестинской проблемы как составной его части на любой срок упреждения (краткосрочный — до 10 лет; среднесрочный — до 25–50 лет; долгосрочный — до 100 лет).

Тем не менее, мощный организационный ресурс для упорядочения главных палестино-израильских дел в ближайшем будущем тоже присутствует. Если он будет правильно применен в дипломатии на различных уровнях, то вероятность формального, причем достаточно быстрого, образования палестинского государства останется относительно высокой. Но полноправное государство Палестины также быстро рискует превратиться в один из центров глобально организованной террористической сети, уже опутавшей многие страны и континенты, причем радикальный ислам в новой горизонтальной структуре будет играть если не всеобъемлющую, то очень большую роль. Данное обстоятельство незамедлительно приведет к

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ См. подробнее: Грин Д.П., Шапиро И. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? В: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. М., МОНФ, 1997, с. 295–323.

⁶¹ Там же, с. 300.

⁶² Там же.

общерегиональной и даже глобальной *интифаде*⁶³. Таким образом, практически одновременно с созданием государства Палестины произойдет новый конфликт в Ливане (2009–2011 гг.), обострится положение в Сирии, новые очертания приобретут границы Ирака. Впрочем, вряд ли следует ожидать быстрого решения проблемы арабского единства. Напротив, суннито-шиитские разногласия усилятся, а аятолла, способный издать «универсальную» фетву и призвать одновременно и суннитов, и шиитов к *джихаду*, появится не скоро.

В перспективе, однако, следует ожидать усиления религиозного (иудаистского, христианского, исламского) восприятия Палестины многими лицами, принимающими решения (ЛПР), и общественностью как Святой Земли, нуждающейся в усиленной международной защите всего глобального мира.

Данное обстоятельство потребует дополнительных международных гарантий для всех святых мест на Ближнем Востоке без исключения, что, к сожалению, сопряжено с большими трудностями, которые будут только возрастать.

Положение Израиля в этой связи окажется весьма плачевным, так как *алии* (волны иммиграции) постепенно сходят на убыль, а демографическое давление палестинцев постепенно возрастает.

Балансирование на грани войны в рамках ближневосточного конфликта, по всей видимости, продолжится. Вполне возможно, что именно оно и даст повод новым структурам «глобального управления» для скорейшего запуска более оригинального, ценностно-ориентированного миротворческого регионального проекта, который может стать эффективным. Простым людям, впрочем, остается только надеяться на то, что когда-нибудь станут «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами божьими» (Евангелие от Матфея, гл. 5.9).

Палестинская проблема в ее современном состоянии является прямым результатом межимпериалистических противоречий всего периода новейшей истории, которые радикально повлияли на ритм, содержание и качество жизни всего человечества⁶⁴. Она претерпела сложнейшую эволюцию, будучи инструментом сначала Великобритании, а затем США, но при непременном организационно-политическом взаимодействии великих держав с международным сионизмом, внедрившимся путем эксплуатации ожиданий и чувств миллионов евреев, разбросанных по всему свету, и соответствующих финансовых махинаций, на ту территорию Ближнего Востока, которая традиционно была Святой Землей для иудеев, христиан, мусульман. По существу проблема Палестины в мировой политике создала повод к широкомасштабной интервенции тех сил, которые реально правят миром, став вполне определенным способом «управления через хаос», имеющим всевозможные вариации. В условиях глобализации они, по определению австралийского исследователя У. Мадея, развиваются следующим образом:

- обнаруживают все большую направленность на симптомы, нежели на причины политических беспорядков;

⁶³ Яихья Киреем. Иммиграция евреев в сионистское государство. Прогноз до 2020 г. (Аль-яхуд: Аль-хиджра аль-сахъунийя хатта 2020). Дамаск, Центр стратегических исследований, 2006, с. 3–110. На араб. яз.

⁶⁴ Подробнее см.: Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. и др. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. Н.Новгород, ННГУ; АГПИ, 2008.

- имеют все более значительное воздействие на ценности специфических индивидов с учетом многих обстоятельств, касающихся власти;
- расширяют число акторов мировой политики;
- способствуют замене старых акторов мировой политики на новые;
- стимулируют изменения в обществе;
- вызывают трудности в процессе решения многих проблем политической культуры населения в целом и элитных слоев общества в особенности;
- дезорганизуют приграничные и трансграничные пространства;
- подрывают отношения доверия в обществе;
- затрудняют прогресс гражданской экономики и усиливают коррупцию в государстве;
- ведут к ослаблению различных материальных и духовных ресурсов;
- разрушают саму коалицию интернациональных сил, какой бы незыблемой она ни казалась⁶⁵.

Будучи изначально асимметричным, палестино-израильское противостояние представлено военно-силовыми действиями государства Израиль, включенного с момента основания в вертикальную иерархию мировой системы под эгидой США и их союзников, и импульсивными контр-усилиями палестинцев, так и не сумевших добиться образования по-настоящему суверенного государства и ограничившихся национальной автономией. Именно данное обстоятельство делает динамику хронического ближневосточного конфликта — отрицательной, линию Израиля в отношении палестинцев — постоянно жесткой, а палестинские действия — слабо включенными в структуры нового мирового порядка, но при этом обладающими достаточно значительным потенциалом интеграции в формирующуюся глобальную сетевую систему взаимодействия тех сил, которые протестуют против американского и западного в целом доминирования во всех международных делах.

Палестинское движение сопротивления становится все более радикальным. Его методы (*интифада* и, главным образом, террор) вызывают и будут вызывать активизацию сил национального и религиозного экстремизма на новом (Большом) Ближнем Востоке и в других стратегически важных и богатых природными ресурсами регионах планеты, поскольку безудержная экспансия США и их «стратегических союзников» олицетворяет собой «насилие сверху» во всем «мире бедных» и подпитывает, таким образом, массовое недовольство снизу. Протест палестинцев сегодня действителен, прежде всего, потому, что фактор ислама в мировой политике приобрел гораздо большее значение, став частью структуры международных отношений на региональном уровне и в глобальном масштабе⁶⁶.

Современное состояние палестинской проблемы оставляет желать лучшего. Оно по-настоящему взрывоопасно и грозит новой эскалацией насилия, причем не только на уровнях «Израиль — арабский мир», «Ливан — Израиль — Палестинская

⁶⁵ См.: Колобов А.О. Сила, полная решимости...? (О специальных операциях США, их союзников и влиятельных международных организаций в современной мировой политике). Под общ. ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород, Нижегород. ислам. медресе «Махинур», 2005.

⁶⁶ Подробнее см.: Колобов А.О., Колобов О.А., Хохлышева О.О. Три трактата о мировой политике. Монография. Москва—Нижний Новгород, Российская академия проблем безопасности, обороны и правопорядка; ИСИ ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2007, с. 3–4, 5–160, 161–376, 377–463.

национальная автономия (ПНА)», «Сирия — Ливан — Израиль — ПНА», но и на уровне «США — Израиль — ЕС — все «страны-изгои» в ближневосточном регионе».

Позиции заинтересованных в эффективном палестино-израильском мирном урегулировании сторон во многом определяет сложившаяся на Ближнем Востоке конъюнктура. Они все больше направлены на реализацию лишь тех предложений, которые непосредственно связаны со всевозможными видами помощи, обустройством жизни палестинских беженцев, новой формой статуса Иерусалима и т.д.

Техника переговорного процесса по существу остается прежней, а всеобъемлющего рассмотрения палестинской проблемы на соответствующем специальном саммите в ближайшем будущем не ожидается. В то же время чисто нормативные (международно-правовые) возможности для урегулирования основных палестино-израильских противоречий остаются значительными. Роль ООН чрезвычайно важна, а действия «квартета» международных посредников имеют тенденцию к активизации и повышению эффективности.

В последнее время особую важность в ближневосточном мирном урегулировании приобретает гуманитарное измерение проблемы Палестины. Эсхатологический подтекст ее рассмотрения на высоком международном уровне также становится все более очевидным. Рост влияния религиозного фактора в мировой политике активизирует поиск дополнительных международных гарантий для безопасности святых мест на Ближнем Востоке в целом и в Иерусалиме в частности.

Вариантов справедливого разрешения хронического палестино-израильского конфликта в перспективе не так уж много. Их осуществление предполагает неукоснительное соблюдение норм действующего международного права и внедрения особых технологий миротворчества, максимально учитывающего интересы конфликтующих сторон и, главное, уважающего моральные ценности, не допускающего двойных стандартов в оценке ближневосточных событий.

Будущее и у Израиля, и у ПНА, безусловно, есть, но высока вероятность введения израильтян в состояние «самонадеянности силы», а палестинцев — в состояние «бедного родственника», находящегося на содержании радикально настроенных исламских сил, организованных на сетевой основе и консолидирующих мощный антизападный протест.

Палестинская власть: институциональное строительство и функциональная эффективность

Г.Г. Косач

В середине ноября 1988 г. (в эпоху первой интифады) в Алжире на XIX (чрезвычайной) сессии Палестинского национального совета Организации освобождения Палестины (ООП) была провозглашена Декларация независимости Государства Палестина (ДНГП). В качестве «базовой основы права арабского народа Палестины на суверенитет и национальную независимость» Декларация называла принятую в 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюцию № 181 о разделе Палестины, как и резолюции Совета Безопасности № 242 и 338⁶⁷.

ДНГП содержала основные характеристики национального государства, определяя его территориальное пространство и тот человеческий коллектив, который был призван стать носителем идеи суверенного статуса. Пространство этого государства существенно сужалось. Если основным документом ООП предшествовавшей эпохи — Палестинская национальная хартия (ПНХ) (в редакции 1968 г.) подчеркивала, что «Палестина в границах времени британского мандата представляет нерасчленимое территориальное единство»⁶⁸, то Декларация признавала уже свершившийся факт — существование Израиля, определяя пределы будущего государства регионами, «где развивается благословенная интифада» — Западным берегом и сектором Газа. Если ПНХ ставила вопрос о палестинском государстве как итоге «народной освободительной борьбы», то ДНГП отталкивалась от основополагающих решений ООН по палестинскому вопросу. Апеллируя к идее «международной законности», она была обращена и к Израилю — державе, оккупирующей «национальную» территорию.

⁶⁷ Васика иаян аль-истикляль аль-фалястыний (Декларации независимости Государства Палестина). Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын (Демократический процесс в Палестине). Аль-Кудс (Иерусалим), 1999, с. 13–14. На араб. яз.

⁶⁸ Аль-Мисак аль-ватаний аль-фалястыний (Палестинская национальная хартия). Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, с. 11–12. На араб. яз.

Представления о верховном носителе суверенного статуса палестинского государства также менялись. Если Хартия определяла этого носителя как весь «арабский народ Палестины», ведущий «вооруженную борьбу» и обладающий «неотъемлемым правом на возвращение», то Декларация независимости сужала представление об этом «народе», который ограничивался участниками интифады. Это предполагало, что центральным звеном национального сообщества становятся не палестинцы диаспоры, а *муватунун* — жители Западного берега и сектора Газа. Их интифада, трактовавшаяся как «невооруженные» акции, становилась для ООП — эмигрантской палестинской элиты началом процесса «освобождения родины».

I

Декларация независимости — документ, определявший региональную ситуацию на Ближнем Востоке и внутripалестинскими событиями. Он был принят спустя шесть лет после ухода ООП из Бейрута и ее перемещения в Тунис, когда эта организация была едва ли не полностью лишена возможности действия в непосредственной близости от «исторической Палестины». ООП и глава ее Исполкома Ясир Арафат становились заложниками интересов арабских акторов ближневосточной системы международных отношений.

Начавшаяся в декабре 1987 г. интифада казалась руководству ООП возможно не только восстановить свои позиции в качестве самостоятельного регионального игрока, но принять непосредственное участие в тех процессах, которые развивались в пределах двух регионов бывшей «исторической Палестины». Однако идеи ДНГП выглядели как своего рода фьючерсный проект, и в первую очередь потому, что оказывались эфемерными без налаживания контактов с оккупирующей державой — Израилем, еще продолжавшим считать ООП террористической организацией. Но фьючерсный характер идей документа, изначально подразумевавший политические риски, определялся и другими причинами.

ДНГП демонстрировала не силу провозглашавшей свои намерения стороны, а ее слабость. Эта слабость и лежала в основе консенсуса (во многом условного), достигнутого в ноябре 1988 г. между основными членами ООП, апеллировавшими к широкому спектру светских идеологий национального и классового характера, — движением ФАТХ, лидер которого был одновременно и главой Исполкома самой Организации освобождения Палестины, а также Народным (НФОП) и Демократическим (ДФОП) фронтами освобождения Палестины. Но Декларация независимости не была поддержана иными входившими в ООП политическими структурами — просирийским движением САИКА и ориентировавшимся на Ирак Арабским фронтом освобождения.

Развитие интифады меняло также и форму существования палестинских приверженцев исламской идеи и приоритеты их деятельности. В 1987 г. созданная десятилетиями ранее в Газе и зарегистрированная израильскими оккупационными властями Мусульманская ассоциация⁶⁹ трансформировалась в Движение исламского сопротивления — ХАМАС (во главе с шейхом Ахмедом Ясином), располагавшее и своим военизированным формированием «Изз Ад-Дин Аль-Кассам». Провозгла-

⁶⁹ См.: Mishal S., Sela A. HAMAS: A Behavioral Profile. Tel-Aviv, 1997, p. 10–12.

шавшийся ранее *внутренний джихад*, предполагавший мирное восстановление подвергшихся забвению норм религиозной жизни, преобразовывался во *внешний джихад* — действия против Израиля. ХАМАС, укоренившийся и на Западном берегу, не только не был частью ООП, но и предлагал принципиально иное, чем эта организация, видение палестинского будущего. Контуры этого видения определяла выдвинутая ХАМАС в августе 1988 г. Хартия Движения исламского сопротивления (далее — Исламская хартия (ИХ))⁷⁰ — альтернатива Палестинской национальной хартии и Декларации независимости.

Палестина в пределах ее «исторических» границ — «от реки до моря»⁷¹ — провозглашалась *вакфом*⁷², «врученной будущим поколениям мусульман вплоть до Судного дня». Какие-либо компромиссы в отношении палестинской территории объявлялись недопустимыми. ХАМАС заявлял, что борется за «освобождение каждой пяди земли» Палестины. Любая форма политического решения палестино-израильского конфликта им исключалась. Инструментом решения конфликта мог стать только джихад палестинцев, поддерживаемых арабским сообществом и мусульманским миром. Носителем идеи палестинского суверенитета становился Бог, представляя своим «рабам» роль послушных исполнителей Его воли.

Значение религиозных акцентов Исламской хартии заключалось в том, что «освободительная» антиизраильская риторика ХАМАС была инструментом противостояния не столько еврейскому государству, сколько «внешнему» палестинскому руководству. Религиозные акценты Исламской хартии были обращены к тем же муватунун. В списке приоритетов и предпочтений этой среды ислам едва ли мог занимать последнюю строку. Исследования палестинских социологов, отмечавших «центральную роль религии в определении ценностных установок общества»⁷³ обоих регионов потенциального палестинского государства, это подтверждали.

В своем противостоянии ООП ХАМАС использовал уже накопленные им преимущества. Он располагал широкой сетью созданных им в обоих палестинских регионах благотворительных организаций. Его сторонники были активны во всех общественных объединениях Западного берега и сектора Газа — студенческих, женских и профсоюзных. В своей деятельности ХАМАС опирался на финансовые пожертвования из арабских стран зоны Залива.

Религиозная риторика ХАМАС была оправдана тем, что он искал свое место в иерархии национальных политических структур и лежавших в основе их деятель-

⁷⁰ Здесь и далее см.: Мисак Харака аль-мукавама аль-ислямийя — ХАМАС (Хартия Движения исламского сопротивления — ХАМАС). Режим доступа: <http://www.islamonline.net/Arabic/doc/2004/03/article11.SHTML>. На араб. яз.

⁷¹ От реки Иордан до Средиземного моря.

⁷² Имущество, в соответствии с мусульманским правом отказанное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели.

⁷³ Кассис М. Илякат аль-фард биль муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Фалаястын (Взаимоотношения индивидуума и общества, а также некоторые проблемы гражданского общества в Палестине). — Дирасат тахлилий ли ат-таваджджухат ас-сиясий ва аль-иджтимаийя фи Фалаястын (Аналитические исследования тенденций политического и социального развития в Палестине). Наблус, 1997, с. 132. На араб. яз.

ности идейных воззрений, осваивая там ту нишу, которая в силу инерционной традиции светскости не использовалась входящими в ООП движениями. Эта риторика свидетельствовала, что ХАМАС «воскрешал» основанный на антиизраильском дискурсе мобилизационный радикализм ООП времени до 1988 г., придавая ему характер осененной «Божественным предписанием» истины.

Начало 1990-х гг. предоставило руководству ООП уникальную возможность добиться тактического успеха в противостоянии ХАМАС. Советская «перестройка» и вытекавшее из этого процесса «новое политическое мышление» снимали силовое поле конкуренции двух сверхдержав в регионе Ближнего Востока, что проявилось в ходе кризиса вокруг Кувейта. Последовавшая затем в 1991 г. Мадридская мирная конференция, как и подписание в Осло в рамках этой конференции подготовленной обеими конфликтующими сторонами — ООП и Израилем Декларации о принципах, демонстрировали возможности двух региональных акторов использовать ситуацию распада биполярного мира.

Важнейшим положением Декларации о принципах стало достижение соглашения обеих сторон о «прекращении десятилетий конфронтации и борьбы и взаимном признании законности политических прав»⁷⁴. Вслед за подписанием этого документа в Каире был подписан договор «Газа — Иерихон в первую очередь», открывший перспективу формирования палестинских институтов. 1 июля 1994 г. Я. Арафат прибыл в Газу.

II

Во второй половине сентября 1993 г. Иерусалимский центр информации и коммуникаций провел опрос общественного мнения жителей обоих палестинских регионов с целью выяснения их точки зрения в отношении соглашения «Газа — Иерихон в первую очередь». Результаты опроса свидетельствовали, что это соглашение полностью поддерживали 66,4% участников опроса на Западном берегу и 27% в секторе Газа. 57,6% первой группы респондентов и более чем 64% второй (более 60% всех респондентов) считали, что оно может стать первым шагом к созданию палестинского государства. 71% жителей Западного берега и почти 76% сектора Газа подчеркивали необходимость продолжения прямого переговорного процесса. Более 42% представителей Западного берега и почти 53% сектора Газа заявили, что их доверие руководству ООП и лично Я. Арафату «значительно выросло». Поддержка опрошенными ХАМАС составила чуть более 17% на Западном берегу и немногим более 18% в секторе Газа⁷⁵.

⁷⁴ Иалян аль-мабади' (Декларация о принципах). Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, с. 25–26. На араб. яз.

⁷⁵ Участниками опроса стали 1505 жителей Западного берега и сектора Газа, представлявшие все социальные слои населения этих территорий. См.: Натаидж аль-иститляъа ас-салис хауля рай аль-фалястынийин би аль-иттифак ма бейн Муназзема ат-тахрир аль-фалястыний ва Исраиль. 23 айлюль 1993 (Результаты третьего опроса мнения палестинцев о соглашении между ООП и Израилем. 23 сентября 1993). Марказ Аль-Кудс ли аль-ибалям ва аль-иттисаль. Натаидж иститляъат ар-рай хауль ара аль-фалястынийин би аль-кадая ас-сиясий аль-ания. 1993–1998 (Иерусалимский центр информации и коммуникаций. Итоги опросов общественного мнения в связи с точкой зрения палестинцев по текущим политическим проблемам. 1993–1998). Аль-Кудс (Иерусалим), 1999, с. 10–12 раздела. На араб. яз.

Это был пик эйфории, переживавшейся сообществом *муватунун*. Движение к обретению национальной государственности казалось необратимым, палестинско-израильская Декларация о принципах превращалась в основной фактор легитимации начинавшегося мирного процесса. Однако одновременно документ выявлял слабость руководства ООП.

Декларация о принципах⁷⁶ предусматривала лишь создание условий, позволяющих «палестинскому народу на Западном берегу и в секторе Газа осуществлять самоуправление на демократической основе». В течение «девяти месяцев с момента вступления в силу Декларации принципов» должны были быть «проведены прямые, свободные и всеобщие выборы» с целью «избрания Совета палестинского народа (парламента — Г.К.)», который сформирует органы исполнительной власти. В деятельности как Совета палестинского народа, так и возникшей впоследствии Палестинской Национальной администрации (ПНА) могли принимать участие, прежде всего, *муватунун*.

Форма ограниченного палестинского суверенитета, которая предлагалась Декларацией, не предусматривала наличия полномасштабной государственности: речь шла об «автономной палестинской переходной власти». Хотя этот документ и содержал положение о том, двусторонний переговорный процесс должен в течение пятилетнего «переходного периода» функционировать этой власти привести к «осуществлению резолюций Совета Безопасности № 242 и 338», что означало передачу Израилем под палестинский суверенитет всех оккупированных им районов Западного берега и сектора Газа, вопрос о Восточном Иерусалиме откладывался на неопределенный срок⁷⁷.

Ограничение территориальности палестинской политики становилось еще более существенным в связи с односторонним израильским решением о расширении границ иерусалимской конгломерации и мерами, направленными на создание еврейских поселений в обоих палестинских регионах. ПНА лишалась возможности самостоятельных действий в сфере, связанной с беженцами, охраной внешней границы национальной территории и поддержанием там общей безопасности (хотя и могла создать собственную «сильную палестинскую полицию»). Таким образом, речь шла о контролируемом суверенитете.

Слабость руководства ООП, выразившая себя на этот раз в подписании Декларации о принципах, имела, как бы парадоксально это ни звучало, и сильную сторону. Этот документ открывал Я. Арафату путь на территорию, провозглашавшуюся его сторонниками «национальной». Этот документ создавал для ФАТХ возможность не только утверждения в качестве ведущей политической силы Западного берега и сектора Газа⁷⁸, но и расширения круга своих сторонников и сателлитов. Время первой интифады сводило до минимальной отметки влияние НФОП и ДФОП,

⁷⁶ Здесь и далее см.: Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалаястын, с. 25–26. На араб. яз.

⁷⁷ Подробнее о статусе Иерусалима на протяжении всей истории XX в. см.: Меламедов Г.А., Эпштейн А.Д. Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история. М. - Иерусалим, 2008.

⁷⁸ Подробнее по этому вопросу здесь и далее см.: Косач Г.Г. Национальная самоидентификация на фоне движения к миру: пример Палестины. Проблемы национального самоопределения на современном этапе. Сб.ст. Отв. ред. Звягельская И.Д. М., ИВ РАН, ЦСПИ, 2000, с. 67–93.

продолжавших в своей деятельности ориентироваться на палестинцев диаспоры. На поле политического действия обоих палестинских регионов не были допущены САИКА и Арабский фронт освобождения. Из рядов ДФОП ушла одна из его фракций, на основе которой был сформирован близкий к Я. Арафату Демократический палестинский союз (ФИДА). Сателлитами палестинского лидера стали и бывшие коммунисты — Партия палестинского народа. Возможности политической карьеры для выходцев из традиционных кланов Западного берега и сектора Газа также обуславливались их личной преданностью Я. Арафату. Весной 1996 г. была предпринята попытка расколоть ХАМАС, когда возникла Партия национального исламского спасения Палестины.

20 января 1996 г. на территории обоих палестинских регионов были проведены первые выборы ее президента (главы будущей ПНА) и депутатов парламента — Палестинского законодательного совета (ПЗС)⁷⁹. Формально как президентские, так и парламентские выборы были альтернативными. Эти выборы были, кроме того, массовыми: в них приняло участие более 80% всех зарегистрированных избирателей. В обстановке продолжавшейся национальной эйфории, жестких превентивных мер в отношении религиозной оппозиции, а также бойкота выборов со стороны НФОП и ДФОП, Я. Арафат получил более 87% голосов всех голосов. Итоги же парламентских выборов продемонстрировали убедительную победу ФАТХ, представители которого получили 51 место из 88 (в то время) в ПЗС⁸⁰.

Господство ФАТХ в Законодательном совете не привело, однако, к «однотонности» его депутатского корпуса. Официальный отказ ХАМАС и радикальных светских националистов участвовать в парламентских выборах не означал, что представители соответствующих движений не приняли в них участия в качестве «независимых» кандидатов. В высшем органе палестинской законодательной власти были представлены сторонники ФАТХ (61% всех его депутатов), «независимые», выражавшие точку зрения беспартийных *муватунун* (18%), «независимые» — сторонники ранее покинувших ФАТХ фракций (14%), «независимые» — сторонники ХАМАС (5%), представители ФИДА (1%) и «независимые» — сторонники НФОП (1%)⁸¹.

Вновь возникавшая ситуация демонстрировала серьезные изменения соотношения сил по оси «власть — оппозиция». Представители религиозной и леворадикальной оппозиции в определенной мере осуществляли движение в направлении своего превращения в «системную оппозицию». Это подтверждалось и составом первого палестинского правительства (сформированного в июне 1996 г.), где два поста (коммуникаций, а также по делам молодежи и спорта) были предоставлены «независимым» — сторонникам ХАМАС и один (труда) — главе небольшой радикальной организации (в прошлом фракции НФОП) Фронт народной борьбы. Портфель министра культуры и информации был передан ФИДА, а портфель министра промышленности руководителю не представленной в парламенте Партии палестинско-

⁷⁹ Здесь и далее см.: Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын, с. 79. На араб. яз.

⁸⁰ Здесь и далее подсчитано по: The Palestinian Council. Jerusalem Media & Communication Center (Ed.). Jerusalem, 1998, p. 192–222; 124.

⁸¹ Ibid., p. 224.

го народа. В марте 1998 г. состав правительства подвергся некоторой корректировке, когда один из «независимых» — сторонников ХАМАС стал министром без портфеля, а пост министра промышленности был передан члену ФАТХ⁸².

Палестинская национальная администрация была сформирована. Ее институты обладали возможностью частичного контроля над территорией Западного берега и сектора Газа. ПНА опиралась на поддержку со стороны еврейского государства. Она возникла в то время, когда сообщество *муватунун* испытывало ощутимую потребность в стабилизации положения и отдавало свои симпатии сильной исполнительной власти. Опрос, осуществленный в мае 1995 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций, это подтверждал: палестинский социум считал, что полномочия президента должны быть «абсолютными» или «близкими к абсолютным» (89,8% всех респондентов на Западном берегу и 91,5% в секторе Газа или 90,2% опрошенных в целом)⁸³. Этот социум, по словам палестинского социолога, «нуждался в сильной власти»⁸⁴.

Социальная структура палестинского общества продолжала основываться на семье, рассматриваемой, однако, не как нуклеарная единица, а широкое кровнородственное объединение. Такие семьи тяготели к «региональным лидерам», «вождям» существующих в том или ином районе Западного берега и сектора Газа межклановых союзов. Политические партии и движения своей организационной структурой и системой отношений между лидерами и рядовыми членами воспроизводили никогда не исчезающую (даже в диаспоре) кланово-клиентельную систему связей.

Представленные в палестинском парламенте «независимые» *муватунун* были связаны с традиционно влиятельными мусульманскими и христианскими кланово-региональными группировками основных городов Западного берега и сектора Газа. В равной мере это относилось и к *муватунун* парламентской фракции ФАТХ, и к его министрам из этой среды. Задолго до проведения выборов в Законодательное собрание опрос Центра палестинских исследований в Наблусе показал, что не менее 37% всех участвовавших в нем респондентов голосовали «за кандидата из той же местности», где проживают они сами⁸⁵.

Но ни один из «независимых» — сторонников ХАМАС в парламенте и в первых правительствах ПНА не принадлежал к традиционно влиятельным семьям сектора Газа. Эти люди представляли собой новую политическую элиту региона, черпавшую свою легитимность в союзе с религиозным лидером — шейхом А. Ясином. В услови-

⁸² Ат-Тахаввуль ад-димукратый фи Фалястын. Аль-Мульхак рамк 1 (приложение № 1), с. 92; а также: Palestinian Ministerial Cabinet. The Palestinian Council. Figure 7, p. 229. На араб. яз.

⁸³ Общее число участников опроса составило почти 2000 жителей обоих палестинских регионов. См.: Натаидж аль-иститляъ ас-садис хауля рай аль-фалястынийин би ад-димукратыйя. 15 ийяр 1995 (Результаты третьего опроса мнения палестинцев о демократии. 15 мая 1995). Марказ Аль-Кудс ли аль-илялям ва аль-иттисаль, с. 1–4 раздела. На араб. яз.

⁸⁴ Хиляль Дж. Кираа фи масх ли таваджухат аль-джумхур аль-фалястыний фи Ад-Дыффа аль-гарбийя ва кытаъа Газа тиджах низам аль-хукм (Анализ развития тенденций общественного мнения палестинского населения Западного берега и сектора Газа в отношении системы власти). Дирасат тахлилийя ли ат-таваджухат ас-сиясийя ва аль-иджтимаъийя фи Фалястын, с. 97. На араб. яз.

⁸⁵ Кассис М. Илякат аль-фард биль муджтамаа ва баад кадая аль-муджтамаа аль-маданий фи Фалястын, с. 130. На араб. яз.

ях, когда ФАТХ и Я. Арафата поддерживали основные группировки этого палестинского региона, это обстоятельство в большей степени, чем репрессии, снижали уровень общественного влияния ХАМАС.

Систему кланово-региональных группировок, облачавшуюся в партийные одеяния и апеллировавшую к «героизму» ее членов в эпоху израильской оккупации и первой интифады, венчала *национальная власть* — институты ПНА. Эта власть представляла собой тесно связанное общими интересами окружение Я. Арафата, эмигрантское «внешнее руководство», частично перенесенное на национальную территорию. Легитимность этой власти опиралась на длительное противостояние Израилю и на признание ее (в годы, когда речь шла о ООП) мировым сообществом «единственным законным представителем арабского народа Палестины».

Но способность этой власти свободно и эффективно управлять национальной территорией зависела от многих факторов:

- политического курса второго соавтора Декларации о принципах — Израиля;
- позиции ведущих мировых держав;
- способностью ПНА найти формулу сотрудничества с *муватынун*;
- эволюцией представлений самих *муватынун* относительно институтов ПНА и будущего устройства Палестины.

III

В начале октября 2000 г. сектор Газа и Западный берег стали ареной новой интифады — интифады мечети Аль-Акса, формальным поводом которой стало посещение в конце сентября лидером блока израильских правых партий ЛИКУД А. Шароном Храмовой горы в Иерусалиме. Ее инициаторы (сторонники ХАМАС⁸⁶ и лево-радикальных светских движений) говорили, что очередное выступление продолжает традицию первой интифады, потому что задачи, стоявшие перед ее участниками, не были решены.

Участники второй интифады обвиняли национальную власть в неэффективности того курса, который она проводила после создания ПНА. В течение всего времени 1990-х гг. эта власть так и не смогла изменить экономическое положение большинства жителей Западного берега и сектора Газа. Сельское население обоих палестинских регионов испытывало давление со стороны военных властей и официальных структур Израиля, продолжавших оправдывавшийся соображениями безопасности курс на сохранение выведенных из-под юрисдикции властей ПНА еврейских поселений. Периодическое блокирование территории этих регионов ухудшало условия жизни палестинских рабочих, подавляющая часть которых связана с израильским рынком труда. Власть (и, прежде всего, самого Я. Арафата) открыто (и не без оснований) обвиняли в коррупции и nepотизме.

Для *муватынун* причина отсутствия улучшений в их положении была связана с тем, что переходный процесс оказался замедленным. Его участники уже не верили, что в обозримой перспективе будут решены вопросы полного вывода армии Израиля с территории ПНА, передачи палестинским властям Восточного Иерусалима,

⁸⁶ О деятельности ХАМАС в годы интифады мечети Аль-Акса см.: Косач Г.Г. Политический ислам в палестинском контексте: движение ХАМАС. В: Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Академия геополитики и безопасности, 2000, с. 111–145.

достижения приемлемого для обеих сторон решения вопроса о беженцах и, наконец, провозглашения палестинской государственности. Власть ПНА определялась опорой ее руководства на продолжавшую оккупировать значительные территории Западного берега и сектора Газа державу и более не выглядела как функционально эффективная. Репрессии в отношении сторонников политического ислама не могли пресечь их деятельности из-за падающей легитимности самой национальной власти. Возникшая в ПНА политическая система ограничивала социальную мобильность; оттесненные от власти общественные группы становились опорой исламистов.

Израиль, по мнению жителей обоих палестинских регионов, был основным препятствием на пути создания национального государства, не желая содействовать полномасштабной реализации достигнутых двусторонних соглашений (так считали 27,4% всех участников опроса, организованного в декабре 1997 г. Иерусалимским центром информации и коммуникаций). Наиболее ярким проявлением «израильского упрямства» для 16,8% респондентов было сохранение еврейских поселений, а 43,7% опрошенных полагали, что развитие мирного процесса привело к ухудшению их положения⁸⁷.

Поддержка ФАТХ как правящей партии ПНА также имела тенденцию к снижению (с 46,6% в июне 1995 г. до 32,9% в мае 1998 г.). В равной мере это относилось и к Я. Арафату. Если в ноябре 1996 г. его рейтинг составил 67,8%, то в сентябре 1997 г. — только 36,2%. Рост популярности лидера ХАМАС шейха А. Ясина на этом фоне был очевиден, — 0,4% в феврале 1996 г. и 5,6% в мае 1998 г. Рост степени доверия к ХАМАС проявлял себя не менее четко — 12,4% в ноябре 1996 г. и 18% в мае 1998 г.⁸⁸

В апреле 1997 г. в ходе опроса Иерусалимского центра информации и коммуникаций были впервые поставлены вопросы об отношении респондентов к возможности «возобновления вооруженных операций против израильских объектов». Тогда 39,8 % всех опрошенных заявили, что эти операции стали бы «подходящим ответом в нынешней политической ситуации». 62,7% респондентов выступили в поддержку «эскалации палестинских выступлений протеста против Израиля», а 31,3% среди них считали, что «власть должна поддержать эти выступления»⁸⁹.

В ходе процесса развития второй интифады власть оказалась неспособна противостоять давлению со стороны все более усиливавшейся в среде *муватунун* тенденции к применению насилия. Вооруженные формирования ФАТХ — «Бригады мучеников мечети Аль-Акса» стали (наряду с вооруженным крылом ХАМАС) одной из сил, наиболее последовательно поддерживавших (и осуществлявших) антиизраильские акции и в границах ПНА, и на израильской территории.

⁸⁷ Натаидж аль-иститля ар-рабия ва аль-ишун хауля рай аль-филистынийин би хусус амалийят ас-салиям. Канун авваль 1997 (Результаты двадцать четвертого опроса палестинского общественного мнения о мирном процессе. Декабрь 1997 г.). Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 3, 5 цит. раздела. На араб. яз.

⁸⁸ Palestinian Support for the Peace Process. Jerusalem Media & Communication Center. Jerusalem, 1999, p. 41–44.

⁸⁹ Натаидж аль-иститля ат-тасиа ашар хауля рай аль-филистынийин би аль-кадая аль-ания. Нисан 1997 (Результаты девятнадцатого опроса палестинского общественного мнения в связи с текущими проблемами. Апрель 1997 г.). Марказ аль-Кудс лиль-иалям ва аль-иттисаль (JMCC), с. 10–12 цит. раздела. На араб. яз.

Интересы сохранения власти требовали от Я. Арафата учета господствовавших общественных настроений, и он стал возвращаться на путь антиизраильской «национальной и освободительной борьбы». Его пребывание в осажденной президентской резиденции в Рамалле придавало ему ореол «жертвенного героизма» даже в глазах тех, кто выглядел противниками первого главы ПНА.

Интифада мечети Аль-Акса не подвергла значительной корректировке политическую карту Западного берега и сектора Газа, во многом сохранив равенство сил между ФАТХ и ХАМАС. Эта ситуация была итогом развития более ранних процессов, фиксировавшихся палестинскими социологами еще в конце 1990-х гг. Они отмечали, что сторонник ХАМАС — это житель, прежде всего, сектора Газа (30,7% его жителей поддерживали это движение) и, чуть в меньшей степени, Западного берега (26,8%)⁹⁰. Приверженцами ФАТХ в секторе Газа было 42,3%, а на Западном берегу — 43,9% всех опрошенных. Среди сторонников обоих движений были выходцы из всех социальных групп палестинцев. География влияния ХАМАС и ФАТХ в каждом из регионов имела свои особенности.

Сторонники ХАМАС были влиятельны в городе Газа (37,5% всех местных респондентов), опережая здесь приверженцев ФАТХ (36%). Степень поддержки сторонников религиозной догмы была значительна на севере сектора Газа (35,9%), где расположены города Хан-Юнис и Рафах, но здесь была значительна и доля тех, кто симпатизировал ФАТХ (49,2%). По мере продвижения к югу этого региона рейтинг ХАМАС понижался, а ФАТХ — рос. Для районов центральной зоны сектора эти показатели составляли соответственно 29,3% и 41,8%, а для районов южной — 13,9% и 50,5%.

В городах Западного берега регионы влияния ХАМАС и ФАТХ также различались. Если в Тулькарме и Дженине рейтинг ХАМАС составлял соответственно 37,7% и 30,8% (для ФАТХ эти показатели равнялись 40,2% и 51,2%), то в Хевроне — 29% (42,5% для ФАТХ), Вифлееме — 25,5% (30%) (там сторонниками ХАМАС выступала и часть респондентов-христиан), Наблусе — 24,8% (54%), Рамалле — 21,8% (40,8%), Восточном Иерусалиме — 18,1% (40%) и Иерихоне — 16,2% (59,9%). Число приверженцев ХАМАС было значительно в лагерях беженцев (32,8% всех опрошенных резидентов этих лагерей). Но рейтинг ФАТХ был там все же выше, составляя 40%. В поселках городского типа степень влияния ХАМАС и ФАТХ приближалась соответственно к 20,5% и 50,1%, а в городах — к 24,5% и 40%.

Это примерное равенство сил обоих политических структур создавало условия для их обращения к демократическим формам государственного строительства в момент, когда интифада мечети Аль-Акса клонилась к своему закату. В январе 2005 г. состоялись палестинские президентские выборы⁹¹ и в январе 2006 г. — парламентские.

Выборы нового главы ПНА вновь были альтернативными: в них участвовали не только премьер-министр и избранный после смерти Я. Арафата председателем Исполкома ООП М. Аббас, но и шестеро его противников, включая двух «независимых» — сторонников ХАМАС. Ими были уроженец Газы, специалист по междуна-

⁹⁰ Здесь и далее см.: Хияляль Дж. Кираа фи масх ли таваджухат аль-джумхур аль-фалястыний фи Ад-Дыффа аль-гарбийий ва кытаъа Газа тиджах низам аль-хукм, с. 139–157. На араб. яз.

⁹¹ 11 ноября 2004 г. скончался Я. Арафат.

родному праву Абдель Карим Шбайр и уроженец деревни близ Тулькарма, обладатель магистерской степени по специальности «менеджмент» университета штата Миссисипи Абдель Халим Аль-Ашкар⁹².

Программы⁹³ этих кандидатов на пост главы ПНА кардинально не отличались от программы М. Аббаса — с теми или иными нюансами они содержали положения, которые были принципиальны для палестинского общества после очередной вспышки насилия, приведшей к политической дестабилизации и экономической стагнации. Они обещали избирателям «хлеб, работу, медицинское обслуживание, экономическое развитие, строительство новых домов» и «бескомпромиссную борьбу с коррупцией». Насущные для всех *муватынун* обещания обрамлялись заявлениями о «создании суверенного государства на всей территории» обоих палестинских регионов. Кандидаты от ХАМАС не требовали «уничтожения Израиля» и не квалифицировали Палестину как «мусульманский *вакф*», призывая «уважать решения международной законности». Следуя за М. Аббасом, они провозглашали своей задачей создание в Палестине «гражданского общества», действующего «на основе демократического законодательства» и «независимого от государства».

Победа М. Аббаса на президентских выборах (62,3% голосов всех избирателей⁹⁴) была естественна. Он возглавлял палестинское правительство, поддерживался международным сообществом и Израилем и действовал как новый лидер ООП, обеспечив себе поддержку всех входящих в нее политических структур и представляя в качестве наследника Я. Арафата.

Результаты же выборов в Палестинский законодательный совет продемонстрировали иную картину палестинских политических предпочтений. Их итог — победа блока «Перемены и реформа», созданного ХАМАС и некоторыми «независимыми» кандидатами, — 76 мест против 45, полученных ФАТХ. ХАМАС победил не только в традиционных регионах своего влияния: его депутаты представляли некоторые округа Рамаллы, Восточного Иерусалима, избирателей-христиан Вифлеема и окружающих этот город деревень. ФАТХ не получил парламентского большинства, но новая политическая ситуация не давала оснований для того, чтобы считать результаты выборов абсолютной победой сторонников религиозной догмы.

Победа ХАМАС создала ситуацию «биполярности» — ФАТХ продолжал господствовать в руководстве ООП и в высшем эшелоне власти ПНА. Глава ПНА М. Аббас сохранил за собой широкие полномочия и в законодательной сфере, и в области руководства решением задач, связанных с внешними связями, безопасностью и переговорами с Израилем. ХАМАС не располагал большинством в две трети (88

⁹² Данные о кандидате на президентский пост цит. по: The Presidential Elections 2005. Guide Book. Ramallah, Center Elections Commission — Palestine, 2005, p. 49–52.

⁹³ Здесь и далее см.: Предвыборные плакаты-программы Т. Халеда — Аль-Байан аль-интихабий ли мурашшах ат-тагйир Тейсир Халед (Предвыборные заявление кандидата обновления Тейсира Халеда); Аль-Мурашшах аль-ислямий аль-мустакиль ли ар-риаса аш-шейх Сайид Хусейн Барака (Независимый исламский кандидат в президенты шейх Сайид Хусейн Барака); Аль-Барнамадж аль-интихабий ли аль-мурашшах аль-ислямий аль-мустакиль Абдель Халим Хасан Аль-Ашкар (Предвыборная программа независимого исламского кандидата Абдель Халима Хасана Аль-Ашкара). Личный архив автора. На араб. яз.

⁹⁴ О результатах палестинских президентских выборов см.: Аш-Шарк Аль-Аусат. Лондон, 2005, 10 и 11 января. Режим доступа: <http://www.asharqalawsat.com>. На араб. яз.

мест) в ПЗС и соответственно не мог определять процедуру принятия законов ПНА. Парламентская же фракция ФАТХ была обязана достигать согласия с депутатами от ХАМАС, лоббируя свои законодательные акты. Одним из следствий победы ХАМАС стал конституционный тупик, преодоление которого было возможно только при достижении взаимопонимания между ведущими парламентскими фракциями.

ХАМАС, опираясь на свое парламентское большинство, был способен инициировать формирование нового правительства. Но это правительство могло быть только многопартийным. В условиях контролируемого суверенитета ПНА победившее на выборах в Законодательный совет движение должно было максимально учитывать позиции мировых и региональных акторов, влиявших на развитие событий на палестинской арене. Провозглашая 28 января 2006 г. свою программу, председатель Политического бюро ХАМАС Халед Машаль подчеркивал необходимость создания «единой палестинской армии под руководством ее главнокомандующего президента Аббаса», формирования «коалиционного правительства» и реалистичной позиции ХАМАС в отношении соглашений Осло⁹⁵. Однако признание Израиля было бы самоубийственным для этого движения, обрекавшего в этом случае на потерю сторонников и деградацию.

Х. Машаль предложил новую конфигурацию палестинской власти, основанную на самостоятельности действий составляющих ее партий и движений. Первоначально эта идея была принята М. Аббасом, и в феврале 2006 г. он поручил лидеру избирательного списка «Перемены и реформа» Исмаилу Ханийе сформировать новое палестинское правительство. Но правительство И. Ханийи могло быть только однопартийным: глава ПНА настоятельно рекомендовал парламентской фракции ФАТХ отказаться от участия в нем. Позиция М. Аббаса едва ли не в полной мере определялась точкой зрения Израиля, Соединенных Штатов и Европейского Союза, продолжавших считать ХАМАС террористической организацией.

Тем не менее в марте 2007 г. палестинское «правительство национального единства» во главе с И. Ханийей было сформировано. Это произошло после кровавых столкновений между ФАТХ и ХАМАС в начале 2007 г. в Газе. Появление этого правительства вновь доказывало неэффективность палестинской власти — достижение соглашения о его формировании стало итогом личного вмешательства саудовского монарха.

В составе этого правительства 16 министров (выходцев с Западного берега)⁹⁶ представляли ФАТХ и близкие к нему фракции ПЗС, а также «независимых», а 8 министров (уроженцев сектора Газы) — ХАМАС. Преданная 16 марта 2007 г. гласности его Политическая программа подтверждала, что палестинское правительство нуждается в «сохранении перемирия (с Израилем. — Г.К.)» и в «расширении сферы его действия с тем, чтобы перемирие стало всеобъемлющим, взаимным и согласованным во времени». Правительство И. Ханийи провозглашало свое стремление «ува-

⁹⁵ Машаль ятахаддас ан барнамадж ХАМАС ли аль-хукм: санатаъамаль би вакиъийй маа Осло (Машаль говорит о программе власти ХАМАС: мы будем реалистичны в отношении соглашений Осло. Аш-Шарк Аль-Аусат. Лондон, 2006, 29 января. На араб. яз.

⁹⁶ Здесь и далее см.: Иттифак Макка барнамадж ли аль-хукума аль-фаластынийй аль-джадида (Мекканское соглашение — программа нового палестинского правительства). Аш-Шарк Аль-Аусат. Лондон, 2007, 16 марта. На араб. яз.

жать решения международной законности и соглашения, подписанные ООП», но, разумеется, не отказывалось от палестинских прав на Восточный Иерусалим и отвергало возможную (на основе возведения израильской «разделительной стены») коррекцию геополитического пространства Западного берега.

Современная конструкция системы международных отношений (как и ее региональной подсистемы) делала эти устремления невозможными. Угроза введения экономических санкций (высказанная Соединенными Штатами и Европейским Союзом) в отношении ПНА в случае, если ХАМАС продолжит свое участие во властных структурах автономии, подтолкнула ее главу к роспуску в июне 2007 г. правительства И. Ханийи. Итогом действий М. Аббаса стал предпринятый ХАМАС 15 июня 2007 г. в секторе Газа вооруженный мятеж. На территории сектора Газа были насильственно ликвидированы структуры ФАТХ, как, соответственно, и легальные структуры ХАМАС на Западном берегу. Мятеж ХАМАС сделал реальностью международные санкции против сектора Газа.

В итоге формирующаяся палестинская государственность оказалась несостоятельной, а палестинское государство — мифом. Это произошло, прежде всего, в силу внутренних факторов. Важнейшими среди них стали далекая от условий современности политическая культура обоих основных палестинских акторов и их неспособность прагматично использовать складывающуюся как в мире, так и в регионе конъюнктуру. Это верно не только для ситуации 2007 г., но в равной мере и для сегодняшнего дня.

Мировые стандарты суверенности и суверенитеты «факта» на Ближнем Востоке*

И.В. Кудряшова

Интернационализируемая формула суверенного национального государства⁹⁷ пришла на Ближний Восток извне: в XX веке великие державы повсеместно использовали ее для организации политического пространства новых государств. Однако и спустя десятилетия ближневосточные политии являются проблемными с точки зрения государственной состоятельности⁹⁸. Эти проблемы известны: авторитаризм, «несимметричность» институтов, политический ислам, этноконфессиональные конфликты, устойчивость традиционных структур и неформальных политиче-

* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ «Суверенитет в условиях глобализации» проект № 07-03-00363а.

⁹⁷ Английский правовед М. Лоуглин выделяет следующие составляющие современного концепта суверенитета: суверенитет — характеристика современного государства; политические отношения не проистекают из отношений собственности; публичная власть и частная власть дифференцированы; публичная власть имеет не личный, а официальный характер; политическая власть есть продукт политического отношения; суверенитет есть выражение публичной власти; суверенитет относителен; права человека не антагонист суверенитета, но есть продукт его выражения; система публичного права есть выражение суверенитета; публичное право не является целиком вопросом позитивного права. См.: Loughlin M. Ten Tenets of Sovereignty. *Sovereignty in Transition*. Ed. by Walker N. Oxford, Portland Oregon: Hart Publishing, 2006.

⁹⁸ Как полагают политологи Г. Ашраф и К. Локхарт, у «исправного» государства в современных условиях должно быть десять функций: монополия на легитимное насилие; профессиональный административный контроль; умелое управление общественными финансами; вложения в человеческий капитал; социальная политика как инструмент равных возможностей; обеспечение инфраструктурных услуг; формирование рынка с точки зрения отношений между трудом и капиталом; введение стандартов прав собственности, финансов и страхования; управление общественным имуществом (земля, вода, полезные ископаемые, культурное наследие и др.); эффективное внутреннее заимствование. См.: Ghani A., Lockhart C. *Fixing Failed States: A Framework for Rebuilding Fractured World*. N.Y., Oxford University Press, 2008, ch. 7. Конечно, о количестве функций можно спорить, но ясно, что рационализация управления и функциональность — неперенные спутники политической эффективности.

ских механизмов, неконкурентная экономика, неразвитая социальная сфера, низкий уровень жизни и в итоге отсутствие перспективы в глобализирующемся мире (если не считать таковой экспорт энергоносителей — для тех, у кого они есть). Конечно, в различных странах ситуация неодинакова, но в целом можно констатировать, что национальное государство⁹⁹, в регионе не прижилось¹⁰⁰, а политическое развитие нестабильно и осложнено различными формами нелегитимного насилия. Политика мировых лидеров по демократизации региона в конце XX — начале XXI веков способствовала проведению политических реформ, но современные институты остаются формальными: политическое участие является в большинстве случаев не фактором изменений, а фактором поддержки авторитарных режимов, и многие его каналы используются правящими элитами в собственных целях, например, для создания «демократического» имиджа¹⁰¹.

Проблематика формирования и функционирования современного мусульманского государства сложна и охватывает много аспектов. *Исследовательская задача доклада затрагивает один из них: была ли в арабских странах собственная формула политической организации, могла ли быть реализована и коррелировала ли с европейским концептом государства?*

В Османской империи арабские территории, как и неарабские, имели политический статус вилайетов, а султан был верховным носителем политической власти и главой мусульманской общины. Такое положение дел в целом соответствовало представлениям традиционного арабского общества, которое поддерживало сильную монархическую власть и объединенную империю как способные обеспечить независимость *дар аль-ислам*, «мира ислама». Для немусульман официальная идентичность определялась принадлежностью к одному из трех не имевших административных или территориальных границ религиозно-культурных сообществ — *миллетов*, находящихся под покровительством халифа: православному, армянскому и иудейскому.

До начала XIX века мусульманские ученые и правители концептуализировали политическое в терминах *уммы* (единого сообщества мусульман), *халифата* или *султаната* (систем традиционного мусульманского правления при относительном доминировании соответственно религиозного или политического элемен-

⁹⁹ Группа исследователей во главе с Д. Хелдом обозначила такие ключевые особенности национального государства: обладание территорией, непersonифицированный политический механизм, монополия на принудительную власть, выраженное присутствие легитимности. См.: Held D., McGrew A., Goldblatt D. and Perraton J. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Stanford, Cal.: Polity and Stanford University Press, 1999 (русский пер.: Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. *Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура*. М., Праксис, 2004), р. 48–49.

¹⁰⁰ Израиль не является предметом нашего анализа, так как иммигранты, устремившиеся в страну после Второй мировой войны, не были скованы жесткой локальной традицией; многие из них имели опыт гражданского участия и с большей легкостью воспринимали рациональные образцы политической культуры.

¹⁰¹ Подробнее см.: *Political Participation in the Middle East*. Ed. by Lust-Okar E., Zerhouni S. Boulder, L., Lynne Rienner Publishers, 2008.

та). Термин *дауля*, который сегодня используется в арабском языке для обозначения государства, встречается и в Коране, и у средневековых мусульманских авторов. В глагольной форме это слово первоначально означало «чередоваться», «меняться» и «прекращать свое существование». В эпоху Аббасидов и более поздние периоды оно часто использовалось для описания превратностей судьбы, взлетов и падений. Постепенно оно стало обозначать *династию* и только в начале XX века — *государство*¹⁰².

Империя, несмотря на децентрализацию (с точки зрения внутренней организации, она подпадала под определение «веерной модели»¹⁰³), в целом сохраняла свою политическую легитимность и основную институциональную структуру. Политико-экономическое давление ведущих западных держав, которые начали переход к конституционному правлению и индустриальной экономике, а также растущая мощь периферии поставили перед ней вопрос о реформах. Султан Селим III (1789–1807 гг.) предпринял первую серьезную попытку модернизации: на основе изучения европейского опыта, прежде всего габсбургского, он приступил к замене янычарского корпуса регулярной армией, основал военные училища, открыл постоянные дипломатические представительства в европейских странах.

Реформы продолжил Махмуд II (1808–1839 гг.), которого в турецкой историографии иногда сравнивают с Петром I. Ему удалось окончательно ликвидировать янычарский корпус, военно-лунную систему и *ильтизам*¹⁰⁴ (последние — не сразу и не до конца), установить административный и финансовый контроль над деятельностью улемов, ввести европейскую систему чиновничьих рангов, подготовить новый гражданский кодекс и т.д. Однако нововведения не затронули властных структур и не повысили эффективность экономики.

Упомянув растущую мощь периферии, мы имели в виду Египет при правителе Мухаммаде Али (1805–1849 гг.), который первым предпринял попытку трансформировать территорию страны в политическое, военное и экономическое ядро сильного и независимого государства¹⁰⁵. Он был албанцем по происхождению, но его сын Ибрагим, известный военачальник, ставший соправителем отца, уже считал себя арабом и говорил по-арабски. Военные походы Али-паши первоначально осуществлялись по инициативе султана для подавления мятежей (Аравия, Крит, Греция), но вскоре приняли самостоятельный характер (Восточный Судан, Палестина, Сирия). Опасность потери контроля над Восточным Средиземноморьем и быстрое усиление Египта на Ближнем Востоке заставили великие державы дважды активно вмешаться в ситуацию: в 1828 г. они потопили египетский флот при битве при На-

¹⁰² См.: Ayubi N.N. *Over-stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East*. L., N.Y., I.B.Tauris, 1996, p. 21–22.

¹⁰³ Так называемая «hub-and-spokes model» — система непрямого правления при исключении из ядра периферийных элит; при этом подчиненные территории индивидуально связаны с центром, но редко взаимодействуют друг с другом.

¹⁰⁴ Откупная система взимания феодальных налогов.

¹⁰⁵ Несомненное влияние на развитие Египта оказала экспедиция Наполеона (1798–1801), который, в частности, ввел систему представительных совещательных органов при начальниках гарнизонов в провинциях и главнокомандующем в Каире.

варине, а в 1840 г. после заявления паши о намерении выйти из империи и включить Сирию в наследственное владение провели сухопутную и морскую операции, заставив отказаться от независимости и права на Сирию, Крит и Аравию¹⁰⁶.

Мухаммад Али, как и Махмуд II, проводил модернизационные реформы на основе западного опыта. Он осуществил реорганизацию армии, ввел государственную монополию на основные продукты и товары с целью развития промышленности, открыл современные учебные заведения и т.д. Однако навязанный Египту режим капитуляций предусматривал запрет государственных монополий и вызвал экономическое ослабление страны¹⁰⁷. Первая попытка создать независимое современное арабское государство закончилось неудачей.

К этому времени относится и «интеллектуальное пробуждение» арабов: западная модель общества поражала людей Востока тем, что обеспечивала непрерывное развитие и улучшение положения человека. Уже в 40-х гг. XIX века в интеллектуальных кругах стала распространяться в целом не новая для мусульманской политической мысли идея о том, что хорошее общество — то, правители которого тем или иным образом отвечают устремлениям своих подданных. В Египте и исторической Сирии (включавшей нынешние территории Сирии, Ливана, Иордании, Израиля и Палестины) зародилось просветительское движение (в основном христианское), стоявшее у истоков арабского национализма. Его пионером считают египтянина Рифаата-бей ат-Тахтави (1801–1873 гг.). Выпускник мусульманского университета Аль-Азхар несколько лет провел во Франции в качестве наставника группы студентов и по возвращении опубликовал книгу, где рассказывалось об июльской революции 1830 г., Декларации прав человека и гражданина, французской конституции¹⁰⁸. Именно он подготовил путь к восприятию политики не только как *уммы* — мусульманского сообщества, но и как территориального пространства, введя в политический дискурс концепт «родины»: «Родина (*vatan*) — гнездо человека, ... место его семьи и часть внутренней сущности... По мудрости Аллаха Всемогущего предназначено, что дети одной родины всегда имеют общий язык, находятся под попечительством одного правителя, следуют единому закону и единой политической линии...»¹⁰⁹.

Реформы, осуществлявшиеся в Османской империи в 40–70-х гг. XIX в. (танзимат), включали в себя распространение доктрины османизма, который позаимствовал на Западе такие категории, как отечество, гражданство, равенство. Его сторонники пытались укрепить слабеющую империю, утвердив «османскую нацию» на

¹⁰⁶ См.: Lustick I.S. The Absence of Middle Eastern Great Powers: Political "Backwardness" in Historical Perspective. International Organization. Cambridge, 1997, vol. 51, issue 4. Autumn, p. 665–666.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Зеленев Е.И. Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии, XVI—начало XX века. СПб., Изд-во СПбГУ, 2003.

¹⁰⁸ Подробнее см.: Hourani A. Arabic Thought in the Liberal Age: 1798–1939. L., Oxford University Press, 1970, p. 67–83.

¹⁰⁹ Аль-Тахтави Р.Р. Аль-Муршид аль-амин лиль-банат валь-банин (Верное руководство для девушек и юношей). Аль-Аамаль аль-кямиля ли Рифа'а аль-Тахтави (Полное собрание сочинений Рифа'а аль-Тахтави). Имара М. ред. Бейрут: Аль-Муассаса аль-арабийя ли ад-дирасат ва ан-нашр, 1973, т. 2, с. 469–470. На араб. яз.

основе интегрирования в единое сообщество сотен этнических, религиозных, региональных и социальных групп путем беспрецедентного для исламской истории превращения всех подданных в граждан, равных перед законом независимо от веры, происхождения и языка.

К середине 1870-х гг. в политической элите Османской империи заметно усилились позиции сторонников конституции, которая была принята в 1876 г. и официально провозгласила основные права и свободы «граждан империи» независимо от вероисповедания, учредила двухпалатный парламент и косвенно несколько ограничила права султана, хотя он и оставался неподотчетным никакому органу¹¹⁰. Сторонники османизма пытались убедить мусульманское население, что конституционализм и парламентаризм соответствуют принципам и институтам ислама, таким как *джамаат* (местное сообщество), *шура* (совет), *иджмаа* (мнение сообщества), *мушавара* (консультации с целью принятия решения).

Большинство мусульманских интеллектуалов видели причины превосходства Запада в европейском политическом устройстве. Основными причинами упадка мусульманского мира известный реформатор Джамаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897 гг.) считал отсутствие справедливости (*адль*¹¹¹), принципа консультаций в общине и конституции, ограничивающей правителя. В его концепции халифат должен был обеспечить мусульманское единство, «наикрепчайшую связь» (*аль-урва аль-вуска*), обеспечивающую функционирование всего политического организма¹¹². Как полагал его ученик Мухаммад Абдо (1849–1905 гг.), взаимоотношение ислама с современностью — ключевой момент для мусульманских сообществ. Пытаясь найти точки соприкосновения в исламской и западной политической мысли, он провел параллель между *шурой* и демократией и отверг наличие принципа теократии в исламе, отметив, что власть правителя (*хакима*), судьи (*кади*) и муфтия имеет гражданский характер. По его мнению, парламентская система и плюрализм отнюдь не губительны для единства *уммы*, поскольку споры о методах достижения цели не означают сомнения в самой цели. Чтобы показать роль ислама как фактора прогресса, Абдо подчеркивал неотъемлемое присущий исламской традиции рационализм. С этой точки зрения большой интерес представляет его работа о роли закона, где он писал: «Законы — основа деятельности, надлежащим образом организованной и плодотворной, и результат теоретико-интеллектуальных изысканий. Законы соответствуют уровню понимания каждого народа и различаются по этому признаку... Наше правительство должно обратить внимание на законы... Необходимо исправить очевидный недостаток нашей правовой системы — лишение людей прав и безопасности»¹¹³.

¹¹⁰ Подробнее см.: Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — панисламизм) XIX–начало XX в. М., Наука, 1985, с. 124–126.

¹¹¹ Известный специалист по Ближнему Востоку Б.Льюис считает арабское понятие «справедливости» аналогом европейского понятия «свобода» (см., напр.: Lewis B. Freedom and Justice in the Modern Middle East. — “Foreign Affairs”, 2005, May/June).

¹¹² Подробнее см.: Левин З.И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М., Наука, 1972, с. 109–110.

¹¹³ Абдо М. Ихтияф аль-каванин би-ихтияф ахваль аль-умам (Различение законов по различиям

Такие мыслители, как Абд ар-Рахман аль-Кавакиби (1849–1903 гг.) и Рашид Рида' (1865–1935 гг.), много внимания уделяли исследованию политического деспотизма. Первый из них подчеркивал, что ислам как религия не несет ответственности за те формы деспотического правления, которые возникали и реализовывались от его имени, и что «народы должны отвечать за действия тех, кого они выбирают в правители; когда это не удается, их подчиняют другие народы»¹¹⁴. Среди причин стагнации он называл отрыв политики от власти и ответственности, разделение *уммы* на группы и партии, потерю справедливости и равноправия среди разных слоев *уммы*, падение авторитета общественного мнения в результате подавления и т.д.¹¹⁵ Однако, выступая против абсолютизма и заявляя о существовании «арабской нации (*уммы*)» (например, аль-Кавакиби концептуализировал это понятие как общность людей, «связанных единством расы, языка, отечества и права»¹¹⁶), большинство мусульманских мыслителей отстаивало в тот период османское единство и халифат. В поддержку османизма первоначально высказывался и будущий основоположник светского арабского национализма Саты' аль-Хусри (1882–1968 гг.), который выделял такие формообразующие компоненты османской нации, как духовная близость, стремление к единству, общность территории и религии как важного духовного звена¹¹⁷.

По мнению авторитетного специалиста по исламу и Османской империи К. Карпата, самым важным, но часто игнорируемым аспектом конституционного эксперимента было санкционирование существования общности, именуемой «народом», как источника власти и признание османского народа (нации), состоящего из множества этнических групп¹¹⁸.

Одновременно османизм, не имея естественной основы для всего населения, произвел социальные изменения, которые усилили чувство общей культуры у мусульман (например, дебаты в парламенте были монополизированы мусульманами, подчеркивающими исламский характер государства) и одновременно вызвали рост этнического и регионального самосознания. Ряд арабских историков полагает, что именно османизму, а не деятельности просветителей арабы обязаны появлением концепта родины с ясными границами и отдельной идентичностью¹¹⁹. Уже в 1875 г.

народов)// Аль-Аамаль аль-кямиля (Полное собрание сочинений)/ Имара М. ред. Бейрут: Аль-Муассаса аль-арабийя ли ад-дирасат ва ан-нашр, 1972, с. 310–314. На араб. яз.

¹¹⁴ См.: Tamimi A.S. Democracy in Islamic Political Thought. Mode of Access: <http://ireland.iol.ie/~afifi/Articles/democracy.htm>, p. 2–4.

¹¹⁵ Аль-Кавакиби А. Умм аль-кура (Мать городов (Мекка))/ Аль-Аамаль аль-кямиля ли аль-Кавакиби (Полное собрание сочинений Аль-Кавакиби). Бейрут: Марказ дирасат аль-вахда аль-арабийя, 1995, с. 359–360.

¹¹⁶ Аль-Кавакиби Абд ар-Рахман. Природа деспотизма и гибельность порабощения. М., Наука, 1964, с. 92. Цит. по: Труевцев К.М. Арабский мир в XX веке: развитие национальной идеи. Национальная идея: история, идеология, миф. Под ред. Г.Ю. Семигина. М., Современная экономика и право, 2004, с. 312.

¹¹⁷ См.: Тихонова Т.П. Светская концепция арабского национализма Саты' аль-Хусри. М., Наука, 1984, с. 23.

¹¹⁸ Karpat K.H. The Politicization of Islam. N.Y., Oxford University Press, 2001, p. 316.

¹¹⁹ Choueiri Y.M.M. Arab History and the Nation-state: A study in Modern Arab Historiography 1820–1980. L.,

было организовано первое в Сирии Арабское тайное общество, которое призывало к освобождению страны от турецкого гнета, отмене цензуры, свободе слова и просвещения. Патриотические группы возникали и в эмиграции.

Ограниченный эффект реформ периода танзимата, опасность сецессионизма, недовольство консервативного духовенства и некоторые другие причины привели к государственному перевороту 1878 г. и корректировке идейно-политического курса в сторону панисламизма. Пришедший к власти султан Абдул Хамид II распустил парламент и приостановил действие конституции. Фактически ради сохранения государства и собственной власти он признал приоритет *уммы* как эквивалента народа над государством и поставил принцип халифата выше султаната в отношениях с ней. Этот шаг впервые выявил *политическую* (неидеальную) природу государства.

Младотурецкая революция 1908 г., ставившая целью возврат к конституционным нормам и сохранение империи, озвучила новую версию османизма, предлагавшую формирование *турецкой* нации как государствообразующей на полиэтнической основе. Новая версия османского государства постепенно стала входить в противоречие с формирующимся этнонациональным самосознанием арабов. В 1910 г. арабские культурно-литературные клубы были закрыты младотурками, и арабские националисты начинают добиваться децентрализации империи и широкой автономии арабских земель. Так, в 1913 г. в Париже был проведен Первый арабский конгресс, открыто потребовавший сирийской автономии¹²⁰.

Огромное значение для мусульманского единства имел вопрос о халифате, который к концу XIX в. приобрел четкое политическое измерение. После ухудшения отношений с Османской империей к началу 1880-х гг. Великобритания, стремясь разъединить турок и арабов, стала противопоставлять османизму «этнонациональный» подход, состоявший в том, что халифом должен быть шериф Мекки, араб-курейшит. Позднее Великобритания, как и Франция, стала устанавливать контакты с «автономистами».

Когда Османская империя вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, британское правительство попыталось осуществить план вооруженного выступления арабов против султана. В частности, оно обратилось к правителю Хиджаза шерифу Хусейну, пообещав поддержку в создании независимого арабского государства, точные размеры территории которого тогда не были определены¹²¹, в обмен на организацию восстания бедуинов. Именно тогда термин *дауля* (государство) был использован в значении западного *state*. Восстание («великая арабская революция») началось в 1916 г., однако параллельно с арабо-английскими контактами в Европе разрабатывался другой договор о послевоенном разделе региона¹²².

Routledge Kegan & Paul, 1989, p. 198–200.

¹²⁰ Подробнее см.: Луцкий В.Б. Предисловие в: Амин Саид. Великое арабское восстание. Подробная история, охватывающая арабское движение за четверть века. — М., Московский институт востоковедения, 1940, т. I, вып. 2, с. 12–15.

¹²¹ Арабское государство должно было включить в себя все арабские области Азии, в т. ч. Сирию и Месопотамию.

¹²² Соглашение Сайкс-Пико 1916 г.

Капитуляция Османской империи в октябре 1918 г. положила конец власти младотурок. Борьба великих держав за турецкое наследство на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. шла на фоне нарастания антиколониальной борьбы (Египет, Ирак, Сирия), однако страны региона¹²³ в итоге превратились в зависимые территории Великобритании и Франции с различными системами политического контроля (прямое управление, институт верховного комиссара и советников, особые договорные отношения) и нелегитимными границами, которые не могли способствовать национальной консолидации в будущем. Главной проблемой этих образований была внутренняя «несвязанность», обусловленная практическим отсутствием гражданского национализма, конструированием новых государственных образований (Иордания, Ливан), отказом в государственности крупным этносам (курды), формированием политических территорий с пестрым этно-племенным составом (Ирак, Ливан, позже Катар и др.), неравномерным распределением ресурсов.

В институциональном аспекте мандатная система оказала решающее воздействие на арабский мир: были созданы территориальные политии («родина» в терминологии Ат-Тахтави). Арабское общественное сознание далеко не сразу восприняло их как государства, и для их обозначения длительное время использовался такой термин, как *кутра* (страна, земля, область). В сиро-ливанском, египетском, иракском и других обществах¹²⁴ движения против иностранного вмешательства воспринимались в тот период либо как локально-патриотические, либо как арабские.

В 20–30-е годы XX в. король Ирака Фейсал мечтал объединить Аравию и иракосирийскую унию; идею Великой Сирии и присоединения к ней Ирака отстаивал эмир Трансиордании Абдалла. О популярности идей арабского единства свидетельствуют арабские конгрессы 1931 г. в Иерусалиме и 1938 г. в Брюсселе.

К середине 30-х годов широкое признание в интеллектуальных кругах получила светская концепция арабского единства аль-Хусри. Трактую арабский национализм в духовном ключе, мыслитель придавал первостепенное значение таким факторам формирования нации, как общность языка и общность истории: «Национальное чувство зависит от исторических воспоминаний более, чем от чего-либо другого... Любовь к независимости питается воспоминаниями об утраченной независимости..., а стремление к единству возрастает по мере того, как оживают воспоминания о прошлом единстве»¹²⁵. Поскольку тезис об исторической и языковой общности требовал отделения истории арабов от истории ислама, он разделил процессы арабизации и исламизации; значение ислама заключалось для него, прежде всего, в сохранении самобытности арабской нации, а в принципе религия должна была быть отделена от государства, как это произошло в Европе¹²⁶. Таким обра-

¹²³ Получить независимость смогли только Саудовская Аравия и йеменский имамат.

¹²⁴ В политическом отношении наиболее развитыми странами были Египет и Тунис, где еще во второй половине XIX в. появились национальные структуры представительства и организации партийного типа.

¹²⁵ Аль-Хусри С.А.Х. *Ара' ва-ль-ахадис фи-ль-ватаний ва-ль-каумийя* (Взгляды и дискуссии о патриотизме и национализме). Бейрут: Марказ ад-дирасат аль-вахда аль-арабийя, 1984, с. 95–96. Цит. по: Dawisha A. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton, Princeton University Press, 2003, p. 67.

¹²⁶ Подробнее см.: Тихонова Т.П. Ук. соч., с. 44–51.

зом, если у мусульманских реформаторов в основе политики лежали религиозно-политические узы, то у аль-Хусри — культурно-лингвистические.

Однако развитие национальных концепций и движений не исключало панисламистских тенденций: в 1926 г. в Мекке был основан Всемирный исламский конгресс. В конце 1920-х гг. в Египте была создана первая исламская политическая организация «Братья-мусульмане», которая мыслилась как общеарабская. Ее основатель Хасан аль-Банна (1905–1949 гг.) переработал такие концепты, как национализм, патриотизм, государство-нация, конституционализм, которые стали интегральной частью исламской терминологии¹²⁷. «Братья» повели активную вооруженную борьбу в защиту арабо-исламского характера Палестины.

В 1920–1930-е годы была также оформлена концепция мусульманского национализма. В особых условиях Британской Индии, где существовала индусско-мусульманская рознь, Мухаммад Икбал (1877–1938 гг.) отождествил понятие конфессиональной общности с нацией, а затем увязал понятие нации с территорией¹²⁸.

Долгожданную независимость ближневосточные арабские государства преимущественно обрели после Второй мировой войны. В качестве основы суверенности они через конституционное закрепление получили многие западные принципы организации власти (исключая абсолютные монархии Персидского Залива), хотя были далеки от породившего эти принципы *nation-state* и не имели ресурсов для самостоятельного развития.

Широкое распространение в тот период вновь получили идеи «единого арабского отечества». Великобритания, пользуясь влиянием на правительства зависимых стран, использовала эти настроения в своих целях. Проект Лиги арабских государств (ЛАГ, 1945), который она поддерживала, должен был способствовать не только более тесным отношениям между государствами-членами, координации их политических действий, обеспечению суверенитета и т.д., но и сохранности границ и контролю над сепаратистскими движениями.

В 1950-е гг. растет влияние партии Баас (в 1960-е она пришла к власти в Сирии и Ираке), которая связывала успех борьбы за национальное освобождение в одной стране с борьбой за создание единой арабской нации, способной покончить с зависимостью от Запада. Арабскую нацию и арабское единство баасисты первого поколения во главе с основателем партии интеллектуалом Мишелем Афляком (1910–1989 гг.) концептуализировали органистически — как «большую семью»; сама партия мыслилась как «нация в миниатюре»¹²⁹). После образования «искусственных» и «фальшивых» независимых арабских государств Баас стремилась развить содержание национально-юнионистской тенденции, отмечая: «Единство — не про-

¹²⁷ См.: Lia B. The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1942. Reading, UK, Ithaca Press, 1998, p. 73–77, 81–82.

¹²⁸ Подробнее см.: Гордон-Полонская Л.Р. Мусульманские течения в общественно-политической мысли Индии и Пакистана. (Критика «мусульманского национализма»). М., Издательство восточной литературы, 1963, гл. VII.

¹²⁹ Фи сабиль аль-баас (Во имя возрождения). Сборник партийных документов, принятых национальным руководством партии. Багдад: аль-Баас, 1963, 2-е изд., с. 45.

стое собрание частей арабского мира, но сплавление этих частей воедино... Единство — это революция в полном смысле слова, так как оно ликвидирует местнические (т.е. национальные. — *И.К.*) интересы, которые существовали и распространились веками. Это революция, так как она противостоит интересам и классам, отвергающим единство»¹³⁰. При этом задачи революции не конкретизировались, а успех борьбы и «обретение арабами себя» ставился в зависимость от морального и интеллектуального возрождения общества¹³¹.

Во второй половине 50-х годов дело арабизма возглавил Гамаль Абдель Насер (1918–1970 гг.). После эпопеи Мухаммада Али это была вторая реальная попытка создать мощное арабское государство с Египтом в качестве ядра, к которой его объективно подтолкнули поддержка Западом Израиля и курс на разделение арабского мира (создание Багдадского пакта с участием Ирака). После провала англо-франко-израильской операции против Египта в 1956 г. массовая поддержка Насера в арабском мире достигла беспрецедентных масштабов. В 1958 г. произошло слияние Египта и Сирии в Объединенную арабскую республику, куда Насер пригласил войти все другие арабские страны. Его поддержка антизападных, антиколониальных и антимонархических сил (Ирак, Иордания, Алжир, Ливан, Йемен) вызвала появление доктрины Эйзенхауэра с принципом помощи правительствам, которым угрожают силы, связанные с международным коммунизмом.

Курс Насера на арабский социализм был первоначально обусловлен общей радикализацией политической обстановки: Египту был нужен сильный союзник (в сложившихся условиях им мог быть только СССР) при решении необходимых задач: создании боеспособной армии, эвакуации английских военных баз, проведении аграрной реформы и строительстве экономических объектов.

Наиболее четкое идеологическое оформление египетский социализм (насеризм) получил в Хартии национального действия (1962 г.), которая признавала приоритет социально-экономических факторов в политическом развитии. Социализм¹³² провозглашался предпосылкой свободы и единства. Демократия определялась как свобода политическая, а социализм — как социальная. Социальная справедливость должна была предшествовать политической свободе (откладывая, таким образом, ее воплощение на неопределенное будущее). Арабское единство мыслилось как кульминация долгого процесса экономических, социальных, политических и культурных изменений, которые осуществит новое поколение лидеров при опоре на революционные организации. В Египте такой организацией стал Арабский социалистический союз (АСС) — массовая партия мобилизационного типа.

¹³⁰ Баду ль-мунталакат ан-назарийа ал-ляти акаррага аль-муатамар аль-кавмий ас-садис фи тишрин аль-авваль 1963 (Теоретические основы, принятые VI национальным съездом в октябре 1963 г.). Багдад: аль-Баас, 1976, с. 26.

¹³¹ Фи сабиль аль-баас, с. 176.

¹³² Арабский социализм исходит из следующих основных принципов: строительство социализма без диктатуры пролетариата, опора на государственный сектор в экономике, ограничение крупного капитала, сохранение неэксплуататорского частного хозяйства, кооперация, социальные программы, признание важной роли ислама. Согласно ст.2 Конституции Египта шариат выступает источником законодательства.

Эксперимент Насера потерпел неудачу из-за жесткого противостояния Запада, неудачной войны 1967 г. с Израилем, разнородности политических режимов и неравномерности социально-экономического развития арабских стран.

В итоге в ближневосточных государствах национализм, в основном, принял форму лояльности государству, которая была обусловлена не только традицией (служение государству как служение высшей общности, коллективу), но и тем, что только оно способно было в тех политических и экономических условиях обеспечить единство и относительную стабильность, аккумулировать ресурсы для начала модернизации. Поскольку в отсутствие *граждан*, индивидов, находящихся в правовых отношениях относительно друг друга и государства (а для появления таких граждан жизненно необходим определенный качественный и количественный уровень развития рыночной экономики, формирующей массовое общество и заставляющей отстаивать свои интересы и права институциональными политико-правовыми путями), не может быть устойчивой власти демократического типа, у власти в этих странах оказалась военная (изначально обладавшая средствами насилия) или гражданская (ассоциируемая с государством в целом) бюрократия. Влияние европейского концепта государства усиливалось благодаря культурной диффузии и добровольному подражанию арабских элит иностранному образцу.

В целом, в арабском общественно-политическом процессе сложно четко зафиксировать соотношение «внутринационального» и исламского. С одной стороны, приоритет национализма лишает ислам универсальности, «замыкая» его в духовной и бытовой сферах, с другой — властные элиты стремятся активно использовать традиционные мусульманские ценности, санкционируя политические и экономические преобразования.

Особняком стоят патримониальные сообщества Персидского залива, среди которых только Кувейт при получении независимости обрел формальные атрибуты конституционной монархии. Здесь в конце 1950-х — начале 1960-х годов регулярные интенсивные политические и экономические контакты с Западом вызвали прерывание естественной эволюции традиционного общества и заставили слабую центральную власть усиливать свои ресурсы, ускоряя процесс развития, то есть институционализировать политические организации и процедуры. Обладание нефтяными ресурсами, имеющими стратегическое значение для мирового капиталистического хозяйства, определило, с одной стороны, отсутствие применительно к ним жесткого внешнего политического давления ради поддержания внутренней консервативной стабильности, а с другой — позволило формироваться в качестве влиятельных участников мирового политического процесса. Там, где не было жесткой националистической диктатуры (как в Ираке, Сирии и отчасти Ливии), ислам стал превращаться в инструмент поддержания социального равновесия с позиции власти, с одной стороны, и инструмент мобилизации оппозиции — с другой. При этом идеологию, основанную на исламе как мировой религии, в силу ее природы трудно замкнуть в национальном пространстве, и она, так или иначе, выводит своих последователей на общемусульманский уровень, ослабляя другие идентичности.

С другой стороны, определенный поворот в сторону признания «национального этапа развития» произошел в среде исламистских деятелей. В настоящее время

большинство массовых исламистских организаций признают наличие национального этапа борьбы и национальных целей. В Египте, например, основные линии противостояния между правительством и «Братьями-мусульманами» — это не борьба за халифат, а расширение области применения шариата, прежде всего в СМИ, образовании, культуре, демократизация политических институтов и поддержка интеллигенции. В Ливане шиитское движение «Хизбалла» через демократические выборы стало неотъемлемой частью властных структур, а отпор израильской агрессии 2006 г. сделал его общенациональной силой. Сегодня оно пытается примирить концепт единой мусульманской *уммы* и свои региональные интересы с задачами сохранения целостности страны и упрочением собственных позиций. Сами мусульманские общины остаются реально действующими социальными организациями, которые могут обеспечить лояльность индивидов, служить надежными сетями политической коммуникации и участвовать в урегулировании возникающих конфликтов. Этим обусловлено и внутривнутриполитическое влияние исламистских организаций как единственно серьезной автономной оппозиционной силы.

Последней попыткой осуществления арабского проекта была оккупация Кувейта Саддамом Хусейном (1937–2006 гг.) в 1990 г. Баасистскому режиму (1968–2003 гг.) удалось централизовать власть и консолидировать общество, установив подобие социального государства. После длительной войны с Ираном, когда Ирак сдерживал наступление «революционного шиизма» в том числе в интересах аравийских соседей, ему остро нужны были дополнительные ресурсы. Иракская пропагандистская машина оспаривала легитимность существования аравийских монархий, использующих колоссальные нефтяные доходы для процветания малочисленного населения. Следует отметить, что, несмотря на присоединение подавляющего большинства государств региона к антисаддамовской коалиции, арабское общественное мнение в целом поддержало если не Хусейна, то политические цели Ирака. Конец этому проекту, как известно, положили операции по освобождению Кувейта и борьбе с терроризмом.

Как показывает анализ, национальное государство как концепт и политический институт пришло на Ближний Восток в результате колониального давления и благодаря имитации и культурной диффузии. Арабские мыслители XIX и XX веков развивали концепты единства и интеграции, но не государства. Джамаль ад-Дин Аль-Афгани и Мухаммад Абдо отстаивали принцип религиозно-морального, теоретически арабского национализма — культурно-лингвистического единства, недооценивая важность вопросов границ, населения и рынков, формирующих единство национальное.

Если в гегелевско-веберовской логике рассматривать государство как совокупность инструментов, направленных на рационализацию общества, что исторически связано с практикой буржуазии, то в арабских странах автохтонный производственный капитализм отсутствовал. Богатство и статус на Ближнем Востоке исторически были тесно связаны не с индивидуальной частной собственностью, а с государственной властью, которая плотно контролировала город, ремесленные цехи и базар. До сих пор экономические реформы в странах региона чреваты серьезны-

Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности

ми структурными изменениями: в большинстве случаев государство глубоко вовлечено в патронажную систему, которая включает в себя политическую поддержку со стороны компаний государственного сектора в обмен на экономическую безопасность. С другой стороны, государство-собственник при отсутствии компенсаторных механизмов провоцирует завышенные ожидания, социальную нестабильность и разочарование в осуществляемом политическом курсе.

Исламская формула сдерживает развитие автономности индивида и социальной дифференциации, которые, как и концепция свободы, являются важнейшими составляющими европейской политической традиции. Ни османский танзимат, ни другие организационные формы не смогли трансформировать отношение индивида к политической власти, заставить его относиться к государству как к манифестации общей воли или общественной этики.

В сравнении с панисламизмом панарабизм имел больше шансов на успех. С точки зрения политической географии на Ближнем Востоке есть два центра (Верхний Египет и Ирак), которые способны стать ядром сильного динамичного государства. Попытки создать такое государство предпринимались (Мухаммад Али, Гамаль Абдель Насер, Саддам Хусейн), но все они были заблокированы ведущими державами, не желавшими изменения баланса сил в созданной ими региональной системе.

Таким образом, суверенную государственность ближневосточных политий можно назвать «гибридной»: современные по форме институты срослись с традиционными структурами, предопределив ведущую роль неформальных механизмов управления. При отсутствии гражданского политического сообщества национализм принял форму лояльности полностью или частично персонифицированной государственной власти, легитимность которой подвергается двойному испытанию: давлению «внутринациональных» ожиданий и панисламского и панарабского образцов.

Формирование государств и наций на постсоветском пространстве: непризнанные государства*

Е.Ю. Мелешкина

Последние события — военный конфликт с Грузией, признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии — в очередной раз подтвердили актуальность проблем формирования наций и государств на постсоветском пространстве. Опыт развития территориальных политий, возникших после распада СССР, показал, что при всех различиях между ними имеется ряд существенных сходств. В частности, возникают и воспроизводятся похожие угрозы стабильности и безопасности в виде территориальных конфликтов, в том числе вокруг непризнанных государств. В связи с этим уместно задать следующие вопросы: каковы общие причины возникновения непризнанных государств и особенности их внутривнутриполитического развития? Есть ли связь между основными тенденциями формирования государств и наций на постсоветском пространстве и международным статусом соответствующих политий? Если да, то в чем она заключается? Каковы перспективы признания территорий с особым государственным статусом?

1. Универсальная модель формирования государства и нации.

Для ответов на эти вопросы целесообразно обратиться к универсальным моделям формирования государств и наций. Универсальную исследовательскую логику, позволяющую анализировать интересующий нас процесс, предложили норвежский политолог с мировым именем Стейн Роккан и его коллеги. В частности, один из последователей Роккана Стефано Бартолини предлагает рассматривать формирование любой территориальной политии в терминах консолидации центра и границ, определения критериев членства, а также политического структурирования¹³³. Подобная логика позволяет описать возникновение и развитие государства и нации

* Доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ «Факторы международного признания и внутренней легитимации в формировании новых государств» проект № 09-03-00672а.

¹³³ Bartolini S. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford, Oxford University Press, 2005.

в любой стране мира как процесс, предусматривающий территориальную консолидацию, формирование институциональной структуры политики (включая нормативные основы) и социокультурные механизмы объединения сообщества.

Для объяснения государственного строительства и формирования нации Роккан и его коллеги обратились к концепции известного экономиста Альфреда Хиршмана, описывающей стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях: «лояльность» (правилам), «голос» (стремление опротестовать и изменить правила) и «выход» (невыполнение невыгодного правила). Хиршман рассматривает «выход» и «голос» как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти люди находятся¹³⁴. В его интерпретации «недостаточная государственность» (*statelessness*) — это «атрофия голоса» (*atrophy of voice*), возникающая в результате отсутствия возможностей для «выхода». То есть недостаточная государственность определяется как отсутствие институциональных каналов «голоса», которые не развиваются по причине возможности «выхода» для членов сообщества.

В качестве макросистемных двойников «голоса», «лояльности» и «выхода» Роккан и его коллеги использовали понятия «границ», «строительства системы» и «политического структурирования». Применение концепции Хиршмана позволило Роккану объяснить роль взаимодействия между центром и перифериями, между различными центрами в процессе формирования территориальных государств и наций, а также выявить модели этого явления, разнообразие которых нашло свое систематическое отражение в концептуальной карте Европы. Концептуальная карта показывала, что строительство центра формирующегося государства и его нового порядка обусловлено эффектом существующих границ и предоставляемых ими возможностей «выхода», что внутреннее институциональное строительство и консолидация сообщества связаны со стратегией строительства границ и возможностями «выхода», создаваемыми успешностью этой стратегии и международным порядком. Различные варианты «выхода» были характерны для разных периодов формирования государства. Например, для ранних этапов была характерна сецессия: многие территориальные государства на стадии формирования были подвержены угрозе распада¹³⁵.

Соотношение «выхода» или «голоса» связано с формированием границ государства. Границы определяют конфигурацию акторов и публичных ресурсов (то есть обязательных для потребления), «закрытых» на определенной территории. В ситуации «закрытости» возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов на укрывательство ресурсов, которыми они временно обладают, или реализацию «голоса». Контроль над «выходом» и «входом» посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Обычно с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетен-

¹³⁴ Hirschman A.O. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge, Harvard University Press, 1970.

¹³⁵ Finer S. *State-building, State Boundaries and Border Control: An Essay on Certain Aspects of the First Phase of State-building in Western Europe Considered in the Light of the Rokkan-Hirschman Model*. *Social Science Information*, 1974, vol. 13, p. 79–126.

ция, достигаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагает строительство границ и контроль над «выходом». Контроль над границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерирует процесс возрастания политического производства, механизмы легитимации центральной иерархии и структурирования политики, способствует более эффективному выполнению специализированных функций политической иерархии¹³⁶. Чем выше контроль над границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции и наоборот.

Представители роккановской традиции выявили зависимость внутренне-го структурирования политики и соответственно формирования нации от специфики консолидации центра и границ различного характера (политических, экономических, социальных и культурных), проанализировав не только территориальный, но и социокультурный (членский) аспекты этого процесса¹³⁷. Последнее обстоятельство предполагало, что принадлежность акторов к политическому сообществу и возможность «выхода» за его пределы определяется не только контролем центра за территориальными, но и социокультурными границами, формируемыми социокультурными нормами и правилами членства. Это означало, что «выход» может быть различным: территориальный (сецессия и проч.) и функциональный или членский (эмиграция, отказ от уплаты налогов, службы в армии и проч.)¹³⁸. Так, по мнению Даниэля Карамани, «функциональный «выход» (эмиграция) замещает территориальный «выход» (сецессию), когда контроль над территорией и границами, как и степень национальной интеграции возрастают до такой степени, что географический сепаратизм становится невысказанным»¹³⁹.

Степень контроля над границами во многом определяет и возможности развития не только национального государства, но и демократических институтов, являющихся результатом исторического компромисса политических акторов и баланса их контроля над ресурсами. Бартолини выделяет две идеалтипические ситуации, показывающие возможные последствия полного совпадения и «закрытия» границ или отсутствия такового. Полное «закрытие» границ влечет за собой усиление контроля центра над различными перифериями и акторами. Такая ситуация требует значительной концентрации ресурсов, неизбежно влечет за собой создание неравных условий для политических субъектов и благоприятствует доминированию одного из них. Заметное несовпадение и неопределенность границ усиливают возможности «выхода», снижает стимулы к структурированию каналов «голоса», ограничивает сферу политического производства центра и делает государство зависимым от отдельных групп интересов (например, крупных экономических игроков — выгодных налогоплательщиков)¹⁴⁰.

¹³⁶ Bartolini S. Restructuring Europe... p. 29.

¹³⁷ См., например: Rokkan S. The Center-periphery Polarity. Center Periphery Structures in Europe: an ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt a. M., Campus, 1987.

¹³⁸ Finer S. State-building, State Boundaries and Border Control... p. 82.

¹³⁹ Caramani D. The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe. Cambridge, N.Y., Cambridge University Press, 2004, p. 25.

¹⁴⁰ См.: Bartolini S. Restructuring Europe...

Представители роккановского подхода также убедительно показали наличие тесной связи между процессом консолидации границ, внешним международным признанием государства и внутривнутриполитическим развитием¹⁴¹. Международное признание способствует укреплению государственного суверенитета, консолидации центра и границ политики, в частности путем накладывания общей правовой, политической и тому подобной рамки. Это в свою очередь способствует политической и правовой стандартизации и политическому структурированию внутри страны. Соответственно непризнанные государства оказываются в определенной степени вне системы международного сообщества, вне влияния требований общей рамки. Тем самым создаются неблагоприятные условия для консолидации центра, границ и политического структурирования на территориях этих политий.

2. Непризнанные государства постсоветского пространства: общее и особенное

Обращение к этой универсальной исследовательской логике позволяет сделать ряд выводов, важных для понимания процесса формирования государства и нации в странах постсоветского пространства.

Один из выводов заключается в том, что при всех отличиях между постсоветскими странами между ними обнаруживается важная общая особенность. Эти политии переживают так называемый «имперский транзит»¹⁴². Их объединяет общее имперское наследие, обостряющее обозначенные выше проблемы формирования институциональных основ государства, консолидации границ и политического структурирования. Во многом эти проблемы были связаны со спецификой организации власти и проводимой в СССР политики.

Советский Союз состоял из «государств-сегментов»¹⁴³, многие из которых были сформированы в рамках современных границ лишь в советский период. Наиболее показательный пример в этом отношении — создание советских республик Средней Азии, границы которых были нарезаны произвольно, однако в отличие от административно-территориального деления африканского континента все-таки с учетом распространения языков, экономической жизнеспособности регионов, клановой принадлежности и т.п.¹⁴⁴

В Советском Союзе реализовывалась практика наложения общей рамки на советские территории (правовой, режимной, частично культурной, например, через унификацию в сфере образования и т.п.), предпринимались попытки формирования единой гражданской нации («новой исторической социальной и интернациональной общности советский народ»). Однако данная политика осуществлялась не-

¹⁴¹ Ibid.

¹⁴² Mette S. From Empire to Anarchy: Post-communist Foreign Policy and International Relations. L., Hurst, 1996, p. 18, 21.

¹⁴³ Термин, предложенный Ф. Редером; см.: Roeder P.G. Where Nation-states Come from: Institutional Change in the Age of Nationalism. Princeton, Princeton University Press, 2007

¹⁴⁴ См.: Slezkine Y. The USSR as Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. — "Slavic Review", 1994, No. 53, p. 414–452; Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., Европа, 2007; и др.

последовательно. В основе административно-территориальной организации лежал принцип деления на национально-государственные образования. Во многих из них осуществлялась политика «коренизации», предполагавшая формирование советской этнической интеллигенции и вовлечение ее в процесс политического руководства соответствующими территориями. Развивался институт «титульности», что создавало предпосылки для статусного неравенства различных этнических групп в «государствах-сегментах». В этой связи нельзя не согласиться с Артуром Цуциевым в том, что «советское государство стремилось создать приемлемую для себя национальную бюрократию/интеллигенцию и опереться на них в контроле и поглощении национальной периферии. Однако этот контроль имеет своей обратной стороной усиление политического влияния представителей титульных этнических групп и усиление самого института титульности — системы неформального обеспечения коллективных прав одних групп над (так у автора. — *Е.М.*) подобными правами других»¹⁴⁵. По мнению Сергея Маркедонова, «фактически ... советское государство институционализировало этнические группы в качестве главного субъекта политики и государственного права... На практике это означало формирование представлений об этнической собственности того или иного этноса на территорию, обозначенную как «национальная республика». Отсюда и нелегитимность этих образований, поскольку представители других, «нетитульных», этносов не могли рассматривать этническую территорию «титульной» группы как свое государство»¹⁴⁶.

В СССР осуществлялись широкомасштабные территориально-административные эксперименты, переселение этнических групп, репрессии и искусственное перемещение представителей титульных групп на периферию. Примером одного из территориальных экспериментов является история образования Автономной области Нагорного Карабаха (АОНК) и ее территориального подчинения. Как справедливо отмечает Цуциев, «решение Кавбюро ВКП(б) по Нагорному Карабаху реализует «национальный принцип» (предусматривая образование автономии карабахских армян) и одновременно игнорирует его (оставляя территорию в составе Азербайджана). Это решение уже не столько большевистский реверанс в сторону кемалистской Турции, сколько внутренний компромисс»¹⁴⁷.

Результатом подобной политики явилось наличие ряда общих «родовых» черт стран постсоветского пространства. Несовпадение административно-политических, экономических, этно-лингвистических, культурных и прочих границ послужило причиной возникновения «переходных» территорий (наиболее очевидные примеры — Абхазия, Южная Осетия, Крым, Приднестровье, НКО). Их относительно бесконфликтное существование в рамках территориального деления СССР было возможным благодаря общей накладываемой рамке. С распадом Советского Союза, повлекшим за собой ослабление границ различного рода, потенциальные возможности «выхода» стали реальными. В результате «переход-

¹⁴⁵ Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., Европа, 2006.

¹⁴⁶ Маркедонов С. De facto государства постсоветского пространства. — Научные тетради института Восточной Европы, вып. 1. Непризнанные государства. М., 2006, с. 18.

¹⁴⁷ Там же, с. 66.

ные» зоны превратились в очаги ожесточенных территориальных споров и даже в ряде случаев военных столкновений. На этих территориях стали возникать альтернативные политические проекты, в особенности в «иерархических» титульных территориях, когда в состав республик входили автономные образования другой этнической группы. Большое количество подобных проектов появилось, например, на Кавказе. Помимо конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии к ним можно отнести «Шапсугский вопрос» (состоящий в стремлении адыгских политических групп восстановить существовавший в 1924–1945 гг. Шапсугский национальный район или даже образовать республику на территории Краснодарского края), статусные претензии и проекты территориального самоопределения в Карачаево-Черкессии, проекты по преобразованию Кабардино-Балкарии (в частности, формированию Карачаево-Балкарской и Адыгской республик), вооруженный конфликт между Ингушской автономией и Северной Осетией за территории Пригородного и Моздокского районов, «этническую революцию» и последующие события в Чечне и т.д. В восточно-европейской части территории бывшего СССР к подобным случаям помимо конфликтов вокруг Крыма, Приднестровья и Гагаузии можно отнести референдумы в Закарпатье и Донбассе в 1991 г. и 1994 г. соответственно, референдум в Нарве в 1993 г. и ряд других событий и инициатив. Не все эти проекты носили сепаратистский характер и привели к появлению непризнанных государств.

Нерешенность проблемы формирования общей гражданской нации в СССР, несовпадение границ, слабый опыт самостоятельной государственности у большинства советских республик привели к тому, что в результате распада Советского Союза среди жителей новых территориальных политий выявились существенные разногласия по «устанавливающим» вопросам (по поводу природы государства, критериев членства в сообществе и т.д.). Обострились межэтнические и межрегиональные противоречия, получила распространение политика гомогенизации мультикультурного и мультиэтнического сообщества, названная «национализаторской» (Хуан Линц и Альфред Штепан¹⁴⁸) или «патологической» (Хезер Рэй¹⁴⁹), а проводящее подобную политику государство — «национализирующим» (Роджер Брубек

¹⁴⁸ Данная политика характеризуется исследователями следующим образом:

- ограничения негосударственного языка в гражданском обществе, образовании и СМИ;
- эксклюзивное законодательство о гражданстве, приводящее к преобладанию титульной нации в выборных органах власти;
- фактическое ограничение доступа к государственной службе национальных меньшинств в связи с распространением одного официального языка;
- особые права государствообразующего этноса в перераспределении земли и иной собственности;
- законодательно закрепленное привилегированное положение всех обычаев, практик и институтов «нации-государства» (См.: Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and Post-communist Europe*. Baltimore, L., The John Hopkins University Press, 1996, p. 35).

Для обозначения различий между двумя стратегиями (доминирования или консенсуса) при формировании нации и государства А.Степан предлагает использовать различные термины: «нация-государство» и «государство-нация». См.: Stepan A. *Comparative Theory and Political Practice: Do We Need a "State-nation" Model as Well as a "Nation-state" Model? — "Government and opposition"*, L., 2008, vol. 43, No.1, p. 1–25.

¹⁴⁹ Rae H. *State Identities and the Homogenization of People*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002.

кер¹⁵⁰). Несовпадение и неопределенность границ привели к ослаблению позиции центров независимых республик, к снижению стимулов к политическому структурированию и к возникновению феномена «приватизации» государств различными экономическими и политическими силами.

Все эти проблемы в наибольшей степени затронули «переходные» зоны. «Транзитный» характер этих территорий, большинство из которых характеризовалось наличием усиленных коммуникационных потоков, размытостью экономических, культурных границ, неоднозначным режимом гражданства¹⁵¹, послужили препятствием на пути консолидации государства и нации.

Вооруженные конфликты первой половины 1990-х годов, как и недавний военный конфликт с Грузией вокруг Южной Осетии, снизили неоднородность этнического состава некоторых непризнанных государств¹⁵², но не сняли проблему консолидации границ. Высокая степень проницаемости и несовпадение границ различного рода способствовали «приватизации» государства экономическими игроками, военными, занимавшими ключевые позиции в системе власти после вооруженных конфликтов, и силовыми структурами. Подобные тенденции наблюдались и в других странах постсоветского пространства, но в непризнанных республиках они проявились, пожалуй, наиболее отчетливо¹⁵³. Такая ситуация привела к снижению стимулов для развития единого правового пространства, эффективных государственных органов власти, современных институтов представительства.

Вместе с тем, данные тенденции проявляются в непризнанных государствах по-разному. В частности НКР, столкнувшись с теми же вызовами, что и Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия отвечает на них с большим успехом. Причины этого, как

¹⁵⁰ Р. Брубекер указывает на отличия «национализирующих» государств от гражданских, где этничность не является фактором государственной политики, а государство и гражданство определяется в терминах либеральной демократии и гражданских прав. «Национализирующему» государству, по его мнению, присущи три особенности:

- оно является преимущественно «этнически гетерогенным, воспринимаемым как нация-государство, чья доминирующая элита продвигает язык, культуру, демографические, экономические и политические позиции номинально государство образующей нации»;
- организованные и обладающие самосознанием национальные меньшинства выступают за автономию и сопротивляются ассимиляции;
- внешние «родины» национальных меньшинств стремятся защитить их от ассимиляции, руководствуясь желанием распространить формальный статус нации поверх политических границ (см.: Brubaker R. National Minorities, Nationalizing States, and External Homelands in the New Europe. — "Daedalus", 1995, No. 124 (2), p. 107–132.

¹⁵¹ Например, по словам представителя Южной Осетии в РФ Д. Медоева, 95% жителей республики являлись весной 2008 г. российскими гражданами. Согласно переписи 2004 г., 19,4% жителей Приднестровья были гражданами Молдавии, 10,1% имели российское гражданство, а 8% — украинское.

¹⁵² По переписи 1989 г. армяне в НКО составляли 77%, азербайджанцы — 21%, по оценкам в 2002 г. — 99% и 1%; в Южной Осетии в 1989 г. осетины составляли 66%, грузины — 29%, в 2002 г. — 64% и 35%; в Абхазии в 1989 г. абхазы составляли 18%, грузины — 46%, в 2002 г. абхазы — 45%, армяне — 35%. См.: Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа, с. 113.

¹⁵³ О подобных явлениях см., например: Мацузато К. Патронное президентство и политика в сфере идентичности в непризнанной Абхазии. — «Вестник Евразии», №4 (34), М., 2006; King Ch. Eurasia's Nonstate States. — "East European Constitutional Review", 2001, vol. 10, No. 4; Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. Wash., 2004.

представляется, во многом заключаются в геополитическом положении Карабаха. Крайняя ограниченность коммуникационных потоков и ресурсов, высокая степень этнической и конфессиональной гомогенизации населения способствуют процессу консолидации границ и созданию благоприятных предпосылок для институционального строительства и внутреннего политического структурирования. Результатом этого являются медленные, но при этом успешные шаги республики по развитию государственных институтов, обеспечению единых стандартов права и демократизации.

Сравнение внутривнутриполитического развития Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии и Нагорного Карабаха подтверждает вывод о том, что статус непризнанных/частично признанных государств (отсутствие международных гарантий суверенитета, границ и нормативной рамки как обязательного руководства к действию) осложняет формирование государства и нации, процессы демократизации, формируя благоприятные условия для продления состояния «приватизации» государства. Вместе с тем, эффект этого статуса является далеко не столь однозначным. Как показывает опыт НКР, «виртуальная» внешняя рамка может выступать своеобразным ориентиром с учетом задач признания.

Существенную роль в политическом развитии «переходных» территорий играют внешние политические центры. Их конкуренция и экспансия приводят к размыванию границ непризнанных республик, создают предпосылки для «приватизации» государства и одновременно до определенной степени обеспечивают гарантии их существования.

Непризнанность республик, консервация status-quo объективно выгодны государствам, в состав которых формально входят эти территории. Одна из причин этого — возможность создавать благодаря их наличию консолидирующей нацию образ врага. Помимо этого, реинтеграция несет в себе опасность обострения внутренних проблем, связанных с усложнением межнациональных отношений, конкуренцией на политическом уровне и т.п. Вместе с тем, как показали недавние события в Южной Осетии, далеко не все руководители государств, формально имеющих в своем составе непризнанные республики, осознают эту объективную выгоду, надеясь, вероятно, на эффект силы и внешнюю помощь в решении возможных проблем.

В нарушении status-quo объективно не заинтересовано и международное сообщество, поскольку любое решение проблемы непризнанных государств несет в себе угрозу обострения международной напряженности и ставит под вопрос универсальность международных норм и правил. Так, Цуциев пишет: «Оглядываясь на три эпохи в эволюции принципа/права наций на самоопределение, можно заметить, что окна внешнего самоопределения открывались только тогда, когда возникла необходимость юридически освоить масштабные сдвиги в реальной политической карте мира, упорядочить политическую архитектуру всего мира. Отсюда право наций на самоопределение неизбежно выступает в своей „рестриктивной версии“, когда в нормализованном, принявшем форму устойчивой парадигмы международном праве целостность государств всегда получает приоритет над правом на самоопределение. Очевидно, что непризнанные государства — это сохранившиеся осколки „времени перемен“ в пределах эпохи стабилизации... Миротворческие ин-

тервенции и международно-правовые усилия вынуждены поддерживать сам феномен стабильно существующих непризнанных государств как альтернативу войне»¹⁵⁴.

Каковы же перспективы формирования наций и государств в непризнанных республиках? Как показали события в Южной Осетии, перспективы признания или реинтеграции во многом зависят от позиции крупных игроков на международной арене. В том случае, если они не осуществляют вмешательство, ситуация оказывается замороженной.

Ситуация, складывающаяся внутри и вокруг непризнанных государств постсоветского пространства, обуславливает наличие двух относительно успешных, но небеспроблемных вариантов развития. Существует теоретическая возможность снятия проблем, связанных с признанием, консолидацией государства и нации в рамках интеграционных образований типа ЕС, уменьшающих значимость национальных государственных границ и национальных структур. Однако на постсоветском пространстве развитые интеграционные структуры на сегодняшний день отсутствуют и их появление в ближайшем будущем вряд ли возможно.

Еще одна возможность — частичное признание или получение неполного государственного статуса (в виде кондоминиумов, протекторатов и проч.). Подобный вариант позволил бы смягчить некоторые проблемы формирования государств и наций в непризнанных республиках за счет смягчения противостояния внешним центрам и освобождения от значительной части внешних функций. Вместе с тем, выбор наименее болезненных вариантов развития территорий с проблемным государственным статусом, их отношений с соседями во многом зависит от прозорливости и мудрости основных заинтересованных международных акторов. Как в очередной раз продемонстрировали события в Южной Осетии, эти ожидания оправдываются далеко не всегда.

Экстерриториальность исламской идентичности и национальное государство

Е.В. Пинюгина

Основные характеристики исламской идентичности, в том числе ее экстерриториальность, не являются открытием для религиоведов, культурологов, историков или социологов. Специалистам — международникам очевидно, что этот феномен следует учитывать лидерам немусульманских государств для формирования эффективного внешнеполитического курса при наличии у них интересов в исламском мире¹⁵⁵. Спецслужбам разных стран также приходится принимать во внимание экстерриториальность *уммы* как одну из идеологических основ исламистского международного терроризма, акторы которого, независимо от несогласия с их самоидентификацией и трактовкой Корана многих религиозных деятелей ислама, действуют от имени и во имя все той же *уммы*¹⁵⁶. Но если до последнего времени политики немусульманских государств воспринимали нюансы исламской идентичности как явление внешнего порядка, подлежащее академическому изучению или использованию в качестве политического инструмента за пределами их границ, то теперь они вынуждены адаптироваться к существованию части населения (граждан и неграждан) с такой неоднозначной идентичностью на своей территории. Восприятие этой частью населения условий своего существования и понимание своих целей изменились весьма существенно. Еще несколько лет назад в адрес лидеров немусульманских стран со стороны мусульманских диаспор раздавались только обвинения в политике двойных стандартов, под которой подразумевалось толерантное отношение к мусульманам на своей территории в сочетании с произраильской политикой на Ближнем Востоке и поддержкой интервенций США. В наши дни стали нормой обвинения политиков европейских стран в дискриминации, а жителей-немусульман и

¹⁵⁵ См.: Олбрайт М. Религия и мировая политика. М., Альпина Бизнес Букс, 2007.

¹⁵⁶ Игнатенко А. Ислам и политика, 2004. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/download/key-2453/files4/46b2e19f194cb2.06468511/04%20ISLAM%20I%20politika.pdf>, с. 216–222.

масс-медиа — в исламофобии. Под эгидой борьбы с дискриминацией и исламофобией диаспоры стремятся обеспечить себе особый политико-правовой статус.

По-разному можно относиться к поводам, в связи с которыми в последние годы конфликтогенный потенциал ислама проявлял себя в Европе (допустимость ношения головного платка в светских учебных заведениях и на государственной службе, богословские опусы Папы Римского о способности мусульман к диалогу или публикация оскорбительных для верующих карикатур etc.). Для национальных государств скорее имеет значение тот факт, что намечается раскол гражданской нации на две конфликтующие группы — немусульманское большинство и мусульманское меньшинство. Упростить ситуацию до конфликта между коренным населением и «чужаками» не представляется возможным — ведь, например, славяне из Восточной Европы или китайцы, составляя в ряде западных стран немалую долю иммигрантов, не артикулируют свои проблемы в контексте религиозной идентичности, несмотря на существенные культурные различия.

В этом контексте немусульманские страны можно разделить на имеющие автохтонное мусульманское население и принимающие. Очевидно, что страны с автохтонным мусульманским населением, хотя и сталкиваются с конфликтогенными аспектами исламской идентичности, имеют более или менее успешный опыт сосуществования с ее носителями. Политикам принимающих стран гораздо труднее адаптироваться к сформировавшимся на их территории диаспорам как новой реальности. Еще труднее признать, что от них требуется не благодушное философствование на тему, почему они не хотят быть такими, как мы, а поиски практических решений: как достичь мирного сосуществования коренного населения и мусульманских общин с учетом их сопротивления ассимиляции и аккультурации. В странах с автохтонными сообществами хотя бы есть определенные сценарии решения проблемы, например, с помощью предоставления автономии, либо в худшем варианте локализации конфликта со сторонниками сепаратизма (вынесем за скобки рассуждения о приемлемости такого сценария или его гуманности). Но реализация проекта автономии (пусть по национальному признаку, как это происходит с регионами со значительным мусульманским населением в России) или даже полного отделения региона с мусульманским населением (как в Косово) возможна лишь при наличии сложившегося исторически или в силу иных обстоятельств территориально ограниченного ареала проживания меньшинства. В большинстве же принимающих стран мусульмане дисперсно рассеяны по крупным городам, пусть и в форме компактно заселенных районов, и претендовать на территориальную автономию в составе национального государства в каждом отдельном случае не могут. Тем не менее, они активно ратуют за право на идентичность, даже если способы ее выражения противоречат законам страны, гражданами которой многие из них успели стать.

Принципы гражданского сообщества, членами которого все иммигранты, как предполагалось, автоматически рано или поздно станут, оказались несопоставимы по значению с религиозно-культурными ценностями вплоть до отрицания мусульманами иных ценностей во имя религиозного единства. Возможно, членство в новом сообществе потребовало слишком больших усилий от мусульман.

С другой стороны, характер артикуляции религиозных верований зависит от субъективного восприятия их как лично значимых. «Политически активная»

религиозность может быть оптимальным способом выражения коллективного недовольства социально-экономическими условиями: ислам в этом случае выступает как средство общественно-политической коммуникации. Но независимо от мотивов, влекущих за собой призывы обратить внимание на особые нужды и права мусульман в немусульманских странах, удовлетворение этих нужд теперь требует изменений в политической сфере принимающих стран.

Для современных европейских стран национальное государство как политический институт демократии, равно как и либеральные ценности, — политическая реальность. Рассмотрим линии пересечения исламской экстерриториальной идентичности со структурными составляющими концепта национального государства — нацией и государством.

Нация, согласно концепции Б. Андерсона¹⁵⁷ — это «воображаемое сообщество», и всемирная *умма* в этом контексте сопоставима с нацией. И тут уже неважно, как представляют себе нацию в разных западных традициях — как политическое сообщество, то есть гражданскую нацию (с конституционным патриотизмом Франции или приверженностью национальным символам, таким как королевский дом в Великобритании), или как этническую, лингвистическую и культурную общность (культурная общность понимается как «система идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения, <...> взаимное признание принадлежности друг друга к этой нации, а отсюда — и определенных общих прав и обязанностей по отношению друг к другу в силу объединяющего их членства»¹⁵⁸). Важно, что принадлежность к такому воображаемому сообществу, как нация обязывает к преданности и лояльности в первую очередь именно этому сообществу, единству высшего порядка, и имплицитно ослабляет другие конкурирующие идентичности.

Отсюда возникает противоречие в понимании национальных интересов: для автохтонных граждан страны оно одно, для граждан-членов *уммы* — иное. Следующий проблемный пункт — отсутствие у мусульман общей с коренным населением истории (им гораздо ближе жизнеописание потомков Пророка, чем хроника войны Алой и Белой Роз) или же невозможность единой трактовки событий этой истории (действительно, потомкам двух сражавшихся сторон трудно оценивать крестовые походы одинаково даже при наличии общего гражданства), расхождения в культурных ценностях, невозможность абсолютной лояльности мусульманина немусульманскому государству.

Уместно вспомнить и то, что политическим долгом гражданина в случае мобилизации считается готовность отдать жизнь во имя родины, нации. В таком контексте возможность мобилизации мусульман на конфликт с мусульманами весьма сомнительна. Красноречивое доказательство этому — провал кампании по рекрутированию мусульман Великобритании в армию в период вторжения в Ирак. В трудах мусульманских правоведов отсутствуют теоретические обоснования лояльности своему немусульманскому правителю, имеющему военный конфликт с мусуль-

¹⁵⁷ Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., Канон-Пресс-Ц, 2001.

¹⁵⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М., Прогресс, 1991.

манами. И в России парламент Татарстана принял в свое время закон, запрещающий новобранцам республики служить в Чечне.

Исходя из экстерриториальности исламской идентичности, мусульманские лидеры нарушают как внутренний, так и внешний суверенитет государства. Как еще можно расценивать одностороннее признание легитимности решений зарубежных муфтиев относительно лиц, пребывающих на территории других государств, и даже обладающих их гражданством — например, когда всем мусульманам вменяется в обязанность убить человека, названного вероотступником или врагом ислама, не задумываясь о нормах международного права, законах страны пребывания и правах человека¹⁵⁹.

Вызов государству как национальному политическому институту, имеющему монополию на легитимное осуществление законодательной, исполнительной и судебной власти в своих границах, представляют также действующие на его территории вненациональные или транснациональные мусульманские институты¹⁶⁰ — например, свои суждения и постановления относительно жизни мусульман в странах Запада публикуют и ректор Исламского университета Аль-Азхар, и организация улемов «Европейский совет по фетвам и исследованиям», возглавляемая мусульманскими учеными из арабских стран.

Что касается судебной власти, в европейских странах пока в основном полулегально (а в Великобритании уже легально)¹⁶¹ функционируют шариатские суды. Они, по сути, являются эрзацем судебной системы и функционируют в том числе экстерриториально: например Верховный шариатский суд Великобритании вынес вердикт по искам друг к другу мусульман Нидерландов.

Итак, структурные противоречия в политической сфере между *уммой* и *nation-state* налицо. Как было сказано выше, политической реальностью европейского национального государства является демократическая форма правления и приверженность либеральным ценностям. Это подразумевает не только уважение прав меньшинств при правлении большинства, но и развитие гражданского общества, которое согласно общепринятой трактовке обеспечивает институциональный плюрализм, в том числе за счет функционирования самоорганизующихся групп, которые «способны планировать и осуществлять коллективные акции по защите, достижению своих интересов и устремлений, но не стремятся при этом подменить собой государственные структуры, и согласны действовать в рамках сложившихся «гражданских» или правовых норм»¹⁶². Демократичность европейского национального

¹⁵⁹ Одним из первых прецедентов такого рода следует считать смертный приговор, вынесенный имамом Хомейни писателю С. Рушди, получившему в Великобритании политическое убежище. См.: Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма. М., Ладомир, 2004, с. 193.

¹⁶⁰ Естественно, речь идет об институтах, нелегально возникших по инициативе мусульманского меньшинства без одобрения остального населения, тогда как легитимность существующих в европейских государствах параллельно с национальными общеевропейских политических институтов была обеспечена референдумами. — Прим. авт.

¹⁶¹ Закон шариата официально одобрен в британской системе судопроизводства. 2008. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-21706.html>

¹⁶² Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии. — «Полис», 1996, №5, с. 16.

государства, в том числе, выражалась в доступности получения гражданства как мандата на вхождение в рамки гражданского общества, где группы эффективно достигают поставленных целей. Однако выяснилось, что иммигранты из мусульманских стран, во-первых, ограниченно признают институт гражданства (тракуемый в юридической науке как устойчивая политико-правовая связь между личностью и государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей), во-вторых, демонстрируют стремление «подменить собой» государственные институты в правовой сфере. То есть доступ в гражданское общество они принимают, как возможность создавать именно альтернативные институты.

О самом институте гражданства следует сказать, что в правовых государствах по умолчанию подразумевается, что эта связь в публичной сфере — первая по значению. Членство в профсоюзе или католическом приходе априори не равнозначно обязанностям гражданина. Отсюда примат политического долга перед государством (защита границ, участие в военных действиях в интересах государства, уплата налогов). А мусульмане воспринимают гражданство лишь как одностороннюю связь, средство легализации своего статуса и получения социально-экономических льгот и гарантий, без принятия на себя обязательств разделять закрепленные в конституции положения и ценности. Некоторые из них могут демонстративно не исполнять некоторые законы, обосновывая это конституционно гарантированными свободами (например, политическую подоплеку обрела борьба за право на ношение хиджаба в государственных или образовательных учреждениях). Фактически это требование общественной толерантности к собственной нетолерантности, что противоречит принципам либерализма. Поэтому в ряде европейских стран наметилась тенденция к ужесточению иммиграционного режима и правил получения гражданства, включающих теперь тесты на лояльность демократическим ценностям. Также планируется создать на основе государственного финансирования систему образования для подготовки имамов, родившихся в странах проживания и способных сглаживать, а не обострять противоречия между исламской идентичностью и условиями жизни мусульман в государствах Европы.

Поэтому, какие бы стратегии интеграции мусульман в нацию ни строили политики и политологи европейских стран (например, на основе позитивной дискриминации и приспособления существующих политических институтов под их запросы [Великобритания] или усложнения правил включения в сообщество через официальное признание согласия с ценностями «ведущей культуры» и верховенством конституции [ФРГ]), нельзя отрицать, что от каждого мусульманина в любом случае требуются встречные усилия по интеграции. И если оправданность этих ежедневных усилий без гарантии результата в виде социальной успешности сомнительна, никакая стратегия не выдержит в глазах мусульман сравнения с соблазном априорной и не составляющей труда самоидентификации с экстерриториальной общиной, выступающей за адаптацию чужой политико-правовой реальности к своим запросам.

Однако ведущаяся сейчас мусульманами борьба за инкорпорирование норм шариата в законодательство или признание этих норм легально действующими для мусульман влечет за собой массу потенциальных опасностей даже при рассмотрении тяжб исключительно между мусульманами. Проблемы создаются не толь-

ко для демократических политических институтов, но и для каждого мусульманина. В религиозной парадигме нет половинчатых решений — избирательность применения лично к себе той или иной части системы права не гарантируется. Исходя из каких норм пострадавший от руки единоверцев захочет расценивать насилие в семье? Общегражданских, гарантирующих наказание обидчика, или норм шариата, оправдывающих применения насилия? Как расценивать непризнание мусульманами права единоверцев сменить религию? Как государству квалифицировать просьбу о защите со стороны лица, обреченного на телесное наказание или смерть приговором шариатского суда? В качестве реализации права на защиту со стороны гражданина или как неправомерное обращение лица, подлежащего суду шариата? Фактически любой мусульманин становится источником и заложником правовых коллизий.

Не менее сложен и вопрос о механизме приведения решений шариатского суда в исполнение: будут ли для этого использоваться чиновники и силовые органы светского государства или будет создан специальный институт? И в том и в другом случае речь идет о серьезных, фундаментальных изменениях в политико-правовой сфере.

Изменение механизма управления для части населения, не проживающей в ограниченном ареале, может обернуться катастрофой и для государства, и для общества. Тут необходимо предвидеть и возрастание финансового бремени, парадоксальным образом связанного со стремлением демократического государства уважать права меньшинств, стремящихся его ослабить. Сможет ли эффективно функционировать государство, чиновники, судьи и законодатели которого должны постоянно соотносить общеобязательные установки с субъективными ценностями мусульман? Не слишком ли большой тяжестью для бюджета станут расходы на содержание армии школьных преподавателей ислама, экспертов по исламу, на образование и воспитание толерантных имамов и избирательное выдворение нетолерантных?

Нелегко придется и рядовому мусульманину: ему придется вести двойную жизнь, руководствуясь одними принципами и законами в контакте с немусульманами и государственными институтами, а другими — во взаимодействии с мусульманами и общинными институтами. С другой стороны, и немусульмане начнут стонать от взаимодействия с мусульманами, так как последствия этих взаимодействий могут трактоваться по-разному. Результат — кризис легитимности государственных институтов для мусульман и нелегитимность исламских институтов для немусульман.

Понятно и стремление коренного населения избегать непривычных форм сосуществования. Большую проблему представляют собой разные культуры конфликта и пределы допустимости насилия (например, случай с убийством критиковавшего ислам кинорежиссера Т. Ван Гога). Государство не всегда способно гарантировать свободу слова на своей территории. Мусульмане в свою очередь боятся, что секуляризованное государство не сможет защитить их религиозные ценности и допустит богохульство. В ситуации настороженности и недоверия разумным начинает казаться самоограничение свободы слова, столь привычной для немусульман, во избежание массовых беспорядков или убийств. Разумным начинает казаться огра-

ничество права на тайну частной жизни в силу необходимости выявлять потенциальные угрозы, идущие из мусульманской среды, для мирных граждан, общества и государства.

В заключение хотелось бы отметить, что ситуация с мусульманскими сообществами в Европе является беспрецедентной в истории исламского мира. Иммиграция мусульман в Европу в качестве рабочей силы и пребывание в статусе управляемого меньшинства настолько же болезненны для мусульман, насколько для европейцев — признание того факта, что их нация больше не будет прежней (имя Мухаммад, например, становится одним из самых распространенных среди новорожденных на территории европейских стран¹⁶³). Многолетнее положение управляемого меньшинства теоретически в исламе нежелательно, и никто из мусульманских богословов до последнего десятилетия XX века не пытался создать какую-либо регламентацию долговременного пребывания мусульман в таком положении. Чем острее этнические мусульмане за рубежом осознают свою исламскую идентичность, тем сложнее для них найти ответ на вопрос, какие политические цели преследовать в этом статусе. Обычно мусульманские меньшинства образовывались в результате завоевания ими немусульманских земель и были господствующими. А когда расстановка сил менялась в пользу немусульман, мусульмане разделялись на часть, которая оставалась жить в правах меньшинства, и ту, которая мигрировала: из Испании после отвоевания христианами Гранады — в Северную Африку, из России с Кавказа — в Турцию, из Индии в 20-е гг. XX века — в Афганистан, а после 1947 г. — в Пакистан. Но уезжать из Европы в свои экономически неблагоприятные страны с порой куда менее толерантными к проявлениям исламской идентичности режимами не хочет практически никто.

Мусульманские исследователи, анализируя взгляды ранних исламских правоведов и богословов на вопрос, где должны жить мусульмане, обнаруживают: с VII до XX века большая часть из них склонялась к тому, что они должны жить только среди мусульман и что даже торговые миссии в страны неверных нежелательны (приемлемый повод — визит с целью выкупа рабов-мусульман)¹⁶⁴. Но с точки зрения некоторых мыслителей XX века, переселение может быть оправдано, если в стране неверных можно исповедовать свою веру свободнее, чем в мусульманской стране (Европа идеально подходила под такое определение). Однако тут есть два дополнительных строгих предписания: мусульманин должен иметь возможность не просто свободно исповедовать свою веру, но и проповедовать ее, а также жить строго по шариату. Мусульманские радикалы стали экстраполировать обязанность проповеди на политическую сферу в том смысле, что мусульманские меньшинства должны стремиться сделать государство своего пребывания исламским, а если не получается — уехать

¹⁶³ См.: Мухаммед — самое популярное имя для новорожденных в Милане», 2008. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-20255.html>; Брюссель через 20 лет станет городом мусульман, 2008. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-18944.html>; Главный английский раввин предупреждает об угрозе распада Великобритании. 2007. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-17321.html>; К следующему году более половины берлинцев в возрасте до 20 лет будут мусульмане, 2006. Режим доступа: <http://www.i-r-p.ru/page/stream-event/index-5508.html>

¹⁶⁴ См.: Халиди О. Теоретические и практические аспекты жизни мусульман в США. Режим доступа: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/muslims_in_america/1131005267.html

обратно. Их принцип — «*джихад* или *хиджра*»¹⁶⁵, причем *джихад* означает не обязательно военные действия или террор, но обязательно — активную проповедь и участие в политическом процессе с целью как максимум преобразовать государства в исламское, а как минимум — получить судебную автономию для своего сообщества. Кстати, последнее было реализовано в Российской империи и некоторое время существовало при советской власти¹⁶⁶. Дезориентирующие коренное население постоянные призывы предоставить мусульманам судебную автономию в тех или иных не пересекающихся с обязанностями гражданина областях (например, семейные дела), тем не менее, являются антиконституционными. Шариат наделяет разными правами свободного человека и раба, мусульманина и немусульманина, мужчину и женщину. И исламская идентичность (в данном случае неважно, экстерриториальная или нет) в том числе подразумевает правовое неравенство. Основой же демократии как системы ценностей является равенство всех перед законом, верховенство закона и конституционализм несовместимы с верховенством исламского права. Невозможно рационально признать равнодействующими правовой закон и нормы, заведомо разделяющую людей на неравные категории, хотя бы и в качестве дополнения. Неслучайно канцлер ФРГ А. Меркель в ряде выступлений последовательно озвучивает позицию по этому вопросу: в Германии один закон для всех, и с этим законом необходимо считаться, невзирая на нюансы идентичности¹⁶⁷.

Экстерриториальность исламской идентичности создает значительные политические риски. Следует предположить, что, если национальное государство, имея в своем составе мусульманские общины, не ставит своей задачей социальный инжиниринг нации (а, согласно концепции Э. Хобсбаума¹⁶⁸, без этого невозможно образование национального государства), оно утратит свою природу под давлением таких факторов, как политическая активность растущей части мусульманского населения с экстерриториальной идентичностью, и других вызовов (глобализации, регионализации), рассмотрение которых выходит за пределы нашей задачи. Нация не является социальным куматоидом¹⁶⁹, безусловно самовоспроизводя-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ В Российской Империи в районах традиционного распространения ислама действовали суды кади, применявшие нормы шариата и адата, не противоречившие законодательству. После 1917 г. они были ликвидированы, но затем в ряде районов Северного Кавказа восстановлены. Они действовали параллельно с общегражданскими судами и рассматривали брачно-семейные, наследственные, а также незначительные гражданские и уголовные дела. К концу 20-х гг. эти суды были ликвидированы. См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманские суды в странах Арабского Востока. Государственный аппарат: Сборник статей. Отв. ред. В.Е.Чиркин. М., Наука, 1984.

¹⁶⁷ Merkel soll Debatte um «Leitkultur» beenden, 2006. Режим доступа: <http://www.netzeitung.de/deutschland/381846.html>

¹⁶⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., Алетейя, 1998.

¹⁶⁹ Социальный куматоид — это некоторая программа или совокупность программ человеческого поведения, не обусловленная нашей биологической наследственностью, но воспроизводимая в конечном итоге по непосредственным образцам, т.е. о социальных куматоидах можно говорить, когда имеет место некоторый последовательный процесс воспроизведения образцов, относительно независимый от материала. См.: Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблема анализа знания. Теория социальных эстафет: История — Идеи — Перспективы. Новосибирск, Наука, 1997, с. 9—67.

щимся в рамках национальных границ за счет простого демографического восполнения популяции.

Возникнет новое прочтение роли государства и государственных институтов, прежняя монополия на власть которых будет трактоваться ограниченно для целой категории граждан, пользующихся привилегиями гражданства, но не разделяющих традиционно подразумеваемые гражданским статусом обязанности. Новым этапом в развитии (или деградации) демократической государственности будет существование параллельной судебной и законодательной власти, решения которой общеобязательны лишь для отдельной категории граждан.

Что касается перспектив демократии, то возможны несколько вариантов развития событий. В политическом поле европейских государств могут возобладать националистические движения, последователи которых будут сторонниками избирательных авторитарных мер по отношению к проявлению мусульманами своей идентичности в публичной сфере (так, в Швейцарии крайне правые успешно набрали кворум для инициирования общенационального референдума по вопросу запрета строительства минаретов)¹⁷⁰. Или же либеральные политики будут готовы ограничить всеобщие права и свободы, а также урезать полномочия институтов гражданского общества с целью защитить светский характер этого государства от посягательств любых групп (впрочем, мусульмане в такой ситуации всегда воспринимают подобные меры как ущемление исключительно своих прав). Противоположный сценарий возможен, если исламский фактор в силу активности и последовательных действий его адептов вынудит государства в ближайшие десять-тридцать лет постепенно реформировать политическую систему, изменять конституцию, легализуя новые политические институты религиозного происхождения. Таким образом, именно приверженность принципам демократии может привести к десекуляризации европейских государств в недалеком будущем, и единственной религией, реально влияющей на политический процесс в европейских странах, останется ислам.

¹⁷⁰ Власти Швейцарии оппонируют запрет минаретов, 2008. Режим доступа: <http://www.islam.com.ua/news/5220/>

Балканы как зона турбулентности капитализма

Е.Г. Пономарева

Ускорение динамики развития современной мир-системы (И. Валлерстайн) поставило под вопрос привычную парадигму вестфальской системы, определенной положениями Мюнстерского и Оснабрюкского договоров 1648 г. — связью полноты власти с определенной территорией и распространением этого принципа на различные по своей организации и религии политические единицы. Однако контуры новой парадигмы пока не просматриваются. Процессы глобализации и наблюдаемое разнообразие различий путей развития политических сообществ питают непрекращающиеся дискуссии о будущем суверенных государств. Мир становится все более нестабильным, и знаменитая фраза Гюстава Флобера «Будущее — это худшее, что есть в настоящем» может оказаться справедливой и в отношении национально-государства.

Одна из важнейших задач, стоящих перед научным сообществом, видится в том, чтобы убедить властные группы оставить «худшее» в настоящем. Следовательно, необходимо понимать причины и факторы кризиса современного государства и изменения системы организации суверенитета.

Затяжной балканский кризис, начавшийся с распадом федеративной Югославии и выразившийся в череде гражданских войн, всплеске национализма и ксенофобии, гуманитарных катастрофах, появлении протекторатов и «несостоявшихся» государств на постъюгославском пространстве, следует рассматривать как прямое следствие развития современной мир-системы. Если до конца века капитализму как системе противостоял антикапитализм с СССР в качестве ядра, и в этом противостоянии был шанс для ответа на многие новые вызовы, то с уничтожением этого противовеса ситуация в корне изменилась. Капитализм вступил в глобальную и одновременно завершающую стадию развития, что означает не только изменение пространственной конфигурации накопления капитала, но и его сущностных характеристик.

Наблюдаемая с 1970-х гг. тенденция к большей географической мобильности капитала (т.е. занятие ранее закрытых и охраняемых государством территорий) — поглощение Азии, Ближнего и Дальнего Востока, европейской зоны советского влия-

ния — дополнилась функциональной деконцентрацией и децентрализацией корпораций. Как справедливо заметил еще в 1989 г. Дэвид Харви, после краха политики фордизма и кейнсианства произошел «переход к власти финансового капитала над национальными государствами». Этот переход, в свою очередь, привел к «распространению новых финансовых инструментов и рынков и появлению крайне сложных систем финансовой координации в глобальном масштабе»¹⁷¹.

Чем же объясняется глобальная победа капитализма? Частично ответ на этот вопрос можно найти у Джованни Арриги: «Необычайная экспансия капиталистической мировой экономики за последние пятьсот лет произошла не благодаря межгосударственной конкуренции как таковой, а благодаря сочетанию межгосударственной конкуренции с *постоянно растущей концентрацией капиталистической власти в миросистеме в целом* (выделено мной. — Е.П.)»¹⁷². Первоначально центром системы являлась Европа (точнее, в разные периоды — Венеция, Голландия, Англия), сегодня — США. Причем концентрация власти капитала достигла такого уровня, что сам институт государства как агент конкуренции и организации центру больше не нужен.

Если торжество капитализма наступает тогда, когда он «идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством»¹⁷³, то неолиберальная модель глобализации, главный проводник которой — США как неоимперия, как кластер ТНК, предполагает поглощение и подчинение *nation-state*.

Уничтожение жизнеспособных государственных организмов происходит при сохранении формальных, чисто юридических атрибутов государственности — членства в ООН и других международных организациях, конституции и т.п. Происходящие на Балканах (и не только) процессы свидетельствуют не о прямом захвате стран и «стирании» их с географической карты (это уже не столь важно), а о выхолащивании внутренней природы государства, лишении его власти. Мы можем наблюдать эту процедуру на примере Сербии, которую лишают не только контроля над политическим и экономическим пространством (через ангажированную элиту, ТНК и включение в евродолларовую зону), но и территорий (Косово, на очереди Воеводина).

Балканы в силу комплекса причин (психо-исторических, геополитических, этноконфессиональных, экономических и др.) испытывают прямое воздействие турбулентности капитализма. Джеймс Розенау соотносит турбулентность с системным хаосом, подобного которому мир не испытывал со времен глубинных сдвигов всех пластов мировой политики, приведших к появлению вестфальской конструкции. Состояние турбулентности может проявляться двояко. Во-первых, это признак распада системы, сложившейся при старой гегемонии, причем гегемония здесь понимается как господство и согласие подчиниться. Во-вторых, это ключевой компонент воссоздания системы при новой гегемонии, контуры которой еще не извест-

¹⁷¹ Harvey D. *The Condition of Post Modernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, Blackwell Publishing, 1989, p. 194.

¹⁷² Arrighi G. *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of our Times*. L., N.Y., Verso, 1994, p. 12–13.

¹⁷³ Бродель Ф. *Динамика капитализма*. Смоленск, Полиграмма, 1993, с. 69.

ны¹⁷⁴. Возрастание турбулентности мир-системы привело на Балканах к воссозданию практик раннего Модерна в ведении войн и формировании государств.

Если говорить о смене фаз и лидеров старой гегемонии, то, согласно Георгию Дерлугьяну и Кевану Харрису, она возможна, только когда значительная часть общества принимает предлагаемый (навязываемый) порядок вещей потому что:

- данный порядок представляется общим благом (например, позитив от вступления в ЕС — устойчивая валюта, визы и т.п.);
- обществу предложен весьма комфортный материальный компромисс (списание долга, снятие процентов по долгам, инвестиции в экономику, восстановление разрушенных во время войны объектов и т.п.);
- существующему порядку просто не видно реальной альтернативы («изоляция и сомнительные объятия России», усталость от санкций и войн)¹⁷⁵.

Нарастание системного хаоса/турбулентности (финансовый, экологический, демографический и иные кризисы) дополняется готовностью обществ, ранее не втянутых в «сосуд власти» (Э. Гидденс) капитала, войти в систему. Причем большинство «втягиваемых» обществ не понимают, что центр и периферия капиталистической системы, включаясь в процессы глобализации, имеют не только разные стартовые возможности, но и разные интересы и цели.

Если «вхождение» развитых стран в глобализацию проходило постепенно, осторожно и селективно, то у периферийных обществ нет времени даже для осознания надобности или ненадобности такого вхождения. Мировые лидеры повсеместно предъявляют новичкам жесткие условия. Их детали неоднократно уточняются, но суть неизменно сводится к либерализации торговли и цен, дерегулированию предпринимательской деятельности, всемерному сокращению хозяйственных функций государства, строгой фискальной политике. В итоге вызов суверенитету слабых государств принимает беспрецедентные масштабы: они не успевают не то что апробировать, а даже сформировать суверенные полномочия.

Показательную картину деградации периферийных обществ постъюгославского пространства дают разного рода рейтинги. Например, по индексу качества жизни из 192 стран мира Босния и Герцеговина занимает 74 место, Македония — 75, Сербия и Черногория — 108. С индексом государственности¹⁷⁶ дела обстоят хуже всего. Сербия (еще до отделения Косово) и Черногория занимали 145 место, Македония — 168, а БиГ — 174. Многомерный статистический и сравнительный анализ доказывает озвученный выше тезис: изучаемые страны лишь формально являются суверенными, а, значит, не могут играть самостоятельную роль в современной мировой политике.

Глобализация не только не приводит к выравниванию уровней жизни и созданию равных условий развития, не просто консервирует существовавший разрыв между бедными и богатыми обществами, но катастрофически увеличивает это

¹⁷⁴ См.: Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1990, p. 4–5.

¹⁷⁵ Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма; Арриги Дж. Долгий двадцатый век. М., Территория будущего, 2006, с. 19.

¹⁷⁶ См.: Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М, МГИМО — Университет, 2007.

разрыв, способствует деградации целых народов, является для них уже не столько внешним вызовом, сколько угрозой¹⁷⁷.

Есть ли выход из-под такого «глобального пресса»? Представляется, что при поиске альтернативы надо учитывать специфику самой глобализации, которая не охватывает всех процессов на планете, не включает все территории и все человечество в работу своих экономических, финансовых и политических механизмов. В то время как ее влияние распространяется на весь мир, ее фактическое функционирование и соответствующие глобальные структуры относятся только к сегментам экономических и политических отраслей, стран и регионов в масштабах, напрямую зависящих от специфического положения страны, региона или отрасли в международном разделении труда и в системе МО.

Во-первых, современное состояние мир-системы доказывает нелинейность ее развития, а значит и возможность выбора. В странах, переживающих процесс трансформации (Сербия, Россия) или формирования (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Косово, Абхазия, Южная Осетия) государственности, глобализация, с одной стороны, создает возможности для экономического роста, притока иностранного капитала и постепенного преодоления широко распространенной бедности, но с другой — сопровождается массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией. Это присущее глобализации противоречие можно использовать в национальных интересах.

Во-вторых, ослабить негативные последствия возможно возрождение государства. Только сильное национальное государство может оградить рынок для своих предпринимателей, обеспечить социальные гарантии всем слоям *своего* населения. Протекционизм во всех его формах, начиная от таможенных барьеров до государственных субсидий, от всевозможных норм и стандартов до антидемпингового законодательства, от административных проволочек до международных соглашений, обязывающих партнеров «добровольно ограничивать» свой экспорт, — старый и испытанный способ защитить свой собственный дом. В современных условиях к протекционистским мерам относят также отсутствие упорядоченного (по западным стандартам) правового поля, системы бухгалтерского учета и аудита. Даже самые рьяные сторонники неolibеральной экономики рекомендуют и используют многочисленные формы протекционизма.

В-третьих, разрушая существующую систему суверенитета, уничтожая государственность, идеологи глобализации живут краткосрочными интересами, не видя не только долгосрочных, но и среднесрочных перспектив. Они не хотят понимать, что «государство *необходимо* (выделено мной. — Е.П.) для того, чтобы рынки могли функционировать и капитализм не уничтожил бы сам себя, поскольку он часто близорук, а рынки иррациональны. Рынки, «не обузданные морально-политическими

¹⁷⁷ Согласно документам ООН, в транзитных странах с 1990 г. массовая пауперизация увеличилась с 14 до 168 млн. человек, что не имеет аналогов в истории. В докладе ООН «Глобализация благоприятствует богатым нациям» (12 июля 1999 г.) отмечается, что в 85 странах их 174 обследованных люди по показателям «индекса человеческого развития» стали жить хуже, чем они жили 10 лет назад, тогда как пятёрка ведущих стран — Канада, Норвегия, США, Япония, Бельгия — улучшила свои показатели. — Прим. авт.

законами, будут говорить, что наркотики, оружие и проституция — самые ценные товары»¹⁷⁸.

Значит, глобалистов *нужно убедить* в том, что именно суверенное государство должно и может всей своей деятельностью и разными способами определять важнейшие параметры рынка, устанавливая ориентиры и приоритеты для деятельности предпринимательских и иных структур. Именно государство призвано формировать общее экономическое и юридическое пространство, скреплять национальное единство, формировать целостность, ставить, наконец, ограничители для общественно опасной деятельности.

Современная проблемная государственность имеет множество причин, которые можно систематизировать следующим образом:

- Проблемы наполнения и реализации суверенитета. Это ограничение суверенитета международными игроками; дилемма право на самоопределение/нерушимость границ; вопросы о том, кто может выступать субъектом самоопределения и именоваться «нацией», в чем отличие нации от народа, каковы могут быть модальности суверенитета, позволяющие совместить интересы «материнского» и непризнанного государства.
- Отсутствие четких критериев признания новых государств, проблемы артикуляции ситуаций фактической сецессии.
- Споры вокруг методов реинтеграции/аннексии со стороны признанного государства-претендента (критерии блокирования таких попыток и основания для международной интервенции, формы участия третьих стран/ международного сообщества в преодолении «статусной подвешенности» непризнанных государств).
- Международно-правовые аспекты: формы (подходы) национального или международного реагирования на имманентный риск эскалации конфликтов между непризнанными государствами и государствами-носителями; поиск универсального алгоритма в действиях международного сообщества по возможному интегрированию уникальных, прецедентных решений в общую стабилизирующую функцию международного права и правоприменения; принятие решений в ситуациях «серых зон», «черных дыр», «криминальных очагов», «таможенных прорех» и т.п.
- Состояние капиталистической мир-системы, вызовы глобализации.

В международном праве до недавнего времени под «государственностью» принято было понимать особый признак, которым отмечено историческое развитие страны, нации, группы национальностей, союза племен и тому подобных образований, сумевших создать собственное государство или восстановить утраченное в силу различных причин (утрата независимости, объединение с другой страной и т.д.) Государство — не набор обязательных атрибутов, начиная от административного аппарата и заканчивая флагом и гербом. Государство — это, прежде всего, территориально-темпоральная организация народа, его «форма жизни» (Р. Челлен). Как представляется, его укрепление (там, где на это есть политическая воля элиты и поддержка граждан), может позволить смягчить проявления многочисленных современных кризисов.

¹⁷⁸ States and Sovereignty in the Global Economy. Smith D.A., Solinger D.J., Topik S.C. eds. N.Y., Routledge, 1999, p. 7.

Политика интеграции иммигрантов в принимающие общества: случаи Франции и Нидерландов

Т.С. Соколова

В последние годы мы наблюдаем, как изменяется Европа под влиянием миграционных потоков. Большинство государств, прежде всего западноевропейских, становятся все более разнородными с этноконфессиональной точки зрения. «Иммиграционный вызов» усиливает конфликтогенность общества, вызывая социальную напряженность между иммигрантами различных поколений и коренным населением.

Каковы причины возникающих на этой почве конфликтов? Каковы возможные пути их разрешения? Представляется, что главным для ответа на эти вопросы является изучение процесса интеграции иммигрантов второго и третьего поколений (ВТП) в принимающее общество в контексте иммиграционной политики государства (в данном случае Франции и Нидерландов).

Почему речь идет об иммигрантах ВТП, а не о вновь прибывших? Это объясняется тем, что данные поколения представляют собой особую категорию, поскольку:

- произошел определенный разрыв этих поколений со страной происхождения их родителей (в случае их возвращения они и там будут восприниматься как чужаки);
- автохтонное население стран, принявших их родителей, даже в случае, когда представители ВТП уже являются гражданами этих стран, все равно не воспринимает их в качестве равных, прежде всего, в силу культурных различий. Это проявляется не только на психологическом и бытовом уровне, но также в политике (подобные группы в меньшей степени представлены в органах власти, их интересы по сравнению с интересами коренных граждан часто ущемляются);
- ожидания иммигрантов ВТП, как правило, выше, чем у их родителей, для которых главной целью было найти работу и жилье. Последующие поколения все чаще заявляют о своих правах, в том числе культурно-религиозных, которые они связывают с родиной предков. Несоответствие действительности подобным ожиданиям (определяемое политикой светского демократического государства) воспринимается этими поколениями острее, чем первым поколением, что мо-

жет приводить и к бурным выражениям протеста.

Вышеупомянутые особенности иммигрантов ВТП свидетельствуют о сложности их самоидентификации и идентификации. Очевидно, что существует каузальная политико-психологическая зависимость между той или иной моделью иммиграционной политики, характером интеграции различных поколений иммигрантов и типом их взаимодействия с принимающим обществом.

Безусловно, мы принимаем во внимание, что влияние той или иной модели на поведение иммигрантов не является однозначным и универсальным. Тем не менее, анализ применяемых политик дает возможность выделить определенные тенденции и закономерности социальной инженерии. Известны две принципиально разные модели интеграции: ассимиляции и мультикультурализма. Отметим, что они выступают своеобразными «идеальными типами», которые играют роль аналитических инструментов, но не отражают всего многообразия реальности.

Анализ предлагаемых моделей опирается на изучение политико-философских концепций гражданства: в государственной иммиграционной политике прослеживаются определенные нормативные установки. Так, французская иммиграционная политика во многом воспроизводит «якобинскую традицию» гражданства, тогда как голландская модель базируется на теории мультикультурализма.

Модель «жесткой» ассимиляции реализуется во Франции и предполагает акцент на изменение базовых ценностей и образа жизни иммигрантов, их соответствие ценностным и поведенческим моделям, принятым во французском обществе. Понятие ассимиляции как «переплавки» выступает в данном контексте ключевым.

Для Франции характерны жесткие правила въезда иммигрантов в страну. Позиция Франции в отношении национальных диаспор связана с особенностями французской демократии, которая с момента своего возникновения не признает никакой особой «автономности» для своих этнических меньшинств¹⁷⁹. Этот принцип, отражающий влияние духа республиканизма, якобинской традиции, характеризует и французскую модель интеграции. Гражданство, принадлежность к французской нации должны превалировать над этнической, культурной, религиозной и прочими групповыми принадлежностями. Республиканские принципы предполагают, что различия преодолеваются путем ассимиляции в одну «легитимную» культуру, то есть культуру принимающей нации. Соответственно, единство и равенство в обществе являются результатом достижения «похожести» всех граждан, а возможное признание автономного статуса каких-либо групп, сохранение и защита их культурной идентичности могут привести к серьезному расколу в обществе и подорвать основы V Республики.

Ярким выражением республиканской концепции стал запрет на ношение мусульманских платков в публичных местах, который вызвал ожесточенную дискуссию, проходившую в несколько этапов на протяжении длительного времени. Сторонники этого запрета апеллировали, прежде всего, к необходимости сохранения светского характера Республики как одной из ее опор. Даже само использование в ходе дискуссии слова *платок*, а не *хиджаб* отразило оппозицию мультикультурализму во Франции. Подобное решение вызвало протесты в первую очередь со сто-

¹⁷⁹ Прожогина С. Интеграция по-французски. — «Азия и Африка сегодня», 2003, № 6, с. 44.

роны приверженцев ислама. Именно столкновение ислама и светских ценностей часто называют одним из основных препятствий на пути интеграции иммигрантов из стран мусульманского Востока (прежде всего, Магриба) и их детей. Среди других трудностей интеграции также можно назвать определенную непоследовательность и противоречивость этой политики.

Проследим развитие французской интеграционной политики за последние тридцать лет. Франция наравне с остальными ведущими западноевропейскими странами с момента окончания Второй мировой войны пережила несколько волн иммиграции. В 1970-е гг., период активного наплыва иммигрантов, французское правительство проводило весьма противоречивую политику. С одной стороны, оно способствовало воссоединению семей иммигрантов и создавало условия, в том числе финансовые, для их обустройства. С другой стороны, алжирцам перестали продлевать разрешения на пребывание в стране, была даже сделана попытка их насильственного выдворения. Данная политика оказалась крайне неэффективной и привела скорее к усилению нелегальной иммиграции, еще больше усложнив социально-политическую ситуацию и криминогенную обстановку. После этого правительство приостановило оказание помощи при репатриации, но в 1984 г. восстановило «помощь в реинтеграции», которая увязывала отъезд мигранта с проектом его адаптации на родине. До сих пор ежегодно этой возможностью пользуются до 1000 человек¹⁸⁰.

В 1980-е гг. с целью защиты «французской идентичности» была осуществлена реформа Гражданского кодекса, которая осложнила получение французского гражданства и вопреки прежнему закону лишила детей иммигрантов, рожденных во Франции, возможности «автоматического» приобретения такового. Именно в это время заговорили о «втором поколении иммигрантов», так называемых «бёрах». «Бёры» родились и выросли во Франции, были ее законными гражданами и настойчиво подчеркивали свое равное отношение к обоим мирам (восточному и западному). В то же время они не принадлежали ни одному из них и переживали кризис самоидентификации, усугубляющийся дискриминацией иммигрантов¹⁸¹.

В начале 1990-х гг. дело о запрете на ношение мусульманского платка в светских школах побудило иммигрантов активно отстаивать свое «право на разность». Давно образовавшаяся культурная и конфессиональная множественность французского общества, объективные тенденции к культурному восточно-западному синтезу натолкнулись на барьеры, подкрепляемые жесткой политикой ассимиляции.

Нельзя отрицать, что в некоторых сферах интеграция иммигрантов имеет определенный успех. Важным фактором интеграции стало освоение иммигрантами французского языка. Девять из десяти молодых людей алжирского происхождения (и только 26% их родителей) считают французский язык родным. Постепенно растет количество смешанных браков. По мере интеграции североафриканцев разрушается их арабская идентичность, традиционная семейная модель. Среди молодых людей, выходцев из Магриба, достаточно невелико количество практикующих мусульман¹⁸².

¹⁸⁰ Стрельцова Я.Р. Франция и проблема интеграции мигрантов. — МЭиМО, 2005, №9, с. 67–68.

¹⁸¹ Прожогина С. Интеграция по-французски, с. 45.

¹⁸² Стрельцова Я.Р. Франция и проблема интеграции мигрантов, с. 69.

В 1990 г. был создан Высший Совет по интеграции, который обладает общей компетенцией во всех вопросах, относящихся к интеграции проживающих во Франции иностранных граждан или французских граждан иностранного происхождения, и занимается подготовкой рекомендаций по разработке и реализации политики интеграции, урегулирования проблем сосуществования разных этнических и конфессиональных общин на территории государства и решения их социальных и гражданских проблем. Как страна с давней и активной миграционной политикой, Франция имеет и разветвленную систему соответствующих административных учреждений¹⁸³.

Уже в 1991 г. на высшем уровне заговорили о «пороге терпимости» в отношении иммигрантов, что создавало предпосылки для «выработки политики точного регулирования миграционных потоков иностранцев», ужесточения визового контроля, усиления требований к предоставлению «политического убежища», подготовки актов о мерах наказания нелегальных рабочих-иммигрантов и хозяев предприятий, где они работают. Но все эти проекты под давлением многих правозащитных организаций на тот момент остались нереализованными в силу своей «дискриминационности»¹⁸⁴.

Поскольку найти радикальное решение проблемы иммигрантов невозможно, Франция продолжила отладку механизма интеграции иммигрантов. Интеграция как процесс постепенного включения в общественную, культурную и политическую жизнь Франции во многом устраивает самих иммигрантов, имеющих в конечном итоге возможность получить образование и приобрести новые профессии, хотя для каждой диаспоры этот процесс сопряжен со своими особенностями и трудностями. Например, серьезные социальные осложнения возникают в начале трудовой деятельности «новых поколений» иммигрантов. В среднем более половины молодых североафриканцев более одного года после окончания учебных заведений не могут найти работу.

Если для иммигрантов из европейских стран, близких в культурном и религиозном плане французам, интеграция во французское общество не представляет особых трудностей, то совсем иначе обстоит дело с арабо-мусульманскими иммигрантами. В первую очередь это объясняется тем, что механизм интеграции иммигрантов предусматривает обязательное усвоение следующих принципов, которые во Франции считаются универсальными: «равенство для всех», что означает отказ от всякой «партикулярности», в том числе этноконфессиональной, и светский, мирской характер национальной культуры и образования, что означает отделение церкви от государства, общественной сферы от индивидуального бытия¹⁸⁵. Основанная на подобных республиканских принципах равенства модель интеграции, неприемлема для тех этнических меньшинств, которые, так или иначе, хотят отстоять специфичность своего статуса и уклада жизни (религиозных обычаев, семейных устоев). Это относится практически ко всем магрибинцам.

¹⁸³ См.: Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., ИЭПП, 2003, гл. 4. Франция. Режим доступа: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/org_ustroistvo/France

¹⁸⁴ Прожогина С. Интеграция по-французски, с.45.

¹⁸⁵ Там же.

Если к началу 1990-х гг. десятая часть всех браков заключалась между коренными французами и магрибинцами, то впоследствии почти две трети из них распались, прежде всего, по причинам несоответствия семейных и религиозных традиций и нетерпимости к ним одной из сторон¹⁸⁶. В политической сфере механизм интеграции действует еще слабее: на муниципальных, региональных, парламентских и, безусловно, президентских выборах кандидаты из среды мусульманских иммигрантов встречаются крайне редко.

Но наиболее серьезные трудности в интеграции иммигрантов вызывает культурное и социальное обособление иммигрантских общин, происходящее в специфических зонах, своего рода «гетто». Подобные гетто образуются преимущественно в больших городах в кварталах, куда в основном селятся ищущие во Франции работу африканцы и азиаты. Они вынуждены селиться на окраинах городов, где можно найти традиционно недорогое жилье. К тому же выходцы из различных стран предпочитают селиться «поближе к своим». В результате возникают зоны компактного проживания отдельных этнических групп, которые позволяют им сохранять и культивировать свои культурные образцы. Таким образом, среда маргинализует эти группы иммигрантов. В таких районах, как правило, высокий уровень преступности, во многом обусловленный безработицей среди населения их молодежи. Процесс маргинализации иммигрантов в свою очередь порождает подозрение, недоверие и «отторжение» со стороны европейского населения, что влечет за собой ответную реакцию жителей «гетто».

На сегодняшний день Франция не стремится отступать от своей модели интеграции иммигрантов, предполагающей жесткую ассимиляцию. Однако очевидно, что в существующем в настоящее время виде эта модель не приносит заметных положительных результатов. Порой даже наоборот: жесткое навязывание принципов демократического устройства общества приводит к резкому неприятию их со стороны части иммигрантов.

По мнению французского ученого Жюль Кепеля, «ни кровь, пролитая мусульманами Северной Африки, сражавшимися во французских мундирах во время обеих мировых войн, ни пот рабочих-мигрантов, живших в плачевных условиях и за жалкие гроши восстанавливавших Францию после 1945 г., не превратила их детей... в полноценных сограждан»¹⁸⁷.

Модель мультикультурализма, которая до недавних пор применялась в Нидерландах, наоборот, подразумевает включение иммигрантов в общество принимающей страны при условии уважения и признания их ценностей и культуры. Основой данной модели выступает не ассимиляция, а создание предпосылок для сохранения иммигрантами своей культуры. Концепция мультикультурализма включена в рамки дихотомии «либерализм-коммунитаризм». С одной стороны, она подразумевает, что общество неизбежно состоит из групп, различных в этническом, культурном, религиозном и прочих отношениях и что традиции и культура этих групп должны сохраняться, даже если это подразумевает крайнюю степень автономности, а с другой стороны — не отвергает идеи общества как совокупности индивидов, самостоятельно определяющих свою идентичность.

¹⁸⁶ Там же, с. 47.

¹⁸⁷ Цит. по: Лейкен Р. Разгневанные мусульмане Европы. — «Россия в глобальной политике», 2005, № 6, с. 93.

В Нидерландах группы этнических меньшинств гетерогенны. Их иммиграцию можно разделить на три стадии:

- во время первой стадии (в 1960-е гг.) в Нидерланды преимущественно прибывали иммигранты из стран Средиземноморья, Турции и Марокко; они активно привлекались голландским правительством для работы в стране на постоянных условиях;
- вторая стадия (1970-е гг.) характеризовалась тем, что в страну хлынул поток иммигрантов с территорий, принадлежавших ранее голландской колониальной империи, в частности, из Суринама и с Антильских островов;
- современная, третья, стадия отличается большим притоком беженцев и вынужденных переселенцев из стран Ближнего Востока, Африки, бывшей Югославии (в первую очередь, из Косово).

В 1997 г. население Нидерландов составляло 15,6 млн. человек, 2,7 млн. из которых принадлежали к этническим меньшинствам, а 1,2 млн. человек были «целевой группой» государственной политики интеграции¹⁸⁸. К этой группе относились как переселенцы из бывших голландских колоний и бывшие трудовые мигранты из Турции и Марокко, так и итальянцы, португальцы, греки, сомалийцы, иракцы, албанцы, вьетнамцы и т.д.

Правительство Нидерландов, как и власти многих других европейских стран, поначалу не отдавало себе отчет, что временные рабочие-иммигранты со временем превратятся в постоянных. Когда же стало очевидно, что иммигранты остаются и перевозят свои семьи, правительство стало активно разрабатывать программу интеграции.

В связи с тем, что в голландском обществе существовали естественные барьеры, затрудняющие интеграцию, правительство решило напрямую активно включиться в этот процесс. В 1979 г. основная координационная роль в этом процессе была отведена Министерству внутренних дел.

В 1983 г. появился так называемый доклад об этнических меньшинствах, в котором отмечались основные цели политики интеграции¹⁸⁹:

- создание условий, необходимых для интеграции этнических меньшинств и их превращения в непосредственных полноценных членов голландского общества;
- снижение социального и экономического отставания этнических меньшинств;
- предотвращение и борьба с дискриминацией в отношении этнических меньшинств, создание соответствующей законодательной базы.

Основной особенностью политики интеграции в Нидерландах стало принятие мультикультурализма как основы построения голландского общества в условиях присутствия большого количества различных этнических и религиозных групп. Согласно избранному курсу разнообразие этнических и религиозных меньшинств должно было приниматься таким, как оно есть, и идентичность каждой отдельной группы, ее своеобразие не должно было никаким образом ставиться под со-

¹⁸⁸ Frank Van Beetz. The Legal Instruments Required in the Strategy for a Successful Integration Policy in the Netherlands. Mode of access: http://www.coe.int/t/E/Social_Cohesion/Migration/Documentation/Publications_and_reports/Reports_and_proceedings/2000_Strategies_Beez.asp

¹⁸⁹ Там же.

мнение. Даже в правительственной программе интеграции вместо термина «иммигранты» практически везде используется термин «этнические меньшинства». Этот акцент сам по себе является частью программы и подчеркивает, что эти группы населения не являются более чем-то временным, чужеродным, «пришедшим извне» и рассматриваются как неотъемлемая составная часть голландского общества и государства.

Политика интеграции стала неотъемлемой и принципиальной частью общей политики государства. В 1998 г. в рамках Министерства внутренних дел был создан новый министерский пост по делам крупных городов и политике интеграции, что подтвердило серьезность отношения правительства к этой проблеме.

Среди основных составляющих правительственной программы следует отметить борьбу с дискриминацией, образование, помощь в адаптации «новоприбывших» и трудоустройство. Это связано с тем, что многие иммигранты остаются безработными, а большое количество иммигрантской молодежи сильно отстает в образовании от своих голландских сверстников.

В соответствии с перечисленными приоритетами правительство подготовило четыре «программы действия»¹⁹⁰: по проблемам молодежи (доступ к образованию), по борьбе с безработицей (сокращение в два раза разрыва в уровнях безработицы среди иммигрантов и коренного населения), по предотвращению дискриминации этнических меньшинств (посредством информационно-образовательных мер, «межкультурных тренингов» и ряда санкций) и по коммуникации (популяризация идей политики интеграции и ее положительных эффектов, аудио- и видеоознакомление населения с проблемами этнических меньшинств). Все это, как предполагалось, должно было содействовать формированию позитивного «сбалансированного» восприятия ситуации с обеих сторон (как со стороны коренного населения, так и со стороны иммигрантов).

Помимо этого был принят Акт о реэмиграции, который предусматривал оплату перемещения лиц, желающих вернуться на родину. Также в течение первых двух месяцев пребывания на родине реэмигранты получали щедрые компенсации, а те из них, кто был старше 45 лет и прожил в Нидерландах не менее трех лет, могли получать ежемесячное пособие от голландского правительства.

В разработанной голландским правительством политике интеграции основное внимание уделялось проблеме этнических меньшинств в крупных городах и проблемам иммигрантской молодежи. Акцент ставился на необходимости поддержания демократического общественного уклада в повседневной жизни: каждый член общества, в том числе иммигрант, должен был ощущать свой вклад в жизнь голландского общества и государства и «дух коллективной ответственности»¹⁹¹.

Для продвижения этой идеи государство поддерживало создание и деятельность различных организаций этнических меньшинств. Чтобы способствовать скорейшему включению иммигрантов и в политическую жизнь страны, правительство приняло решение о предоставлении иностранцам права голоса на местных выбо-

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же.

рах уже через пять лет проживания в Нидерландах¹⁹². Не создавалось затруднений и при получении иммигрантами гражданства. В результате за последнее десятилетие XX века среди стран Европейского Союза в Нидерландах был отмечен наибольший прирост удельного веса иммигрантов, получивших гражданство этой страны: с 2 до 9% от общей численности иммигрантов¹⁹³.

Поскольку самой серьезной проблемой всегда была проблема интеграции иммигрантов-мусульман, практически ни в одной другой стране Европы не было столько сделано для их обустройства, как в Голландии. Следуя логике мультикультурализма и терпимости к меньшинствам, она активно предоставляла политическое убежище десяткам тысяч мусульман, скрывающихся от преследования. Иммигранты имели доступ к значительным пособиям, льготному жилью и бесплатным языковым курсам, получали привилегии при приеме на работу. За счет голландских налогоплательщиков финансировались мусульманские религиозные школы и мечети. Общественное телевидение передавало программы на марокканском арабском языке¹⁹⁴.

Несмотря на четко разработанную программу интеграции и на более чем терпимое отношение правительства страны к этническим меньшинствам, идея «мирного» мультикультурализма не смогла полностью воплотиться в современном голландском обществе и предотвратить нарастание социальной и политической напряженности, проявившейся последние годы.

Более того, голландская модель постепенно видоизменяется в сторону ужесточения. Остро встал вопрос о допустимых пределах соотношения культуры иммигрантов и традиций голландской государственности. С середины 1990-х гг. в медийном и политическом дискурсе все чаще поднимаются вопросы о «провале» политики мультикультурализма, о существовании угрозы со стороны ислама, приверженцами которого является значимая доля иммигрантов различных поколений, о необходимости укрепления светского характера государства (запрет на ношение *хиджаба*) и введения более жестких интеграционных требований. Все чаще слышны голоса об опасных последствиях внедрения мультикультурализма, не только не способствующего стабильности голландского общества, но и угрожающего исконной культуре и традициям. В результате на практике наблюдается постепенное усиление популярности ассимиляционной модели интеграции.

В итоге мы видим, что и более либеральная голландская модель интеграции постепенно перенимает более жесткие ассимиляционные практики, характерные для французской модели. Но ни одна из моделей на настоящий момент не смогла в полной мере решить проблему интеграции различных поколений иммигрантов в принимающие общества. По-прежнему в иммигрантской среде велик процент безработных и лиц с отсутствием должного образования, пригороды («места компактного проживания» иммигрантов) сильно криминализованы. Помимо этого и во

¹⁹² Хижный Э.К. Иммиграция в страны Западной Европы: экономические, демографические и юридические аспекты. — «Россия и современный мир», 2005, № 1, с. 13.

¹⁹³ Eurostat Yearbook 2002: The Statistical Guide to Europe, Data 1990–2000. Luxembourg, European Commission, 2002, p. 84.

¹⁹⁴ Лейкен Р. Разгневанные мусульмане Европы, с. 95.

Асимметрия мирового суверенитета: зоны проблемной государственности

Франции, и в Нидерландах растут ксенофобские настроения среди коренного населения, а ислам в умах обывателей все чаще воспринимается как угроза. Этому способствуют периодические вспышки напряженности, беспорядки, погромы в обеих странах (например, в 2004 г. в связи с убийством голландского режиссера Тео Ван Гога, в 2005 г. — гибелью двух арабских подростков во Франции), которые с новой силой порождают споры о возможных путях решения проблемы интеграции.

Политика ассимиляции, более жестких мер в отношении интеграции вызывает недовольство и напряженность в обществе, в частности, в иммигрантской среде, но завоевывает все больше сторонников. Однако следует признать, что успех любой модели зависит, прежде всего, от последовательности воплощения ее в жизнь, эффективности работы институтов интеграции (в первую очередь образовательных и обеспечивающих занятость) и преодоления ксенофобии.

Об авторах

Абрамов Алексей Владимирович — кандидат политических наук, третий секретарь Четвертого Европейского Департамента МИД России

Алексеев Иван Петрович — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Бондаренко Татьяна Юрьевна — аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Ильин Михаил Васильевич — зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России, профессор, д.полит.наук

Колобов Алексей Олегович — к.и.н., доцент Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Косач Григорий Григорьевич — д.и.н., профессор РГГУ

Кудряшова Ирина Владимировна — к.полит.н., доц. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Мелешкина Елена Юрьевна — к.полит.н., доц. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Пинюгина Елена Викторовна — аспирант ИНИОН РАН

Пономарева Елена Георгиевна — к.полит.н., доц. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

Соколова Татьяна Сергеевна — аспирантка Кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России